

МІНІСТЕРСТВО КУЛЬТУРИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА імені В. Г. КОРОЛЕНКА

Марія Чегринець

**«Нам виден свет сияющего завтра»
(спогади про поета Ольгу Бондаренко)**

Харків
«ЛІДЕР»
2019

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА имени В. Г. КОРОЛЕНКО

Мария Чегринец

**«Нам виден свет сияющего завтра»
(воспоминания о поэте Ольге Бондаренко)**

Харьков
«ЛИДЕР»
2019

УДК 821.161.1(477)-1+023.5(477.54-25)ХГНБ
Ч-34

Утверждено к печати ученым советом
Харьковской государственной научной библиотеки имени В. Г. Короленко
(протокол № 2 от 7 марта 2019 г.)

Чегринец М.

Ч-34 «Нам виден свет сияющего завтра» : (воспоминания о поэте Ольге Бондаренко) / Мария Чегринец ; М-во культуры Украины, Харьк. гос. науч. б-ка им. В. Г. Короленко. – Харьков, 2019. – 220 с.
ISBN 978-617-7476-19-0

Дослідження життєвого та творчого шляху поета – співробітниці Харківської державної наукової бібліотеки ім. В. Г. Короленка (ХДНБ) Ольги Тимофіївни Бондаренко (1922 – 1991), спогади про її непросте та багатострадалне життя, про творчість і забуття. В книзі використані документи особистих архівів, публікації в пресі, унікальні фотографії і – вірші, які оцінила сама Анна Ахматова. Видання призначається широкому загалу читачів.

Исследование жизненного и творческого пути поэта – сотрудницы Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко (ХГНБ) Ольги Тимофеевны Бондаренко (1922 – 1991), воспоминания о её непростой и многострадальной жизни, о творчестве и забвении. В книге использованы документы личных архивов, публикации в прессе, уникальные фотографии и – стихи, которые оценила сама Анна Ахматова. Издание предназначается широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1(477)-1+023.5(477.54-25)ХГНБ

© Чегринец М. Н., 2019
© Издательство «Лидер», 2019

ISBN 978-617-7476-19-0

Слово к читателям

Вашему вниманию, дорогие читатели, предлагается книга, которая поведаст о женщине-поэте с очень непростой судьбой. Название её не случайно. Это строчка из стихотворения поэта Ольги Бондаренко. Оно оптимистично и зовёт вперёд, в прекрасное будущее, но с напоминанием о прошлом, без которого будущего нет. Книга выстраданная, в чём-то вымученная, писалась с огромным вдохновением, возможно, где-то наивная и добрая, неразрывно соединённая с памятью.

Я не прошу вас оценивать мою книгу. Я хочу понимания. И ещё – сопереживания. Мне это кажется очень важным. Книга – исследование, книга – воспоминание, книга – благодарение, книга – чрезвычайного откровения. Она отражает субъективный взгляд на пережитое и глубоко прочувствованное.

Издание с живыми биографическими чертами содержит взволнованное и убедительное повествование о творческой индивидуальности, о долгих годах, проведенных Ольгой Бондаренко в Харьковской государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко. Я хочу поделиться с вами, дорогие читатели, своими наблюдениями, переживаниями, связанными с этой неординарной личностью, – всем тем наболевшим, что, по моему глубокому убеждению, должно остаться в памяти поколений. Это книга о сложной жизненной ситуации, об отношениях с окружением, об исканиях и глубоких потрясениях, о любви и её трагедии, о творческих радостях и огорчениях, об отчаянии и одиночестве.

В издание вошло много интересных документов. Некоторые факты из жизни Ольги Тимофеевны Бондаренко освещаются впервые. Привлечены подлинные документы и личный архивный фонд Ольги Бондаренко. Книга насыщена большим фактическим материалом, не публиковавшимся до этого, также приводятся фрагменты и тексты из журнальных и газетных статей, мысли и отзывы читателей, информация из домашнего архива её дочери – Анны Акуловой.

Мы живём в сложное время. Кардинальные перемены. Каждый выбирает для себя: стоять на месте или двигаться, думать, как все, – или, сделав собственный выбор, служить избранной цели, угаснуть в небытии, так ничего и не совершив, – или остаться в памяти потомков навсегда. Время, безусловно, всё расставит по своим местам, но, даже в такой сложный период, важно помнить, сохранять, беречь и оставлять поколениям, тем, что придут нам на смену, то прекрасное, что у нас есть, что не должно кануть в небытие. У Ольги Бондаренко как поэта, никогда не стремившегося к славе, было собственное поэтическое звучание и свой особый литературный вкус, многим казавшийся неприемлемым.

В издании представлена переписка с родными, показывающая жизнь и творчество в контексте поэзии. Её стихи, несмотря на неоднозначное к ним отношение, всегда вызывали и продолжают вызывать искренний интерес. В книге много ярких жизненных деталей. Горький юмор, отзывчивая любовь к людям, чуткая душа и любящее сердце, диалектика поисков, проб и ошибок подчёркивают драматическую судьбу малоизвестного харьковского поэта – Ольги Тимофеевны Бондаренко, её своеобразный духовный облик. Для неё красота природы или восторг любви, возвышенное или эмоциональное их переживание представляют собой спасение от однообразия, чёрствости повседневной жизни и сложных человеческих отношений, ту светлую и прекрасную сферу бытия, куда можно уйти от невзгод обыденного существования. Всё оживает в конкретных событиях, лицах, душевных переживаниях, в трагических поворотах её жизни.

М. Чегринец

Огромная благодарность
Анне Акуловой – дочери
Ольги Тимофеевны Бондаренко,
предоставившей оригиналы личных
документов, рукописные дневники,
фотографии, заметки и другие записи,
сделанные рукой её мамы.

Безграничная и особая благодарность
моему строгому и мудрому критику,
истинному ценителю и почитателю
творчества поэта-библиотекаря
О. Т. Бондаренко
Жанне Петровне Корневой – заведующей
отделом систематизации и организации
систематических каталогов Харьковской
государственной научной библиотеки
им. В. Г. Короленко в 80–90 годах XX ст.

Искренняя признательность и
благодарность Елене Ивановне
Танько – учёному секретарю
ХГНБ им. В. Г. Короленко,
заслуженному работнику культуры
Украины за исключительно важные
советы, предложения, подсказки
и за глубокое проникновение
в творческое содержание книги.

Огонь творчества раскрывает
двери духу. И потому творчество
даёт человеку радость, ни с чем
не сравнимую.

Из дневников Ольги Бондаренко

Какие прекрасные тени легли
На лоно мелькающих дней!
Я кланяюсь каждому метру земли
За то, что живу на ней.

Как милы мне травы на летнем лугу
И ветра ласкающий бег!
Я даже представить себе не могу,
Что кончится где-то мой век...

Ольга Бондаренко

В мире ценностей привычных,
Где всегда восходит солнце,
Где порой гуляют ветры
И неистова зима,

Как мне хочется подольше
В этом мире продержаться!
Чтоб легла ещё не скоро
Грусти траурной кайма.

Ольга Бондаренко

Необычная женщина

Мне очень нелегко говорить о человеке, которого уже много лет нет в живых, но который оставил особенный след в моей душе. Этот человек – **Ольга Тимофеевна Бондаренко**, а для близких людей – просто Люся.

Необычная женщина, необычная судьба, необычная поэзия. Всё здесь необычное. И я беру на себя смелость написать об этом человеке.

Ольга Бондаренко

Знаю и чувствую, что будет нелегко, но я попытаюсь. Её жизненный путь не был гладким, жизнь никогда и ни в чём не баловала Ольгу Тимофеевну Бондаренко.

Это будет моим благодарением светлому образу Ольги Тимофеевны – особенной женщины, потрясающему поэту, библиотечарю-трудоголику, настоящему знатоку и тонкому ценителю художественной литературы, наконец, – умной и многогранной личности.

Мы работали бок о бок всего несколько лет, но эти годы запомнились мне на всю жизнь, и пока я жива, пока дышу и чувствую, во мне будет жить её поэзия, трепетная, волнующая и неповторимая. У неё был собственный поэтический голос, собственное ощущение и понимание поэзии, лаконичность стихотворных строф и, многим казавшийся странным, литературный вкус, который отличался от общепринятого. Ольга Тимофеевна, к большому сожалению, сильно занижала свою самооценку. В её поэзии есть чётко выраженное восхищение, восторг или ирония, но порой всё такое осторожное, хрупкое, трепетное, словно она просит извинить за что-то. Удивительное умение увидеть в обыденном мире живые картины человеческого бытия, умение радоваться или грустить производят настолько сильное впечатление, что, не раздумывая, хочется поднять созданную ею самооценку.

С берегов своего творчества она обращается к себе, к нам, к будущему поколению. Увиденное и пережитое ею самой создаёт разные образы окружающего мира.

Щемящее чувство воспоминаний наполняет душу. Жизнь поколения Ольги Тимофеевны, перенёсшего столько бед и лишений, выстоявшего в трудный период, сохранившего лучшие человеческие качества, была наполнена смыслом, и этого у него не отнять. Я, наверное, где-то подсознательно понимаю, чем талантливее человек, тем больше он может оставить после себя и тем больше он может охватить. У меня такое впечатление, что эта женщина охватывала бесконечность.

Теперь, когда о ней остались только воспоминания, остались её стихи, важно зацепиться, чтобы поймать ниточку, ведущую к пониманию этого незаурядного и непостижимого человека.

Ольга Тимофеевна была противоречива до невозможности, но в моей памяти она навсегда останется светлым, бескорыстным и неординарным человеком, покорившим меня с самых первых дней нашего знакомства окончательно и бесповоротно.

Первая встреча и неожиданное знакомство

Часто в разговоре можно услышать, что интересный человек, неординарная личность запоминается с первой встречи. Я убедилась, что это действительно так. Более того, каждый человек переживает индивидуальные жизненные этапы. Они совпадают с полосами существования и развития других людей, создавая общую мозаику жизни.

Шёл 1984 год. Я в то время работала в отделе комплектования Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, а затем приняла предложение о переводе в отдел систематизации и организации систематических каталогов. В первый же день моей работы в новом для меня отделе обратила внимание на маленькую с непропорциональной фигурой сутуловатую женщину. Она молчаливо сидела у окна (ее рабочий стол находился рядом с окном) и была вся погружена в свои мысли. В тот же день, когда все ушли на перерыв, оказалось, что в помещении (а наш отдел состоял из двух комнат) остались мы вдвоем: я и эта странная женщина. До перерыва я слышала от неё только несколько фраз, и они поразили меня своей необычностью. Это были высказывания человека, не вписывающегося в общепринятые рамки, человека, который мыслил совершенно нестандартно. Не могу сейчас вспомнить, о чем именно были эти высказывания (прошло более тридцати лет), но то, что они поразили меня, помню хорошо. И еще помню, что мы остались действительно одни во время перерыва. Минут пять сидели в молчании, каждый занят своим делом, а потом внезапно Ольга Тимофеевна повернулась ко мне и сказала: «Я чувствую, что вы пишете стихи, и если вы сейчас скажете, что этого никогда не было – я не поверю. На вас лежит та же печать...» – и она как-то скорбно покачала головой. Я растерялась и молча смотрела на эту пронизательную женщину.

«Почему вы молчите? – как-то строго спросила она, – вы не хотите признаться, что я права».

И тогда я призналась, что стихи пишу, но все реже и реже, а раньше писала много, особенно в юности.

«Вот видите! – с торжеством и в то же время как-то по-детски воскликнула Ольга Тимофеевна. С того дня мы с ней подружились и часто беседовали на самые разные темы.

Вначале я смущалась и чувствовала себя очень неловко, потому что моя новая коллега сразу же с первых дней начала откровенничать со мной и делиться такими мыслями, которыми можно делиться только с очень близкими людьми. Потом я привыкла и ценила наши откровенные беседы. Ольга Тимофеевна всегда обращалась ко мне на Вы. Я заметила, что она всем говорила: Вы, независимо от возраста тех, к кому обращалась. И даже это как-то заслуживало уважения.

Иногда у меня возникало искреннее желание: хотелось чем-то помочь ей, как-то поддержать, но я не знала, как это сделать. К тому же, я тогда не понимала, нужны ли ей мои эмоциональные порывы. Я боялась показаться назойливой или навязчивой. И ещё один момент: в то время нравственные ориентиры Ольги Тимофеевны были для меня размыты, неясны и не совсем понятны. Мне импонировали уровень знаний и её внутренняя культура. Этого не спрячешь. Оно или есть, или его нет.

Мне нравилась эта женщина, нравились её неординарные суждения обо всём, поражало и опять-таки притягивало её мнение о том или ином явлении нашей жизни, которое было прямо противоположным общепринятому. Необычность этой женщины притягивала, как магнит, а порой (если уж быть откровенной до конца) немного пугала. Она открывала передо мной шокирующую бездну одиночества. Но в то далёкое время я не понимала, насколько велика эта бездна. Это я поняла сейчас, спустя тридцать лет. А тогда из нашего общения с Ольгой Тимофеевной я определила только то, что её заветное желание – по возможности приблизиться к гармонии природы, к духовным высотам поэзии и религии.

Для себя я отметила, что она огромное значение придаёт **своим** переживаниям, **своему** философско-психологическому миру, **своему** утончённому чувству жизни. В её мироощущении важнейшей составляющей было чувство гармонии и полное отсутствие фальши. Она, как никто, ощущала быстротечность и мимолётность земного существования и спешила что-то оставить на этой земле.

Человеческая жизнь, как будто вспышка в Космосе – была, и не стало, фиксируется началом и концом, пульсируя только в памяти людей, да и то не всегда.

Реальная жизнь опускала Ольгу Тимофеевну на землю, что почти всегда сопровождалось болезненной и мучительной опустошённостью. Она набивала шишки, но по-другому жить не могла. Любила жизнь, умела ценить её маленькие радости. Как-то призналась мне, что никогда не видела моря и имеет самое смутное представление о нём. Она проговорила, что может написать о чём угодно, но о море не может. И ей было по-детски грустно от этого. Наши доверительные беседы помогли мне понять, что Ольга Тимофеевна – человек, вышедший за рамки обыденности, но не презирающий мир, а, наоборот, – это человек, принимающий мир таким, какой он есть. И поэтому она была благодарна жизни за каждое её мельчайшее проявление. Более того, она считала, что и библиотечная профессия – это целый мир! Мир творчества, знаний, культуры, общения, что ни одна другая профессия не предполагает такого общения с людьми и книгами, как библиотечная.

Ольга Тимофеевна увлекла преданностью поэзии и своей жертвенной любовью, о которой с тихой печалью поведала мне. Она и тогда, и сейчас по прошествии стольких лет вызывает целую гамму человеческих чувств. Быть самим собой, ни у кого ничего не заимствовать, не подвергаться влияниям – таким было её жизненное кредо. Стихов она писала много.

Они рождались в любое время суток – утром, днём, вечером, ночью, иногда в самых неудобных местах. Помню, Ольга Тимофеевна пришла на работу и рассказала, как накануне шла пешком домой (она часто совершала такие длинные прогулки до самого дома), и вдруг пришло вдохновение: зазвучали стихи, а записать было нечем. Она испугалась, что не запомнит и потеряет нужные строчки, поэтому схватила первый попавшийся камень и начала писать на асфальте. Люди проходили мимо и с опасением поглядывали на неё, но ей было всё равно. Главное – успеть записать и запомнить.

Поэзия Ольги Тимофеевны – голос сердца, зеркало души. Она всегда была в её жизни: и в минуты отдыха, и в минуты радости, и в горе, и во время выполнения любой работы – всегда, потому что Ольга Тимофеевна не могла жить без неё.

Ольга Тимофеевна считала, что по жизни легко идти только тогда, когда вокруг свет, когда можно купаться в лучах счастья и радости, – тогда, когда вокруг понимающие люди.

Но в её жизни, к сожалению, было много непонимающих людей, равнодушных или даже бездушных, не умеющих слышать. И поэтому её жизнь часто приобретала привкус горечи. Ей хотелось жить в гармонии с миром, с людьми, и с собой, но всё оказалось не так просто.

В нашем сумасшедшем вихре жизни так тяжело остановиться, найти время для размышлений, спокойного общения. Постоянно куда-то бежишь, суетишься, ничего не успеваешь, что-то очень важное откладываешь на потом, ... и только болезненные потери заставляют остановиться, оглянуться и задуматься, понять, куда и зачем мы бежим. ... Я была тогда так молода, сколько всего интересного вокруг, и во всём хотелось поучаствовать. Если бы можно повернуть всё вспять, то, наверное, и Ольге Тимофеевне досталось бы больше моего внимания, моего понимания и моего сопереживания. Всё это было, но не в том количестве, в каком она нуждалась.

Щемящее чувство печали и осознание того, что поэтические мечты растрачиваются впустую, вызывали глубокое сочувствие. Я это ощутила сразу. Скорбные, взволнованные монологи Ольги Тимофеевны (а это на самом деле было так, потому что наши беседы часто превращались в монолог с её стороны, она говорила, я молча слушала) сопровождались отражением сиюминутного и непосредственно переживаемого. Это переживаемое зачастую было возвышенным и бесконтрольным, но глубоко прочувствованным. Часто она сидела тихо-тихо и долго молчала. Иногда очень тяжело вздыхала – глубоко-глубоко....

В такие минуты было страшно её потревожить. Её погружение в себя, равно как и в работу, были предельными – всё вокруг исчезало и казалось нереальным. Конечно, тогда, в силу своей молодости, я не сумела по-настоящему разглядеть скрытую драму её жизни. К сожалению, это пришло намного позже.

Обзоры литературных новинок

Ольга Тимофеевна проводила прекрасные запоминающиеся обзоры литературных новинок, она умела основательно к ним подготовиться, была весьма эрудированным человеком не только как систематизатор литературы по филологическим наукам, но и по природе своей, это было заложено в ней и неотъемлемо от неё. Она умела увидеть в книге или даже в любой публикации то, чего не видели другие, но то, что оказывалось потом таким явным, простым и понятным, что заставляло удивляться: как же мы не догадались сами. Свою работу любила маниакально, считая, что библиотека – это место, освящённое знаниями, усыпанное золотой россыпью стихов замечательных поэтов, наполненное умными мыслями великих людей, это место душевного спокойствия и вдохновения.

Ольга Тимофеевна не боялась трудностей ни в чём. «Ничто в жизни мы не получаем без большого труда, это уже проверено», – так однажды она сказала. Если начинала подготовку к обзорам, то выбирала очень трудные темы, к которым готовилась самым тщательным образом. Об этом свидетельствует запись в дневнике: «Начала работать над темой «Условность в литературоведении. Мне сказали: «Опять влезаете в дебри. Это вам не по плечу». А зачем брать лёгкую ношу? Кому она нужна?». Чуть позже поделилась с тем же дневником: «Вначале это был тёмный лес, – я даже испугалась: не справлюсь. Но постепенно контуры прояснились, и так увлеклась, что жаль уходить домой».

У неё был высокоразвитый художественный вкус, и это ощущалось сразу же, как только она начинала говорить. Её привлекали поэты «серебряного века». Их творчеством Ольга Бондаренко увлеклась ещё в университете. Зачитывалась стихами Александра Блока, которого выделяла из целой плеяды других поэтов. Он был ей ближе всех по духу. Она считала его очень искренним. Восхищалась не только творчеством, но и личностью самого поэта. Чтение стихов Блока доставляло Ольге Тимофеевне необъяснимое наслаждение. Она читала и перечитывала их, удивляясь, как можно было так написать....

В своих дневниках она записала строчки, от которых, по её определению, чуть не сошла с ума. «Своими горькими слезами над нами плакала весна...». «Я от них ошалела», – пишет Ольга Тимофеевна. Даже простила Блоку его неоднозначное отношение к поэтическому творчеству Анны Ахматовой и его обидные слова: «Она пишет стихи, как перед мужчиной, а надо писать, как перед Богом».

Ей невозможно было что-то навязывать, особенно в отношении к литературе. Если все восхищались каким-нибудь модным поэтом, она не спешила присоединиться к подобным восхищениям. Не все доверяют поэту с первого слова. Ольга Тимофеевна относилась к тем людям, которым этого мало. Она сначала читала стихи и только потом высказывала своё, именно своё мнение, даже, если оно вразрез расходилось с мнением остальных. Помню, все восхищались Робертом Рождественским, новизной его стихов. Она же оставалась равнодушной к поэзии Рождественского и как-то сказала мне, что он её совершенно не волнует. Не затронул струны её души, хотя несколько интересных строк нашла и у него. Но просто интересные строки и не более того. Вот Пастернак её покорила как-то сразу и надолго.

Творчество, а поэтическое творчество в особенности, формирует эстетический вкус, высокую читательскую культуру, развивает воображение и фантазию. Но важно ещё и любить собственный процесс созидания. Ольга Тимофеевна любила этот процесс, даже если он сопровождался мучительными размышлениями и раздумьями.

Я помню, как мы спешили в актовый зал занимать места, зная, что Ольга Тимофеевна будет проводить очередной обзор новых изданий и публикаций. И коллеги из других отделов тоже торопились на эти обзоры, потому что понимали: действительно будет интересно. Каждый обзор сопровождался комментариями самой Ольги Тимофеевны. Это был калейдоскоп многолетнего опыта творческой работы в отделе систематизации библиотеки – работы с интереснейшим разделом филологических наук. Обладая прекрасным чутьём и обширнейшими знаниями, она, готовясь к обзорам литературного творчества, смотрела на всё под собственным углом зрения и в самом обзоре преподносила неожиданные высказывания.

После одного из таких обзоров заведующая отделом систематизации Жанна Петровна Корнева рассказывала: «Все слушали Ольгу Тимофеевну на одном дыхании. А когда чтение окончилось, никто не шелохнулся, будто ждали продолжения. Потом раздались голоса: «Это было прекрасно!» «Какая богатая речь!» «Какие образы!» Что значит ничего лишнего, всё продумано». Я хочу привести пример.

Только за 70-е годы она подготовила десятки интереснейших обзоров. Среди них такие:

«Методологические основы литературоведческих исследований». 1970.

«Современная болгарская поэзия». 1971.

«Проблема стиля в советском литературоведении». 1971.

«Литература и действительность». 1972.

«Русская классическая литература и кино». 1972.

«Экранизация русской классики». 1973.

«Поэзия и наука». 1974.

«Пушкин и музыка». 1975.

«Проблемы условности в литературоведении». 1976.

«Прогрессивное американское
литературоведение XX века»

и многие- многие другие.

Ей было совершенно неприемлемо равнодушие. Она понимала, что библиотекарь – это настолько уникальная профессия, что нужно как можно больше использовать её преимущества. И хотя для неё это был единственный храм культуры, где можно было наслаждаться не просто тишиной, а шелестом страниц, но Ольга Тимофеевна понимала и то, что как библиотекарь должна обладать системой знаний по различным отраслям, чтобы суметь вычленить главное в информационном потоке. В её представлении библиотекарь никогда не должен останавливаться в развитии, необходимо самообразовываться, принимать всё новое, что преподносит жизнь, чтобы обладать огромным багажом знаний. Необходимо разбираться не только в художественной литературе, но и во всех направлениях науки.

В отделе систематизации приветствовалась взаимозаменяемость, то есть каждый систематизатор должен был знать не только свои, но и другие разделы, разбираться в них.

Как систематизатор Ольга Тимофеевна была литературоведом, историком, педагогом, психологом, философом – специалистом, обладающим информацией по широкому спектру вопросов, имеющим хороший вкус в художественной литературе. Она проявила себя как прекрасный оратор, лектор и эстет.

Её филологическое образование, безусловно, давало о себе знать, но не оно было главным. Манера изложения, своеобразные суждения и подача, тонкое литературное чутьё – вот то, что притягивало, что заставляло волновать и чувствовать, что оставляло след в наших душах. Вот почему мы все спешили в актовый зал, вот почему в глубочайшей тишине слушали Ольгу Тимофеевну и потом долго находились под впечатлением.

Ольга Тимофеевна Бондаренко (рабочий момент в библиотеке)

Стихи и душевные переживания

И что самое интересное, мы уже подружились, но я еще не слышала ни одного её стихотворения. Потом, когда Ольга Тимофеевна прочитала мне первое, я была потрясена.

* * *

Нам виден свет сияющего завтра, –
Неясный свет.
Кто этот верный неизвестный автор
И кто поэт?

Кто возвратит таинственность и гласность
Простым словам?
Душа жива, её не могут спрятать
И сжечь, как хлам.

Эти строчки (как сейчас помню) звучали во мне целый день: и тогда, когда я ехала домой – в дороге, и тогда, когда я готовила ужин – уже дома, и даже тогда, когда я укладывала сыновей спать, и читала им на ночь, – я вдруг поднимала голову и задумывалась, вспоминая поразившие меня строки. Может быть, еще в то время у меня подсознательно отложилась мысль о том, что стихи будут продолжением жизни этой женщины, что они переживут её и станут историей. Позже, когда Ольга Тимофеевна подарит мне тетрадь – подборку своих стихов, она первым напишет именно это стихотворение, зная, как оно меня потрясло, какое сильное впечатление оно произвело на меня.

А сколько было других стихотворений!

Если в них окунуться по-настоящему, они притягивают и уже не отпускают. Они тревожат и будоражат мысли, волнуют чувства. Её стихи разные, как и наш мир: кричащие и сдержанные, грустные и радостные, откровенные и сокровенные. Иногда они щедро и уверенно разливают солнечные краски, а иногда погружают в такую печаль, что становится не по себе.

Стихи Ольги Тимофеевны настолько своеобразны, что их можно определить, как смесь глубоких философских размышлений и эмоциональных переживаний с личным посылом доброй, чистой, иногда немножечко наивной, но очень светлой энергетики, наполненной любовью.

Когда я читала её стихи, у меня иногда приостанавливалось дыхание – такая обнажённость, такое доверие, такая надежда – далеко не все поэты могут так писать.... Поразительная откровенность, благодарение свету, миру, торжеству жизни делало их очень искренними и особенными, даже несмотря на то, что некоторые из них были недостаточно слажены, иногда с непонятным скомканным концом. И ещё я поняла сразу, что Ольга Тимофеевна принадлежит к тем поэтам, которые проживают каждое своё стихотворение, как жизнь, умея сиюминутно почувствовать эйфорию и выплеснуть её в поэзию. Не зря же ей свойственна передача тончайших движений души. Её мышление, психология, вероисповедание, виденье и ощущение мира – всё отражается в стихах, рождающихся в голове в любую минуту, в неожиданном месте и в любое время. Для меня так и осталось загадкой соединение удивительно светлой души Ольги Тимофеевны с тем предельным трагизмом, которым зачастую наполнена её поэзия.

Ольга Тимофеевна была непредсказуемой женщиной, и этого отрицать нельзя. Иногда она замыкалась в себе, и целыми часами от неё нельзя было услышать ни слова, иногда же наоборот – её как будто прорывало – и она говорила-говорила и не могла остановиться. Но за годы совместной работы я не помню случая, чтобы мы с ней в чем-то не поняли друг друга. Она рассказала мне историю своей жизни, но я почему-то помню её отрывочно, наиболее яркие моменты, эпизоды, связанные с её любимым человеком, с любимыми местами, помню рассказы о людях, с которыми сталкивала её судьба. И, наверное, благодаря судьбе, у неё были очень интересные, судьбоносные встречи. На её пути появлялись люди, которых она потом не могла забыть.

Ольга Тимофеевна считала, что любовь – это великое состояние, которое человек может выплеснуть в пространство, в окружающий его мир: звёздам, деревьям, животным и людям. Для неё любовь была сильнее всяких материальных благ.

Несказанно, до умопомрачения нравилось ей многоцветье полян в парке им. Горького, устремлённых ввысь деревьев, кустарников, а от них в вечернем затишье её влекла за собой тайна звёздного неба. Ольга Тимофеевна засиживалась на этих полянах до крошечной темноты и никогда не чувствовала страха. От её рассказов у меня непроизвольно холодело сердце.

Но я видела, что она не лукавит, ей действительно не страшно. Она считала, что мир ласков, добр и что природа признательна ей и сама принимает её в свои объятия. Ольга Тимофеевна напитывалась энергией природы, выплёскивала её, а взамен получала свои радости, успехи, болезни и несчастья. К сожалению, страданий получала больше. Но даже в этом она проявляла удивительное свойство духа и принимала страдания как данность. Её внутренний мир был святыней, и всё, что с ним связано, принадлежало только ей. Ольге Тимофеевне хотелось уединиться, отвлечься от житейских забот и заниматься любимым делом – созидать поэзию.

Она была глубоко верующим человеком. Каждое утро начинала с молитвы, обращённой к Богу, благодарения за возможность жить, дышать, чувствовать и любить. Бывали дни, когда она теряла «творческую искру». Это были чёрные дни. Более того, она называла такие дни бесполезными и радовалась, когда вдохновение снова возвращалось. Самый высокий подъём вдохновения и непрерывного творчества Ольга Тимофеевна испытывала в период всплеска любви. Именно в зависимости от состояния накопленной любви появлялись те или иные стихи. У неё было хрупкое тело, но в идеале была развита эмоциональная сфера. Меня очень притягивала стойкость её чувств, в которой не было ни предела, ни грани пресыщённости. Для неё любовь была состоянием души. Это то состояние, когда душа наиболее открыта верховным началам добра, истины и красоты.

Она долгие годы любила человека, для которого её чувства не были такими значимыми, как для неё, но Ольга Тимофеевна признавалась мне, что ей хорошо просто потому, что она ЛЮБИТ. Когда она рассказывала о нём, у неё менялась речь, сияли глаза, и появлялись слова, свидетельствующие о неподдельной нежности к этому человеку. Они встречались более тридцати лет, но, увы, лишь встречались. Разлука и сомнения, невозможность быть с любимым только увеличивали силу любви. Это придавало её жизни определённый смысл. Она верила, что любовь – самое прекрасное чувство на земле, помогающее быть счастливым, дарить радость, тепло, заботу тому, кого любишь.

Недаром любовь считается эликсиром жизни – она пробуждает скрытые силы человека.

Любя, она откапывала и в себе, и в нём такие сокровища, о которых длительное время и не подозревала. Как она сама говорила, они были зарыты в глубинах эмоциональной сухости, особенно с его стороны, и проявлялись, к сожалению, очень редко.

* * *

Я принимаю всё, как есть,
Характер твой, порой строптивый,
И всю твою мужскую спесь,
И неоправданные срывы.

Не уголок души своей,
Я всю её тебе вручила.
И с каждым годом всё сильнее
Моей любви слепая сила.

Любовь в её случае – огромный труд, постоянное служение, дар Божий. Она не претендовала на взаимность, на верность, у неё не было никаких иллюзий, но порывы любви давали ей необыкновенную силу. Для неё это был ритм вечности, благодаря которому рождались стихи. Ей хотелось, чтобы согревалась душа, получая посылы любви. Стихи о любви отличались щемящей пронзительностью.

Составляющими всей жизни Ольги Тимофеевны были мысли, размышления, переживания, анализ творчества, вдохновение и озарение. Она очень тонко чувствовала СЛОВО. В одну строфу могла вложить все свои эмоции, все свои чувства. Она считала, что слова начинают жить только после того, как превращаются в графические знаки, а знаки размещаются на страницах. Произнесенные же слова умирают, вылетели и исчезли.

* * *

Не надоест восходы славить —
На то и дан Восток.
Так писано в моём уставе —
Всего на восемь строк.

Легко распахиваю двери
Всем солнечным часам.
А если кто мне не поверит —
Пусть убедится сам.

Её уверенность в том, что настоящее счастье можно найти в Слове, укреплялась с каждым днём. Экзюпери, выдающийся писатель-философ, когда-то давно заметил, что человеческое общение — большая роскошь. И он был прав. Настоящего общения не хватает всем — и взрослым, и детям. Но больше всего его не хватает поэтам. Им не хватает внимания.

Она была истинно творческим человеком, умеющим видеть красоту и верить своим чувствам. Ольга Тимофеевна верила в неограниченные творческие возможности человека. Природа наделила её особым даром постижения, казалось бы, непостижимого, поэтому проникновение в загадочный мир природы научило Ольгу Тимофеевну по капельке не спеша пить её живительную благодать. Она понимала и чувствовала душу растений, животных и очень пыталась понять душу человека, стремилась жить в мире и любви со всем окружением, не делая зла миру и себе. Её душа так часто пела, что все свои жизненные впечатления, переживания и мечты она спешила отразить в поэтических строчках. Жизнь в её стихах такая, какая она есть на самом деле, — порой жестокая, со взлётами и падениями, — порой трагичная, а иногда — такая интересная и добрая, что Ольге Тимофеевне хотелось плакать от благодарности за то, что она живёт. Она рассказывала мне, что, начиная новый день с молитвы, всегда произносила: «Какое счастье, что я живу, что я снова слышу пение птиц, шелест деревьев и могу пообщаться с Природой и с Богом».

Духовность — это и есть нравственная сила, которая позволяет не присоединяться к толпе, а быть самим собой.

У Ольги Тимофеевны было повышенное осознание и обострённое восприятие действительности. Она постоянно находилась в поисках смысла своей деятельности, чем и объяснялись её интересы, т. е. то, что она ценила, куда направляла и ориентировала свою жизнь. Ольга Тимофеевна была равнодушна к материальным благам. Есть – значит, есть, нет – значит, нет. Она как-то сказала мне, что в минуту озарения начинает понимать всю ничтожность материальных благ. Её не волновали вещи, она никогда не стояла в очереди за одеждой или дефицитными продуктами. Ей это было настолько чуждо, что некоторых моих коллег такое отношение даже возмущало. Она жила в своём, непохожем на общепринятые мерки, мире. У неё есть запись в дневнике: «Утром перед работой возле библиотеки – лавина людей... дают ковры!.. Ну и ну! Люди – рабы вещей!». Вопросы быта, равно как и обсуждение семейных проблем, одежды Ольга Тимофеевна считала мещанством и чем-то таким, что не заслуживает внимания. Но наряду с этим, помню, она несколько раз показывала мне вещи, которые сама связала, и эти вещи ей нравились. Ольга Тимофеевна была трудягой. Ленивой не была никогда. Когда в отделе объявляли о работе на стройке, и никто не проявлял инициативу, она ощущала неловкость от этого и всегда вызывалась идти, даже в тех случаях, когда что-то болело, или просто была нездорова. Мне бросилась в глаза запись в дневнике: «Работала на стройке, складывала кирпичи под дождём. Устала, как зверь... повалилась замертво, но спать не могла, ... вспомнила, что наш заведующий Зайчик не мог подобрать двух человек. ... У одного не гнутся ноги, у другого – руки, третий – боится простыть. Вся нагрузка падает на немногих оставшихся, которые тоже не могут, но – идут. ... Предпочитаю идти, не хочу отсиживаться за чужой счёт, противно. Я в торги не вступаю...».

Было что-то необъяснимо детское и наивное в этой женщине, порой даже шокирующее наших коллег. Она всему верила. Вспомнился такой случай. В разговоре кто-то из сотрудников (не помню уже кто) проговорился, что в кафе «Юность», расположенном недалеко от библиотеки, яблочный сок разбавляют водой. Ольга Тимофеевна не могла поверить, что такое возможно, и в следующий перерыв пошла в это кафе, чтобы задать продавцу вопрос: «Вы разбавляете сок водой?».

И, естественно, получив отрицательный ответ, по-детски торжествующе сообщила об этом всем. Переубедить её не представлялось возможным, потому что она верила всему, как ребёнок. Повседневность не могла изменить её жизнь, её реальное существование. Её мир сосредоточился на природе, философии, книгах, но первое и самое главное место принадлежало, безусловно, – поэзии. Когда ей пытались предложить написать стихи на определённую тему, она только улыбалась, потому что «...никогда ни одной строчки не могла сделать по заданию... всё нужно вынашивать глубоко внутри, без нажима. Иначе получается халтура».

Многие мои коллеги считали Ольгу Тимофеевну чудаковатой, но относились к ней хорошо, хотя и не все понимали её стихи. К тем, кто понимал, можно отнести Жанну Петровну Корневу, которая дала весьма неожиданное для Ольги Тимофеевны определение: «Стихи очень светлые, полные радости и, вместе с тем, в них слышится затаённая печаль. Это – путь от сердца к сердцу...». Некоторым моим коллегам она казалась человеком не от мира сего. Ольга Тимофеевна это понимала и не обижалась. Она не умела по-настоящему обижаться. Просто она была слишком ранимой и хрупкой и совершенно не умела реагировать на подобное отношение к себе. Более того, она на него не обращала внимания. Хотя иногда соприкосновение с грубой реальностью выбивало её из колеи.

У Ольги Тимофеевны всегда была удивительная память на стихи, независимо от того, свои они или чужие. Стихи своего кумира Анны Ахматовой она могла читать часами, никогда не уставая от подобного чтения. Слушать её было настолько интересно, что забывалось всё, в том числе, и повседневные дела, заботы, от которых невозможно убежать. Может быть, именно поэтому ей трудно было постоянно общаться с обычными людьми. Если понимающих поэзию и умеющих слушать не находилось, она пряталась в свою скорлупу – скорлупу одиночества. Внутренние переживания, в которые она углублялась, стремление преодолеть печальные настроения, желание показать эмоциональное утверждение жизни – всё находило выражение в её стихах. Для неё поэзия была стихией, в ней она могла выразить свои мысли, не думая об осуждении или непонимании.

Когда к Ольге Тимофеевне приходило вдохновение, удержать её было невозможно. Энергия и строки били изнутри, вырывали сердце и просились на бумагу. Давящая эмоциональность таких переживаний приводила к тому, что она часто ощущала зависимость от них. Её внутреннее состояние – это мир порывов сердца, движений души, желаний и переживаний. Душа Ольги Тимофеевны глубоко чувствовала хрупкий и нестабильный мир, поэтому и рождались стихи, как мозаика впечатлений, ощущений, радости и боли. Благодаря поэзии, она выражала многое, что ей в жизни не давало покоя и бередило сердце.

* * *

Не дорожу пустыми душами
И наслаждаюсь лишь зарёй.
Хоть нет во мне великодушия,
Но я сама иду сквозь строй.

В чужих глазах без сожаления
Горит завистливый огонь,
Но я могу в часы прозрения
Открыть им душу, как ладонь.

Она видела красоту там, где её не видел никто. И в то же время её завораживало сочетание прекрасного и уродливого, и она пыталась передать это поэзией. Звёздное небо прекрасно, но часто она пристально вглядывалась в то, что было рядом, что окружало её. Деревья, трава, дорога, кошка, велосипед, улица, дома. Её взгляд на мир – это взгляд в прошлое, настоящее и будущее, это взгляд в себя.

Ольга Тимофеевна по роду своей деятельности в нашей библиотеке – библиотеке имени В. Г. Короленко имела непосредственное отношение к систематическим каталогам. Она, как и другие систематизаторы отдела, много времени уделяла расстановке карточек в зале каталогов. Занимаясь организацией разделов филологических наук, систематизировала книги, статьи, авторефераты диссертаций, редактировала и совершенствовала систематические каталоги и систематическую картотеку статей.

И все эти процессы доставляли ей удовольствие. Библиотечная работа никогда не была ей в тягость. Это была её жизнь, и Ольга Тимофеевна не представляла свою жизнь без библиотеки.

Она изучала новую терминологию, составляла алфавитно-предметный указатель, устраняла ошибки, которые неминуемы в работе систематизатора, осуществляла процесс изъятия карточек на списанную литературу и делала многое другое, с чем была связана её непосредственная работа. Всё это происходило в отделе систематизации и организации систематических каталогов, который находился на третьем этаже служебного корпуса. Но расстановку карточек в систематические каталоги индексаторы осуществляли уже в другом – главном корпусе библиотеки – в зале каталогов, к нему нужно было идти, пересекая большой двор.

Ольга Тимофеевна рассказывала мне, что раньше ей разрешали работать в зале каталогов постоянно. Она там даже занималась систематизацией, которую всегда упрямо называла рубрицированием. Иногда сидела во дворе и работала на свежем воздухе, получая от этого необъяснимое наслаждение. Находиться постоянно в отделе ей было невыносимо, настолько её раздражали разговоры сотрудников. Когда-то давно она сумела отстоять себе право работать там, где меньше людей. Если в зале каталогов, то у окна, в отдалении от всех. Раскладывала на подоконнике книги, журналы и занималась сначала просто просмотром, выделяя главное, а затем систематизировала. Если это во дворе, то тоже подальше от людей. Это право ей приходилось отстаивать у директора библиотеки. И, хотя такое нарушение никому не нравилось, но долгие годы на него смотрели сквозь пальцы. Ведь работником она была замечательным, настоящим профессионалом, знающим специалистом, работу свою очень любила и выполняла её качественно.

Запись в дневнике: «По-прежнему владею окном. Никто не тревожит, не болтает ерунды, не сообщает кухонных новостей».

Когда я начинала работать в библиотеке, а затем в отделе систематизации, у Ольги Тимофеевны уже не было этой привилегии.

Оказывается, в феврале 1980 года в то время заведующая отделом систематизации Евгения Емельяновна Гламазда вызвала её и сказала: «Люся, вам придётся перейти в отдел. В каталоге слишком много читателей, и каждый стол на счету». Но она, работая в отделе, всё равно ухитрялась больше времени проводить в зале каталогов, расставляя карточки или редактируя разделы филологических наук. Часто случалось, что и там к ней подходили читатели и, получив консультацию, не спешили уходить. К ней тянулись люди, и, что удивительно, молодые тоже. Её харизматичная методика индивидуальных бесед неожиданно у многих пробуждала креативное мышление.

Ольга Тимофеевна среди коллег держалась несколько особняком, но всегда принимала участие в различных мероприятиях, проводимых в библиотеке. Своё мнение о том или ином мероприятии она обязательно высказывала в отделе. Иногда это мнение отличалось от мнения других, но Ольга Тимофеевна не обращала на это внимания.

Среди коллег (1980 годы)
Ольга Бондаренко в первом ряду слева

Мне запомнилось, как в 1986 году Ольга Тимофеевна написала стихи и прочитала мне их, стоя у окна в коридоре второго этажа. Затем сокрушённо покачала головой и сказала: «Боюсь, что Игорю не понравятся».

Для неё очень важным было одобрение Игоря Яковлевича Лосиевского – заведующего отделом редких книг и рукописей, (в настоящее время – известного литературоведа, доктора филологических наук, профессора ХГАК), которому она постоянно носила свои стихи, и потом с нетерпением ожидала вердикт. Игорь Яковлевич всегда был серьёзным и строгим критиком.

Лосиевский считал, что, не зная своих ошибок, Ольга Тимофеевна не сможет их осознать и исправить.

Помню, однажды она принесла ему много стихотворений (у неё как раз был творческий подъём), написанных за выходные и праздничные дни. Через несколько дней огорчённо сказала мне у того же окна: «Вы представляете, Машенька, он отобрал всего одно. Неужели я так бездарна?». Мне хотелось утешить её, но я не знала, как. Только сейчас я понимаю, что Игорь Яковлевич это делал для того, чтобы она работала над своей поэзией, чтобы совершенствовала и шлифовала своё мастерство, а она, если честно, ничего не стремилась переделывать, не любила переписывать. Утверждала, что как подскажет вдохновение, так и пишет. Творческое начало, но отнюдь не усердие помогало Ольге Тимофеевне в написании стихов. Задуматься, вспомнить прожитые эмоции, увидеть себя со стороны – это не могло относиться к ней. Здесь и сейчас – вот её эмоциональный настрой. Она считала, что нельзя дорабатывать стихи, потому что настрой меняется и ощущения уже не те, что были в момент создания стихотворения. Её близкий друг Ирочка (сотрудник библиотеки Ирина Васильевна Знаменская) говорила, что озарение минутное бывает у всех, только другие над стихами ещё и работают, Ольга Тимофеевна – никогда. Её черновики, по словам Ирочки, равны чистовикам. Но вот чего нельзя было у неё отнять, так это глубины переживаний. Мне особенно хочется это подчеркнуть! У неё нет надуманных стихов. Всё её поэтическое творчество пронизано чувствами, которые овладевали ею в момент написания того или иного стихотворения, сменой надежд и разочарований. Для неё было очень важным то, западёт ли поэтическая строка в душу, запомнится ли, заставит что-то почувствовать, или нет.

Вспомнились её стихи....

Я часто вспоминаю те или иные строчки из стихотворений Ольги Тимофеевны, особенно, когда мне грустно или тогда, когда соприкасаюсь с природой. Кроме того, я заметила одну важную, на мой взгляд, деталь: у Ольги Тимофеевны стихи о природе как-то неразрывно соединялись с философскими и психологическими размышлениями. И это было для неё так значительно, что в них чувствовалась, прежде всего, напряжённость переживаний, особенно это ощущалось в обращениях к явлениям природы. В них она выражала свои мысли и чувства. Она видела и чувствовала природу в единении с душой человека, с его эмоциями.

* * *

Вползают холода
Во все дворы и щели.
И ветер без стыда
Раскачивает ели.

Кричу ему: «Уймись!
И без тебя довольно!»
...Слетают иглы вниз,
Но им уже не больно.

* * *

Каких-нибудь три километра –
И город уже позади.
Тепло от весеннего ветра,
И землю омыли дожди.

Деревья пока ещё наги,
И почки набухли чуть-чуть.
Но в нежно кочующей влаге
Таится их главная суть.

* * *

Набежали весёлые тучки –
Так случается только весной.
И как будто таинственный ключик
Отомкнул ворота предо мной.

Всё мне видится вдруг по-другому,
На иной, неизвестной волне.
И раскаты весеннего грома
Сладкой музыкой кажутся мне.

* * *

На убыль долгий день идёт,
На убыль, на ущерб...
И вот последний поворот
Среди знакомых верб.

И вот – последний луч скользит
По пройденной тропе –
День уничтожен и забыт,
И погребён в толпе...

* * *

Сохнет промокшее сено,
Блещет покошенный луг...
Вот бы сюда Андерсена,
Сколько сюжетов вокруг!

Каждый жучок на подхвате,
Каждая мошка – в полёт!
Золушка – новое платье
Из одуванчиков шьёт.

Из детства

Из рассказов Ольги Тимофеевны я узнала, правда, совсем немного о детских и юношеских годах. Она мало рассказывала о своём детстве, какие-то отдельные фрагменты. Так же отрывочно вспоминала юность. Самое яркое воспоминание из детства – чувство объёмности мира. Небо казалось огромным, слепящее солнце – необъятным, деревья вокруг – несказанно большими – всё это щемящими нотами отзывалось в сердце. А ещё ей запомнилась музыка весенних, летних и осенних дождей.

Вспоминая детские годы с высоты своих шестидесяти с лишним лет, она вдруг задумывалась и обращала внимание на те интересные моменты детской жизни, которые прошли для неё незамеченными. Ольга Тимофеевна как-то прочитала мне одно изречение (позже я нашла его в её записях) и звучало оно так: «Кто не чтит своё прошлое, – у того нет будущего». Вот как раз оно и напоминает нам о том, что определённый период жизни, который прожит – это уже история. Его не вернёшь, не изменишь. Всё самое лучшее, самое светлое в детстве было связано с яркими красками окружающей природы. Ребёнок получает настоящую эмоциональную и интеллектуальную жизнь только тогда, когда он живёт в мире игр, музыки, творчества и фантазии. Маме некогда было уделять внимание дочери, хотя она и старалась, как могла. И поскольку Оля часто была предоставлена самой себе, она научилась играть одна. Все её игры были связаны с творчеством. Она сочиняла, фантазировала, познавая окружающий мир в одиночестве, улыбаясь своим фантазиям. Только в детстве можно так улыбаться – радостно и бесхитростно. А ещё девочка мечтала поскорее вырасти. Ей казалось, что у взрослых жизнь гораздо интереснее. Они могут сами пойти, куда захотят. Умеют сами выбирать себе одежду, их не укладывают спать после обеда. ... А мама только улыбалась и говорила, что спешить взрослеть не стоит, потом, уже став взрослыми, люди мечтают, чтобы вернуться в детство.

Все мы, обычные люди, родом из детства, но поэты – особая каста, они остаются там навсегда. У них сохраняются наивность, чудаковатость и доверчивость. Их так легко обмануть!

Помню из рассказов Ольги Тимофеевны, что её мама Дора Марковна Воробьевская перед родами поехала к родственникам в Белоруссию и родила её там – в Минске. Это было 14 ноября 1922 года. Но затем она вернулась в Харьков. Дора Марковна по происхождению из интеллигентной еврейской семьи, в которой очень тесно поддерживались родственные связи. Для родителей оказалась полной неожиданностью новость, что дочь встречается с человеком не их круга и не их вероисповедания. Парень – русский, из тех, кого называют «рубаха-парень», широкой натуры. Но они не были против их брака, тем более, что знали свою дочь и понимали: если она приняла решение, то обязательно будет так, как решила она.

Дора Марковна Воробьевская

Мама Ольги была медицинской сестрой, очень ответственной и строгой. Работа для неё была важнейшей составляющей всей жизни. Дора Марковна не хотела заниматься только борщами, она вела активный образ жизни и участвовала в делах и мероприятиях, организованных партией, членом которой являлась по незыблемым идейным соображениям. Это была властная, упрямая женщина, которая привыкла руководить. Она любила, чтобы всё происходило так, как считала нужным она. Её слово было главным. Иное мнение не поддерживалось.

Когда родилась дочь, Дора Марковна переключилась на заботу о ней, но главным для неё было дело партии, в которую она свято верила. Родственники несколько раз предлагали Доре, чтобы она отдала им маленькую Олю на воспитание, потому что боялись: ребёнку будет недоставать внимания мамы, которая так много времени уделяла общественной работе. Но Дора настолько любила дочь, что и помыслить не могла жить в разлуке с ней. Она воспитывала девочку, прививая ей, прежде всего, честность, доброту по отношению к людям и животным, тягу к знаниям, любовь к книгам.

Мама Оли Дора Марковна была широко образованным человеком и хотела, чтобы дочь стала такой же. Но Олю не надо было заставлять учиться, она всегда стремилась к этому сама. Ещё маленькой с огромным интересом слушала сказки, была любознательной и задавала много вопросов. Она хотела познавать мир, и мама помогала ей в этом. Девочка не была избалованным ребёнком, несмотря на доброе отношение, мама воспитывала её в строгости. У неё не было многих вещей или игрушек, которые она хотела бы иметь, но заботу со стороны мамы она всё же получала, и, благодаря этому, результаты воспитания, связанные с детскими воспоминаниями, помогали ей справляться с трудностями взрослой жизни. Детство так или иначе наложило отпечаток и на всю последующую жизнь Оли, ведь именно в детском возрасте формируются основные черты характера и мировоззрения, способности и таланты.

Детство для девочки было не только счастливой порой, но и самой главной. Важнейшим моментом явилось то, что именно в детские годы Оля получила те исходные данные, которые позже сумела развить исключительно так, как было угодно её душе. И немаловажную роль в этом сыграла мама – Дора Марковна Воробьевская, неутомимая активистка, уверенная в себе женщина, человек сильной партийной закалки, по жизни неисправимый оптимист. Она прожила сложную жизнь, но, несмотря на личные трагедии и большие жизненные нелады, всегда направляла свой путь на высокие цели во благо людей, отстаивая собственное независимое мнение, принципы и убеждения.

Отец Тимофей Александрович Акулов был человеком, для которого семья значила не так много, как это должно было быть...

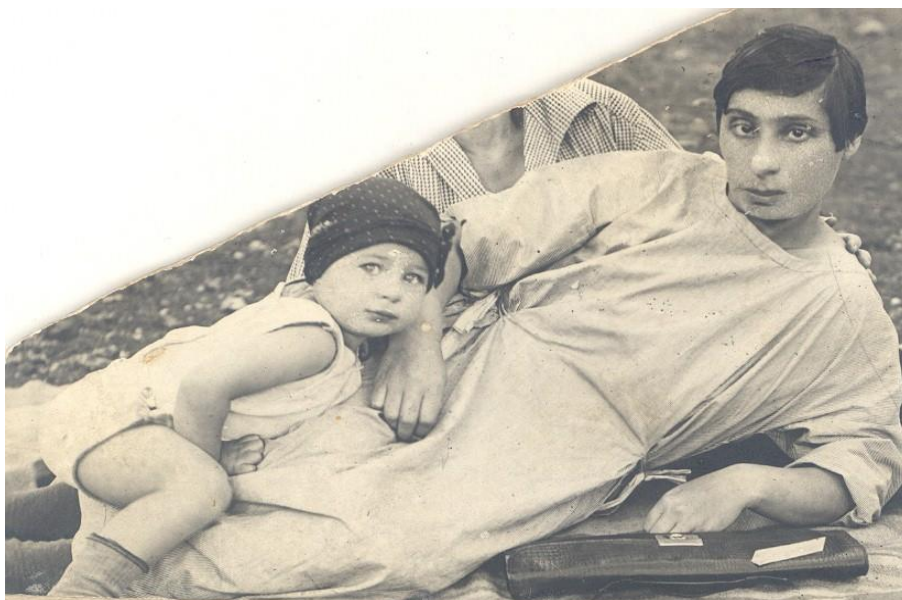
Тимофей Александрович Акулов

Это был красавец мужчина, он пользовался своей внешностью и любил женщин, любил погулять. Отец Тимофея категорически противился браку сына с еврейкой. Для него решение сына было подобно вселенской катастрофе. Он не мог понять, что привлекло сына в этой еврейской девушке. По его меркам, Дора была худенькой, непривлекательной и совершенно непохожей на пышущих здоровьем русских красавиц. Кроме того, как рассказывает дочь Ольги Тимофеевны Аня, дедушку корбила сама мысль породниться с евреями. И всё же это произошло. Дед, по словам Ани, долго не мог смириться с выбором сына. И только после того, как заболел, оценил невестку, прежде всего, как медсестру, которая профессионально ухаживала за ним: делала уколы, ставила банки и всячески помогала свёкру справиться с болезнью. Вот тогда-то он и сказал, что, оказывается, и среди евреев есть хорошие специалисты. До этого сомневался. Скорее всего, у дедушки были на это причины (считает Аня), может, ему приходилось сталкиваться с плохими людьми, может, была ещё какая-нибудь причина...

И, казалось бы, всё хорошо, уже и свёкор смирился, но жизнь молодой семьи не заладилась. Дора и Тимофей ссорились всё чаще и чаще. Отсутствие взаимопонимания приводило к постоянным конфликтам. Тимофей старался как можно реже бывать дома. Его представления о семейной жизни расходились с представлениями жены – Олиной мамы. Он не хотел мириться с властным характером жены, к тому же он никогда не был, по словам Ольги Тимофеевны, идейным. Ему было всё равно кто каких взглядов и верований.

Непонимание со стороны жены, полная противоположность характеров – всё это привело к тому, что родители разошлись. Инициатором была Дора Марковна, но, как говорила Ольга Тимофеевна, это не имело никакого значения. Родители были настолько разными, что даже маленькая Оля понимала их несовместимость. Девочка любила обоих родителей, и в то время многого не понимала. Позже, когда папа, уже переехав в город Лисичанск, начнёт забирать дочь на каникулы, она с удовольствием и огромным желанием будет ездить к нему и наслаждаться присутствием папы в её жизни. Тем более, что он так больше и не женился, дочь любил и не отказывался участвовать в её воспитании, несмотря на нежелание со стороны бывшей жены.

Жизнь с мамой была интересной, насыщенной разными событиями, но и по-своему трудной. Дора Марковна считала, что её взгляды и идеи не позволяют им жить в достатке, поэтому, если что-то появлялось в доме, сразу же раздавалось. Она жила с убеждением, что нужно делиться с теми, у кого совсем ничего нет. Её идеи привели к тому, что их маленькая семья постоянно жила в нищете. И, тем не менее, Оля была привязана к маме, хотя уже в раннем возрасте понимала тщетность и ненужность её стараний жить только для других людей, ущемляя себя во всём. Девочку мамино отношение расстраивало, но и закалило. Наверное, ей генетически передалось равнодушие к материальным благам, которое позже сопровождало её до самых последних дней.

Маленькая Оля с мамой (1920 годы)

Оле три года

Девочка в детские годы росла в любви и внимании со стороны и маминых, и папиных родственников. Особенно ей нравился дядя, родной брат отца. Это был удивительный человек. Когда он говорил, все слушали заворожено. И вокруг него сразу же начинала собираться толпа. Как вспоминает Аня из рассказов мамы, он обладал каким-то гипнотическим даром, любил людей, многое умел и свои способности направлял на благие дела. Люди отвечали ему взаимностью и готовы были идти за ним куда угодно. Оля его боготворила и по прошествии многих лет вспоминала с восторгом и светлой грустью.

Она была хорошеньким, очень обаятельным ребёнком с глазами синего бесконечного неба. Прохожие обращали внимание на маленькую, похожую на куклу, девочку и улыбались ей. Но девочка не всегда отвечала на улыбки. Даже маленькой отличала тех людей, что ей нравились. Им улыбалась и отвечала на вопросы, которые обычно задают детям. Всех остальных просто игнорировала, или застенчиво отворачивалась.

Всю свою жизнь Оля связывала с Харьковом, очень любила родной город, в котором делала первые шаги, в котором прошло детство, рассказывала о школе, где училась, о том, как не могла подружиться с математикой. Все остальные предметы ей нравились с первого класса. Учиться любила. А ещё любила природу. Ещё маленькой восхищалась цветами, разными растениями, была очень любознательной. Когда после развода родителей и отъезда отца, девочка бывала у него в гостях, то первым делом всегда бежала в сад, который манил её своей красотой. Папин сад завораживал её. Особое отношение у неё было к деревьям. Девочка с ними разговаривала, доверяла свои маленькие тайны. Больше других ей нравились берёзы и липы. Любовь к деревьям будет сопровождать её всю жизнь. И, гуляя в любимом парке, она облюбует себе несколько полян: берёзовую, липовую, рябиновую и абрикосовую. Волшебная красота парка станет вечным источником её творческого вдохновения. К дубу – символу могущества, силы и долголетия у Оли было несколько иное отношение. Она восхищалась этим деревом, но, находясь рядом с ним, чувствовала себя маленькой песчинкой в огромном пространстве. Однажды проговорила, что ещё из детства к ней неосознанно пришло это ощущение, даже какой-то трепет перед вековым величием дубов.

О детстве Ольга Тимофеевна рассказывала совсем мало, но даже из таких кусочков можно было сложить определённую мозаику, которая выстраивалась в связный рассказ и давала представление о её воспитании, развитии и окружении. Ольга Тимофеевна говорила, что у неё иногда рождается потребность дать волю воспоминаниям, связав их в один узел, но выделяя в этих воспоминаниях своё место. Проносились годы, всё чаще мимолётные, и всё чаще её стала тревожить та незабвенная пора, когда смешивались детские и юношеские радости и житейская неустроенность, маленькие победы и потери, большие надежды и несбывшиеся светлые мечты.

Из её рассказов я узнала, что в детские годы они с мамой часто ездили в Белоруссию. Там, в Минске жила мамина родня: тёти, дяди, родные и двоюродные братья и сёстры. Все они очень любили маленькую Оленьку, задаривали подарками, уделяли ей много внимания. Дора Марковна никогда не теряла родственные связи, вела переписку с родными, вникала в их жизнь и делилась своей жизнью. Но дочь не оставляла у них никогда. Не поддавалась ни на какие уговоры. Хотела, чтобы девочка всегда была с ней.

Оля и мама (Оле пять лет)

В Минске Оле нравилось, но не настолько, как в родном городе. Всегда тянуло домой, в Харьков. Когда возвращались, радости её не было границ, маленькая детская душа наполнялась несказанным восторгом. В родном городе для девочки всё было таким дорогим и близким, таким неповторимым. Любовь к Харькову она пронесёт через всю свою жизнь. Любимому городу посвятит не одно стихотворение в её поэтической манере – без названия.

Мир детства – это вечный источник фантазии, мечты, вдохновения, это удивительный мир переменчивости, когда всё видится не только белым и чёрным, но с оттенками разных цветов. Детство – это свобода, когда нет никаких обязанностей, проблем и забот.

Оле восемь лет

В детстве каждое время года для маленькой Оли было прекрасным. Летом можно было сидеть на траве, купаться в речке или наблюдать за птицами. Осенью ездить с мамой за грибами, гулять в парке, шурша листьями и собирая их в гербарий. Зимой лепить снежки и кататься на санках. Весной можно было шлёпать по лужам в резиновых сапожках и радоваться появлению зелёных листочков на деревьях.

Детство пролетело как-то быстро, Оля много фантазировала, представляла, что окажется в волшебной стране, в которой не будет боли и обид, выяснения отношений между родителями, важно только суметь найти и открыть таинственную дверь к счастью. Но дверь всё не открывалась, а волшебная страна всё чаще начинала казаться несбыточной мечтой.

Оле десять лет

Юность: влюблённая в жизнь

Школьные годы – это период колоссального развития талантов, способностей, умений и навыков, которые в дальнейшем развиваются и корректируются. У неё ещё в школе проявились удивительные способности к гуманитарным наукам. Учитель математики говорил, что не может поставить ей плохую оценку, потому что его коллега – учитель русского языка дала почитать Олины сочинения, которые произвели на него неизгладимое впечатление. И он за такие сочинения готов был простить ей плохое знание математики. Ольга Тимофеевна, вспоминая детские и юношеские годы, говорила, что очень любила читать. Книги были лучшими друзьями. Каждая свободная минутка заполнялась чтением. Оле настолько нравилось общение с книгами, что она приходила в библиотеку и предлагала свою помощь в том, чтобы ремонтировать книги и давать им вторую жизнь. Особенно радостно было, когда на полках появлялись совершенно новые книги, что манили своей неизвестностью, предвкушением новых впечатлений и увлекательных историй. В более старшем возрасте эта связь с книгой не потерялась, наоборот, она стала ещё теснее. Очень большую роль сыграло и то, что мама сама любила читать, обладала большим литературным кругозором и понимала, что чтение воспитывает единственную дочь, развивает интеллектуально, что чтение – это благо, а имя этому благу – культура. Так и возникло преклонение перед чудом, имя которому – чтение. Наверное, тогда, ещё в детстве, было положено начало дороги, которая привела Ольгу в библиотечную профессию.

Чтение книг было настоящим праздником и доставляло такую радость, с которой ничто не могло сравниться. Она читала ночами, иногда за чтением проводила всю ночь и только утром с сожалением откладывала книгу. Книги она любила всегда, и, если была по-настоящему к чему-то привязана, так это к ним. К ним обращалась и в светлые минуты жизни, и в тяжёлые времена, всегда искала в них ответы или хотя бы подсказки, как жить. Она впитывала буквально всё, что читала.

Юность (1930 годы)

Оля выросла из детства, перешла в возраст юности, но не перестала смотреть на мир широко раскрытыми глазами. Взгляд её всё так же был устремлён в небо, в облака, как будто в них можно было прочесть судьбу. Непрерывно изменчивый мир завораживал её. Судьба меняет многое, и иногда очень круто. Эта неосязаемая субстанция настигает каждого, живущего на земле, не спрашивая, не согласуясь ни с возрастом, ни с обстоятельствами, ни с чем. Даже в столь юном возрасте девочка задумывалась о таких вещах, о которых не всегда задумываются даже взрослые. Её казалось, что небо создано для того, чтобы отвлечь нас от суеты и суматохи серых будней. Она очень серьёзно относилась к понятиям духовного, прекрасного, трагического, возвышенного, более того, Оля как-то рано повзрослела и во многом мыслила категориями взрослого человека.

Но, благодаря наивности, чистоте души, помыслов, она не переставала удивляться, не переставала радоваться изменчивости в природе, каплям, что падали с листьев после дождя. Не переставала здороваться с деревьями, как в детстве, не переставала делиться кусочком хлеба с бездомной собакой.

Юная, такая непосредственная, влюблённая в жизнь, она, как и все молодые девушки, мечтала о счастье, стремилась к нему. С юных лет испытывала неодолимое желание запечатлеть происходящее, остановить «ускользающее волшебство мгновений». Писала стихи – светлые, трепетные, мечтательные. Они рождались внезапно, в зависимости от внутреннего настроения. Неземное богатство её душевного мира – стихи навсегда останутся для неё источником света и духовности. Для юной девушки очень важным было счастье душевного движения, открытия прекрасного. Она была далека от логики, от хладнокровного восприятия реальности и конкретно-социальную ситуацию воспринимала как нечто временное. Бытовые проблемы уже тогда отторгала и задвигала на второй план, не заикливаясь на них. Возраст был такой, что хотелось вырваться из однообразия и бытовых трудностей, выпавших на долю её и многих других семей. В юношеском воображении жизнь неотступно маячила в пространстве книг, в стихах любимых поэтов, которых она открывала для себя и которыми восхищалась. У неё рождались строки-посвящения тем, кем восхищалась. И уже в зрелом возрасте, она будет продолжать писать стихи-посвящения любимым поэтам, актёрам театра и кино, артистам эстрады.

* * *

Я знаю лишь один итог,
Великий, как закон,
Что если жил прекрасный Блок,
То, значит, вечен он.

Неважно, сколько было слов
И кто их станет петь.
Но магия таких стихов
Не может умереть.

Не будучи богатой в материальном плане, она была богато духовно. Широте и открытости сердца, её искренности, умению любить мог бы позавидовать любой человек. Её глаза, яркие, лучистые светились, в них всегда был живой интерес.

Вот такой была милая девушка Оля в 1940 году. На этой фотографии ей восемнадцать лет. И пока над головой мирное небо, и пока ещё не свистят пули и не рвутся снаряды.

Ольга Бондаренко (1940 г.)

Трудные военные годы не сделали её другой. Она так и осталась честной, доброй, открытой, лишённой наглости, хитрости и лжи. И самое главное, она никогда не притворялась. В ней удивительно сочетались и детская застенчивость, и женственность, и совершенно неброская привлекательность. По-прежнему верила в мудрость и таинственность праздников, пришедших из детства. Во многих вопросах она была настолько наивной и доверчивой, что это поражало окружающих. Такая наивность и доверчивость часто обезоруживала. Ещё тогда, в молодые годы, она притягивала к себе, и это было необъяснимо.

Вот чувствовалось в этой женщине что-то такое, мимо чего невозможно было пройти.

У дочери Ольги Бондаренко сохранились дневники, датированные 1948-м годом. Старые, пожелтевшие от времени, страницы маленькой тетрадки. Там есть коротенькие зарисовки-характеристики, которые давали ей сотрудники. Она сохранила их, но меня поразило другое. Ольга Тимофеевна записывала всё, что о ней говорили: и положительное, и отрицательное:

«Одна сотрудница обо мне: "Ну, совсем же молодое, потому и такое. А уже дочку приобрела"».

Яновский: «...Вы немножко взбалмошная. Но это-то и привлекает».

В. Г.: «У вас в душе, точно увеличительное стекло, через которое вы смотрите и на хорошее, и на плохое... Ваше сознание и ваши чувства – точно две разорванные области... И людей, и мир вы воспринимаете через чувство... Бедная девочка. Вам всегда нужно от чего-то удерживаться».

И: «...Ты самобытная, оригинальная, своеобразная... умеешь всё понять глубоко и тонко.... Есть таланты многогранные, для всех. Есть ограниченные, для немногих. Ты – такая. Ты – женщина, сотканная из сюрпризов. Сама сюрприз».

Т.: «...Ты безрассудная девчонка... ужас, крепко ты себе на уме. А я считала тебя такой простой!...».

Яновский: «Вы умеете достучаться до человека, но всё портите своим языком. Нужно помнить, что говорить и где говорить».

Я привела всего несколько фрагментов тех записей, но по ним можно определить, какой Ольга была в молодости. И искренней, и наивной. И возвышенной, и самокритичной. И в чём-то взбалмошной, но в то же время очень самобытной и привлекательной. Ей, перенёсшей ужасы голода, холода страшной войны, хотелось верить во что-то светлое, и она верила. Воспоминания о тех днях, когда вокруг раздавалась стрельба, слышались разрывы гранат, а небо очень часто освещалось зарницами взрывов, были очень болезненными. И ещё долго грохот и темнота действовали на неё удручающе. Девушка проходила мимо полуразрушенных зданий с зияющими в крышах дырами, через которые в сумерках были видны звёзды, и ей хотелось спрятаться от тяжёлых воспоминаний.

За ней нередко шли бездомные собаки с обвисшей мокрой шерстью на грязных животах, и глаза у них были такие печальные, что она останавливалась и гладила их, разговаривая с ними, как с людьми.

Она никогда не была равнодушной ни к человеческим страданиям, ни к страданиям животных, а война принесла много горя и перевернула всё в её хрупкой доверчивой душе.

Ольга в молодые годы

О трудностях военной жизни не любила вспоминать. Мне казалось, что для неё эти воспоминания были тяжёлыми и даже болезненными. О войне вообще не любила говорить. Если приходилось, сокрушённо качала головой, на её лице появлялось такое страдание, такая печаль, такая скорбь, что становилось как-то не по себе. На лбу прорезалась глубокая морщинка, и такими же глубокими становились глаза.

Она умела радоваться каждому дню, ценить то, что имела, что дарила ей судьба. Годы учёбы в университете на филологическом факультете вспоминала с неподдельным восторгом. Училась отлично, любила почти все предметы, радовалась, что нет математики, которую никогда не понимала. И читала, читала, читала.... Стихи писала всегда только на русском языке, хотя очень любила украинскую поэзию, восхищалась Лесей Украинкой, хорошо знала её творчество. Ей нравилась украинская литература, с творчеством многих украинских писателей была знакома совсем не поверхностно, любила получать глубокие знания, которые откладывались в памяти. Университет окончила с отличием и с огромным багажом знаний. Ещё в студенческие годы определились её литературные, в частности, поэтические симпатии, большинству из которых она оставалась верна до конца своих дней. За годы учёбы в университете её мудрыми собеседниками были и Гомер, и Данте, и Шекспир, и Гёте, и Бальзак – практически вся западная, русская и украинская классика. Уже тогда Ольга задумывалась над вопросом: почему в мире столько красоты, мудрости, света, а люди продолжают убивать друг друга! Почему? На этот вопрос она так и не нашла ответ.

Студенческие годы были самыми лучшими в её жизни. В университете царила особая атмосфера, которая заряжала позитивом и энергией. Прекрасная, особенная и ошеломляюще счастливая пора! Её сияние и трепетная память будут согревать девушку до последних дней. В студенческие годы Ольга начала проживать уже вполне взрослую жизнь, хотя ещё и не заполненную обычными проблемами взрослых будней. Несмотря на то, что время было тяжёлое, голодное и холодное, время разрухи, не было никаких условий для нормальной учёбы, для неё это было время открытых перспектив, возможности жить мечтами о прекрасном будущем, веры в исполнение всех желаний и надежды на открытость всех дверей. Постоянно хотелось есть, согреться, но, разложив книги на столе, Оля забывала обо всём и с головой окуналась в учёбу. Даже в самые трудные дни не теряла гордости, целеустремлённости, чувства собственного достоинства. В университете её считали лучшей студенткой, пророчили большое будущее, но жизнь внесла свои коррективы.

Замужество

В Ольге Бондаренко как-то совершенно необъяснимо сочетались несочетаемые черты: замкнутость и общительность. С людьми всегда соблюдала дистанцию, не считая близких. С одной стороны, она росла замкнутым ребёнком, позже – закомплексованной девушкой, а с другой – тянулась к интересным людям. И если кому-то удавалось её заинтересовать, радости и желания общаться не было предела. Так продолжалось и последующие годы. В далёком 44-м молодой и красивый, стройный и подтянутый офицер заинтересовал её сразу. Скорее, это было острое увлечение. Она вышла замуж за Василия Бондаренко, сменив свою девичью фамилию Акулова на фамилию мужа. На этой фамилии она останется до конца своих дней.

Ольга с мужем Василием Бондаренко

Замужество было ярким событием в жизни Ольги, но недолгим. Они прожили вместе всего четыре года. Василий Бондаренко очень нравился её маме – Доре Марковне. Она выказывала своё искреннее расположение к зятю. И это было взаимно. Василий был хорошим мужем и очень внимательным зятем. Но жизнь преподнесла совсем неожиданные, а, возможно, и не такие уж и неожиданные сюрпризы.

Вначале молодые и увлечённые друг другом, они жили хорошо, друг к другу относились с вниманием и пониманием, но тогда Ольга даже не подозревала, что на свете есть другое чувство – чувство всепоглощающей и сжигающей любви. Такое чувство появилось внезапно и перевернуло всё в её душе. Любовь накрыла её с головой раз и навсегда. Она пронесла эту всепоглощающую любовь до самого конца и никогда не пожалела о том, что встретила её на своём жизненном пути.

В дневнике есть запись: «Природа нас выточила друг для друга...абсолютная гармония». Но им не суждено быть вместе. Её избранник женат.

* * *

Я женщина, и мир мой мал
И замкнут в тесном круге,
А налетает буйный шквал –
Я жмусь к домам в испуге.

Я не гожусь для образца,
Я так несовершенна!
Без обручального кольца
Моя любовь священна.

Запись в дневнике: «Он настолько владеет моим нутром, моим существом, моей сущностью, что без него невозможно жить, невозможно дышать... какая злая шутка Господа Бога! Бросить навстречу друг другу двух людей, которые так любят, и лишить их возможности быть вместе...на земле всё равно нет женщины счастливее меня...».

Ольга Тимофеевна не требовала развода, но и обманывать не могла. Она рассказала мужу о своих чувствах к другому человеку и предложила жить отдельно. Для них обоих это оказалось непростым решением, тем более, что у них была маленькая дочь, которую они оба любили. Даже после расставания с мужем доброе и искреннее чувство к нему как к очень близкому человеку у Ольги Тимофеевны останется навсегда, она никогда не отзывалась о нём плохо. Наоборот, беспокоилась о том, как у него складывается жизнь.

Мне попала на глаза запись в дневнике семидесятих годов: «Думаю о Васе с болью и жалостью. А помочь не могу....

Редко у кого жизнь складывается легко и гладко. Блок прав: слишком много есть в каждом из нас неизвестных играющих сил...на душе беспокойно: Васин приезд выбил из колеи: как больно за хороших людей.... Хорошо, что есть стихи! Какая отдушина!»

Иногда Ольга Тимофеевна думала о том, как бы повернулась её жизнь, не появился в ней любимый человек, в котором она растворилась до конца. И ей становилось страшно. Она уверяла саму себя в том, что не стоит драматизировать и давать волю воображению. С Василием они не ссорились, никогда не скандалили, хотя и были очень разными. Ей пришлось повторить путь мамы, но Дора Марковна навсегда осталась верна своим идеям, их она ставила выше семьи, а Ольга Тимофеевна всю оставшуюся жизнь посвятила любимому человеку. Вскоре муж уехал в другой город, где и остался навсегда. Вначале жил один и только намного позже встретил женщину, с которой начал жить вместе. К дочери приезжал, хотел принимать участие в её воспитании, помогал, как мог, но затем в его новой семье появилась тоже дочь, и его приезды становились всё реже и реже. Ольга Тимофеевна принимала и встречи, и расставания спокойно и доброжелательно. С Василием она чувствовала себя слишком приземлённой, он не был человеком творческим, он много работал физически. Она понимала, что ему было с ней некомфортно, потому что он отказывался от своих интересов и желаний в смутной надежде, что она это оценит и тоже откажется от многого. Такого же не случалось. Мужчины уязвимы намного больше, чем женщины. Мужчине сложно выдержать собственное несовершенство, а рядом с такой неординарной личностью, как Ольга Тимофеевна, Василий чувствовал себя несостоявшимся. Стихи жены он слушал внимательно не потому, что ощущал восторг, или считал их восхитительно прекрасными. Он в силу своих личностных качеств не мог воспринимать их так, как она. Он видел, что жена часто выглядит отстранённой и погружённой в свой внутренний мир. Василий же добрый, умный, здоровый в душе считал себя бездарным на фоне такой творческой личности, какой была его жена.

Мы не можем переписать историю своей жизни, но у каждого человека есть возможность посмотреть на неё со стороны, что он и сделал.

Одиночество

Я ощущала печальную сторону её жизни, в её душе всегда таилось одиночество. В дневнике есть запись: «Каждый заперт в клетку своего одиночества...». «... Мне существовать негде. Не могу с людьми, не могу без людей. Не могу ничего.... Наверное, судьба, наделив меня поэтическим даром, очень незначительным, крохотным даром, отняла всё остальное.... У каждого своё.... Было бы легче родиться самым средним человечком, а так – тоже человечек, только нелепый до абсурда». В далёком 1958 году в своём дневнике Ольга Тимофеевна записала: «...Я – улитка. Вползла в свою раковину и всё время твержу: «Оставьте! Не троньте! Не хочу!» ... Она считала, что внимание приятно, особенно к творчеству – к стихам, но лучше одиночество. В дневнике запись: «...Люди тяготят и докучают.... Невозможно быть человеком вне времени и пространства, живя в определённое время. Это идиотизм! Только стихами не обойдёшься...». И ещё: «Одиночество кажется высшим благом...». Одиночество красоты, одиночество улыбки, одиночество поэзии и, наконец, одиночество самой жизни. Острое чувство тоски заставляло её приоткрывать какие-то грани жёсткого мироздания. Она считала, что у каждого свой мир и своё одиночество.

* * *

В душе такая тишина.
Как ночью в зимнем поле,
И то, что я опять одна,
Не причиняет боли.

Остались где-то далеко
Перейденные грани.
И можно снова жить легко.
Не прикасаясь к ране.

Иногда ночью Ольга Тимофеевна просыпалась от чувства страха, от сознания неизбежной утраты личного обособленного одинокого существования.

Тоскливое чувство и тревожное состояние души исчезали тогда, когда она соприкасалась с природой, когда чувствовала внутреннее единение с ней.

* * *

Туман осенний, погоди!
Надвинешься потом.
Так утомительны дожди,
Так неприютен дом...

Спешу уйти. Простор велик.
Деревья ждут меня.
И я ловлю последний миг
Сникающего дня.

Она человек большого города, но никогда не любила толпу, шум. Её город – это парк, поляны, деревья.

Ольга Тимофеевна привносила в свои стихи то, что пережила в личной жизни, и то, что смогла узнать в жизни профессиональной – трудные мгновения и мгновения радости. Она хотела привнести в нашу жизнь радость, лёгкость и вольность бытия, а чаще получалось совсем наоборот: наполняла её грустью, печалью, тоской или тревогой. Чем сумрачнее и недружелюбнее по отношению к ней был реальный мир, тем больше Ольга Тимофеевна тяготела к одиночеству. Иногда чувствовала себя настолько отверженной, что ей казалось – скоро в её сторону будут показывать пальцами, считая, что она нарушает устоявшийся привычный порядок жизни и мешая другим. У многих есть свои скелеты в шкафу, но их усиленно прячут. А заметив человека, не такого, как все, люди почему-то сразу же забывают о своих скелетах и начинают возмущаться не такими, как они, тем самым травмируя их ещё больше. Вот потому Ольге Тимофеевне и было милее одиночество. Даже весну, которую воспринимала как неизведанное и необъяснимое чудо, любила встречать наедине с природой. Не хотела, чтобы ей помешали насладиться небом особенной глубины и голубизны, веточками деревьев, которые смотрят вверх восторженно и нежно, появлением первых крохотных почек.

В своём одиночестве она, напиваясь природой, считала, что вся земля принадлежит только ей – ей одной.... Удивляться богатству земли не переставала никогда. Бродить по аллеям парка могла бесконечно – одна. В такие минуты чувствовала себя несказанно счастливой. Вечером в парке для неё перекличка птиц была как перекличка душ.... А днём она не могла отвести глаз от деревьев в их новом свежем уборе.... И сразу горькое напоминание самой себе: «Вот, если бы отрешиться от чёртовых будней и жить только этим...». И всё же, несмотря на подобные напоминания, думала о том, что «...нужно быть благодарным за жизнь, за сам факт бытия и ничего не требовать! Возможность видеть, слышать, двигаться – уже чудо!». Однажды придумала каламбур для себя: «Искать смысла не имеет смысла».

Ольга Тимофеевна как-то сказала мне, что никто не знает, какова она – человеческая душа, но что трепетна, беззащитна, а зачастую и совершенно беспомощна, это она понимала всегда. Ничего трагичнее и печальнее одинокой души нет, – так она думала и считала себя глубоко внутри очень одинокой.

Есть понятие одиночества, и есть понятие уединения. Иногда человеку просто хочется побыть одному, чтобы разобраться в своих чувствах или мыслях. У Ольги Тимофеевны эти понятия были неразделимы. И хотя она не всегда стремилась к общению и не любила быть среди людей, а массовые мероприятия её вообще пугали, всё же бывали моменты, когда ей хотелось к людям, хотелось их понимания. Её одиночество заключалось в том, что, имея дочь, работу, коллег, знакомых, проживая в большом, шумном городе, она не могла преодолеть это состояние, не могла делиться своими мыслями, переживаниями, страхами.

Одиночество имело свою положительную сторону для неё прежде всего в одном: оно позволяет упорядочить мысли, стать более настойчивой в достижении главной цели жизни – писать и жить поэзией. Поэтому Ольга Тимофеевна и дорожила своим ОДИНОЧЕСТВОМ.

Ольга Бондаренко (конец 1970 годов)

Ольга Тимофеевна никогда и никого не боялась до того самого дня, когда сломала руку. Я помню, как она рассказывала о том, что на неё напали хулиганы. Они вырвали у неё сумку, очевидно, в ожидании каких-нибудь ценностей и достаточно сильно толкнули её. Их было трое дюжих парней. В сумке не было ничего ценного. Там были только ключи от квартиры и ещё какая-то мелочь. Но сам факт нападения перевернул всё в душе Ольги Тимофеевны. К тому же и здесь судьба сыграла с ней злую шутку: рука болела так сильно, что пришлось идти к врачу, где ей сказали, что ничего страшного, просто повреждены мышцы. Невыносимые мучения продолжались шесть дней. Повторный поход в больницу подтвердил перелом. Её вера в людей, в их доброту начала рушиться. Особенно Ольга Тимофеевна была потрясена псевдопрофессионализмом медиков, сразу не распознавших перелом. До этого дня она жила в каком-то бесстрашии. Никогда ничего и никого не боялась.

Вот после этой трагической случайности с ней что-то произошло – какой-то жестокий душевный надлом, как будто где-то в глубине её души что-то жутко и мучительно оборвалось. Это я хорошо помню. Она стала совсем другой. И с тех пор Ольга Тимофеевна стала бояться пустынных мест, дальних полей среди деревьев, которые так любила раньше. У неё всё сильнее и сильнее начало развиваться уныние, пессимизм, отчаяние, высокая психологическая чувствительность. Появились, а если быть более точной, обострились проблемы со сном. Она и до этого плохо спала, а после случившегося долго не могла заснуть, и если засыпала, то сон был тревожным и недолгим. Всё больше и больше она начала обращать внимание на тёмные, мрачные стороны жизни, собственные недостатки ей начали казаться огромными, проблемы непреодолимыми, а вся жизнь – чередой бессмысленного страдания. Уже ничто не радовало её. Казалось, что грусть и печаль навсегда поселились в её сердце.

А потом долгие месяцы и с определённой периодичностью даже годы больницы... Чувство усиливающегося одиночества рождало мысли о приближении смерти. Она не боялась смерти, просто и спокойно со щемлящей грустью писала о приближении конца своего земного существования. Она верила, что после смерти останется энергетика её стихов, которая согреет хоть кого-то.

Первое время мы часто её навещали, почти каждую неделю, но затем она дала понять, что наши визиты её утомляют, что они ей не нужны. Мне, как и другим её коллегам, было больно видеть, что она угасает. Несколько раз она сказала, что «...душа болит, и слабости нет границ». ... И если в первые месяцы её жизни в больнице стихи ещё писались и читались, то потом мы больше никогда их не слышали. Во время кратких визитов к Ольге Тимофеевне они даже не упоминались. И позже, когда она уже никого не хотела видеть, было щемящее чувство потери, мне было очень грустно и как-то не по себе. Но... жизнь продолжалась, молодость брала своё – я, как и другие, жила, общалась, куда-то ходила, ездила, и время летело быстро, – и иногда казалось, что Ольга Тимофеевна в какой-то другой, очень далёкой жизни и, помнится, именно тогда мне часто вспоминалась строчка, прочитанного ею стихотворения «Нет, это было не со мной...».

А потом её не стало. Я в это время болела и когда, наконец, вышла на работу, Ольги Тимофеевны уже не было на этом свете. Она умерла 23 августа 1991 г. в больничной палате в полном одиночестве, на которое обрекла себя сама. Из этой палаты она уже не хотела выходить и категорически отказалась выписываться домой, потому что считала, что дома у неё нет, а в тот крошечный ад в виде агрессивной соседки Моти возвращаться не могла. У неё в дневнике есть запись: «Каждый умирает в одиночку!». Эта мысль пришла к ней очень давно и никогда не покидала её. На закате жизни её преследовали пастернаковские строки:

«... И жизнь прошла, успела промелькнуть,
Как ночь под стук обшарпанной пролётки...».

Они бередили её душу.

Ольга Тимофеевна, находясь в больнице в последние годы жизни, продолжала всё-таки писать стихи, хотя и не в таком количестве, как раньше, но она уже никому не стремилась их показывать. Её дочь Анна сохранила мамины стихи, написанные в больничных условиях, и передала их мне.

Вот некоторые из них:

* * *

Счастливых здесь, конечно, не бывает,
Счастливые остались за чертой.
И близится зима, и ветер налетает,
И наступает длительный простой.

Простой на всё – на чувства и на мысли,
На каждый шаг, к столовой, например.
И трудно мне отчаянье исчислить –
И в сердце боль – превыше всяких мер.

И ещё, например, одна строфа.

* * *

Лучше спрятаться в тиши
За волшебной точкой,
Открывая мир души
Драгоценной строчкой.

Или вот это:

* * *

Опять плывёт по стенам —
Короткий грустный сон,
Печальные измены
Напоминает он.

Опять плывут по стенам
Исчерпанные дни.
Про горькие измены
Напомнили они.

Остались недописанные стихи или просто отдельные строчки, записанные на клочках бумаги, на больничных салфетках, на обрывках газет. Но всё-таки как хорошо, что Ольга Тимофеевна на протяжении всей жизни свои стихи записывала в пронумерованные тетради! Это были обычные школьные тетради. И как важно, что её дочь ничего не выбросила! Для меня это такая драгоценность... Яркие, тёплые, запоминающиеся строки...

Администрация библиотеки в течение нескольких лет до этих печальных событий обращалась в разные инстанции с одной единственной целью — помочь Ольге Тимофеевне получить изолированное жильё, но, когда это случилось, было уже поздно: сотрудница библиотеки старший библиограф Ольга Тимофеевна Бондаренко его не дождалась. Через семь лет в однокомнатную изолированную квартиру въехала её дочь Анна уже без своей многострадальной мамы...

Анна Ахматова в жизни О. Т. Бондаренко

Так случилось, что великий поэт, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века, которую ещё при жизни окружали слава и всенародная любовь, она была известна не только в СССР, но и далеко за его пределами, обратила внимание на никому не известную Ольгу Тимофеевну Бондаренко. Всю свою сознательную жизнь Ольга Тимофеевна боготворила Ахматову. Её стихи она перечитывала всегда: и в минуты высшего поэтического блаженства, и в минуты печали, и в минуты радости – всегда. Ещё со времён далёкой юности она считала, что стихи Ахматовой настолько исповедальны, насколько это вообще возможно. Её стихи она могла читать бесконечно. Считала, что именно так выглядит истинная поэзия. Однажды записала: «Обнаружила четыре строчки, которых прежде не встречала, одна из них: «Теперь меня позабудут. ...». И Ольгу Тимофеевну поразило то, что «Даже она сомневалась! Даже она!». И что самое удивительное, Ольга Тимофеевна могла читать стихи Ахматовой много раз, но продолжала открывать в них что-то новое и часто «смаковала» ту или иную строчку. «Хочется поместить её рядом с Гёте. Оба – великие, оба – светлые, оба – вечные», – так написала она в своём дневнике. Однажды, рассказывая о трудной жизни любимого поэта, она сказала мне, что поистине настоящей (разумеется, после Ахматовой) она считает незаслуженно забытую русскую поэтессу, так она называла Ксению Некрасову – поэта нелёгкой судьбы. Оказывается, Ахматова с восторгом и удивлением слушала её стихи! Ольга Тимофеевна прочитала мне белые стихи Ксении Некрасовой:

* * *

На столе открытый лист бумаги,
Чистый, как нетронутая совесть.
Что-то запишу я в памяти моей? ...
Почему-то первыми на ум идут печали,
Но приходят и уходят беды,
А в конечном счёте остаётся солнце,
Утверждающее жизнь.

* * *

Как мне писать мои стихи?
Бумаги лист так мал.
А судьбы разрослись в надширие небес.
Как уместить на четвертушке небо?

Эти стихи Ольга Тимофеевна как-то печально и трогательно прочитала мне, – и они почему-то сразу запомнились, врезались в память и навсегда запечатлелись в ней. Прошло столько лет, а я этот разговор об Ахматовой, плавно перешедший в разговор о забытой русской поэтессе Ксении Некрасовой, помню так хорошо, будто он происходил вчера. Ольга Тимофеевна считала, что они обе перенесли в своей жизни столько лишений и бед, что другим хватило бы на несколько поколений.

Анна Андреевна Ахматова на протяжении всей жизни была для Ольги Тимофеевны эталоном. Я знала об этом, потому что Ольга Тимофеевна сама мне рассказывала о своём отношении к «Анне всея Руси» (так она любила называть её в минуты откровений). «...Вот поэт! Ни одной напрасной строчки! Повторяешь, как музыку – снова и снова. Спасибо за радость, великая душа!...». Много своих стихотворений она посвящала Ахматовой, воспевая её творчество. В одном из посвящений Ольга Тимофеевна пишет такие строки о ней:

* * *

Вот и снова век железный
Постучал в моё окно!
Я ведь знаю, что над бездной –
Петь не каждому дано.

Но она жила и пела,
И была прекрасней всех!
Нет душе её предела
И чиста, как первый снег.

Совершенно не случайно, а очень даже осознанно, без тени сомнений, когда Ольга поняла, что носит в себе ребёнка, она решила назвать его Анной. Почему-то была уверена, что родится девочка. Так и получилось. Дочка была названа Анной в честь Анны Ахматовой.

Ольга знала огромное количество стихов своего кумира наизусть, она довольно часто читала их и комментировала. Её комментарии были очень интересными и необычными. Всё, что можно было прочесть об Ахматовой, она прочитала. Болезненно воспринимала информацию о том, сколько Анне Андреевне пришлось пережить, а пережить великому поэту довелось немало. Ольга искренне сопереживала и говорила об этом, скорбно качая головой. В своих дневниках она восхищалась внешностью Ахматовой, а одна страница, на которой было такое описание, всегда лежала на столе в раскрытом виде. И вот передо мной эти строки: «Была она высока, строга и прелестна. Ходила прямо и не спеша, носила длинные широкие платья, отличалась крайней сдержанностью, презрением к быту, стоическим мужеством. Её серые глаза смотрели холодно и отчуждённо. Её руки – прекрасных очертаний и жестокой работоспособности». Эта страничка у Ольги Тимофеевны всегда оставалась под рукой.

Все, кто знал Ахматову близко, и даже те, кто видел её лишь однажды, отмечали одну важную деталь – царственность Анны Андреевны. Она была во всём: в манере общения, в жестах, позах, которые она принимала, в чтении стихов. Эта царственность, какое-то необъяснимое хладнокровное спокойствие, сдержанность и загадочность покорили Ольгу Тимофеевну раз и навсегда. Особенно она восхищалась тем, как Ахматова читала стихи. Поднимаясь на сцену, она преображалась.... Бледнела, взгляд её становился пристальным и глубоким, словно она пыталась загипнотизировать слушателей. Голос был глубоким и завораживал....

Анна Ахматова была неотъемлемой частью её жизни, её внутреннего мира, её души. В дневнике 1958 года есть запись: «На днях вышел томик избранных стихов Анны Ахматовой... вот это стихи! Счастливая...».

А в 1964 она снова восторженно доверится дневнику: «Отличная новость: Ахматова получила в Италии первую премию, как лучшая поэтесса в мире. Вот это да!»

Очень долго Ольга Тимофеевна не могла решиться отправить свои стихи Ахматовой, она меняла подборку за подборкой, но, в конечном итоге, всё-таки отобрала те стихи, которые, по её мнению, должны были понравиться Анне Андреевне, и пошла в почтовое отделение. Это было 21 июня 1960 года. Отправляя стихи, она не надеялась на быстрый ответ, да, если честно, не надеялась, что вообще его получит. Но когда получила телеграмму, держала её в руках и не могла поверить, что Великая «Анна всяя Руси» снизошла до неё, простого библиотекаря, никому не известного поэта, и ответила. Телеграмма была короткой и состояла всего из нескольких слов: «Стихи понравились. Благодарю доверие. Привет. Ахматова».

Ольга Тимофеевна записала в дневнике: «Послала Ахматовой письмо полное благодарности за великодушие и щедрость. Мне очень, очень хорошо! Она – настоящая. Ей можно верить...».

Так случилось, что письмо и стихи Анна Андреевна получила в свой день рождения. Она не имела привычки отвечать на письма то ли из-за своей занятости, то ли не хотела отвлекаться, а может, были другие причины, о которых мы никогда не узнаем, но почти все друзья и знакомые великого поэта единодушно утверждали, что на письма она не отвечала.

До сих пор остаётся загадкой, почему Ахматова не только ответила Ольге Бондаренко, но (как выяснилось позже), сохранила все письма и стихи Ольги Тимофеевны, которые та отправляла ей в разные периоды своей жизни. Я посмею предположить, что они были ей близки по духу, что они покорили её глубиной подлинного чувства, искренностью. Но это только моё предположение. Пусть оно и останется им...

Мне бы хотелось обратить внимание на то, что Ольга Тимофеевна получила ещё один ответ – весточку от Анны Андреевны Ахматовой. Это письмо от одного из близких ей людей. Письмо пришло спустя два года. За этот двухлетний период Ольга Тимофеевна отправила ей ещё несколько своих подборок. Стихи отбирала тщательно, придирчиво. Хотелось показать Ахматовой самое лучшее. Но то, что казалось ей лучшим сегодня, завтра представлялось уже не таким. Всё дело в том, что стихи для Ольги Тимофеевны – не работа, не хобби, это образ жизни, состояние души, это сама жизнь. Они всегда с ней и в ней. Стихи перебирала, откладывала, снова возвращала и, наконец, отправила. Ответа долго не было, и вдруг – письмо от незнакомого человека. Даже страшно было открывать. Сохранился текст этого письма. Я хочу привести его в оригинале.

Многоуважаемая Ольга
Тимофеевна!

Анна Андреевна просит со-
ветовать. Но Ваше письмо пришло,
когда она была в больнице (она
и сейчас не совсем здорова), и
потеряла Ваш адрес, так что
она не могла ответить.

Стихи Ваши ей очень
нравились, и она мечтает Вам
дальнейших творческих успехов.

Фин

31/X - 1962 г.

Сотрудница библиотеки Софья Богдановна Шоломова совершила поездку в Санкт-Петербург с надеждой узнать судьбу писем и стихотворений Ольги Бондаренко и, возможно, выяснить ещё какие-нибудь подробности, касающиеся Ахматовой и Бондаренко. И она выяснила, что в архиве Анны Андреевны, который хранится в Санкт-Петербурге в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, находятся все письма и стихи Ольги Тимофеевны. (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф.1973, №1402).

Запись в дневнике Ольги Тимофеевны 5 марта 1966 года: «...Печальная новость: умерла Ахматова. Жаль, что для таких людей нет бессмертия. Она была истинная.... Со всех сторон – одни удары. Может быть, это и есть чёрные дни? Стихов не могу ни писать, ни читать...».

А. А. Ахматова

Этот фотопортрет Анны Андреевны Ахматовой Ольга Тимофеевна хранила, как самую большую драгоценность.

5 апреля 1966 года: «Чтобы жить на этом свете и устоять против всех ударов, нужно покрыть себя бронёй из железобетона.... Не все способны на такой панцирь. Каждый из нас должен иметь хоть маленький островок спасения, где бы можно было укрыться от превратности судьбы. А если его нет?».

Пройдёт много лет, и в 1985 году в отчаянном порыве она снова обратится к своему кумиру.

* * *

О Анна, свет, спаси меня!
Не дай безропотно погибнуть!
И буду я при свете дня
Тебе слагать живые гимны.

И буду я при свете дня
Благословлять живые чары,
Которые спасли меня
И уничтожили удары.

И в том же 1985 ещё одно стихотворение – обращение,
которое так и называется:

* * *

Ахматовой

Ты же к Богу приобщилась –
Так спаси меня!
Подари мне эту милость
На исходе дня.

Подари мне очертанья
Истинных высот,
Где за каждое страданье
Нас награда ждёт.

Маргарита Алигер и Ольга Бондаренко

Известный поэт, переводчик, журналист, военный корреспондент, с 1938 года член Союза писателей СССР, Маргарита Алигер по достоинству оценила поэтическое творчество Ольги Тимофеевны Бондаренко. Я об этом слышала, но долгое время не знала наверняка. И только значительно позже, когда дочь Ольги Тимофеевны Анна передала мне её дневники, письма, заметки, я обнаружила и письмо Алигер, которое считаю необходимым опубликовать полностью. К сожалению, мне не удалось узнать подробную предысторию этого письма, но само содержание всё объясняет. К тому же, оно было написано через двадцать лет после телеграммы, которую прислала Анна Андреевна Ахматова Ольге Тимофеевне.

За эти годы произошло много событий, связанных с поэтическим творчеством Ольги Тимофеевны. К этому времени стихи Ольги Бондаренко появились в посмертном сборнике Анны Ахматовой. Но это отдельная история, и я расскажу о ней дальше.

Один из друзей Ольги Тимофеевны настолько скептически отнёсся к этой телеграмме, что, почти поспорив с Люсей (так он называл её всегда), решил написать Маргарите Алигер, которая дружила с Анной Ахматовой, дабы доказать, что ответ великого поэта — просто какая-то случайность или дань обычной вежливости интеллигентного человека. Ольга Тимофеевна в своём дневнике по этому поводу писала, что красной нитью через это письмо пролегли два вопроса: один основной — как можно спутать стихи совершенно жалкого поэта со стихами поэта гениального, каким была Ахматова? Второй — попутный: как именно ей могли понравиться столь слабые стихи? Но когда пришёл ответ Алигер, даже он вынужден был согласиться, что ни о какой случайности или просто вежливости речь не идёт.

Письмо Маргариты Алигер:

Уважаемый Владимир Андреевич!

Я, право, не уверена, смогу ли ответить на ваши вопросы – это нелегко, да и удовлетворят ли вас мои ответы, которые никак не претендуют на точность. Я могу только предполагать – и не более этого.

*Настолько мне известно, Анна Андреевна почти никогда не отвечала авторам, присылавшим ей стихи. Она вообще не любила писать письма и **уверяла меня**, что никогда их не пишет, никогда на письма не отвечает. Вот видите, и в приведённом вами случае – не письмо, а телеграмма. Это очень похоже на неё, она именно так и поступала в случаях, когда было необходимо ответить. Значит, ей показалось необходимым ответить О. Т. Бондаренко. Почему?*

Очевидно, именно потому, что сказано в телеграмме: стихи понравились. По-моему, эту телеграмму следует расценивать, как знак высочайшего одобрения. Значит, стихи, действительно, понравились, а то бы она их и дочитывать до конца не стала. Почему они ей понравились – объяснить трудно, даже невозможно, как невозможно, пожалуй, объяснить истинную поэзию. Как невозможно объяснить, почему прекрасно то или иное стихотворение. Вроде бы всё так просто, такие обыкновенные слова, а вот чем-то пронзает, изумляет, вызывает острое и неповторимое чувство, названия которому нет, которое может вызывать только истинная поэзия. Эта истинная поэзия, по-моему, несомненно, присутствует в стихах О. Т. Бондаренко, хотя их можно и судить, и критиковать, но главного – присутствия истинной поэзии – у них не отнять. Если вы этого не чувствуете, помочь вам ничем не могу – человек либо чувствует поэзию, либо не чувствует, и никто тут ничего поделать не может. Не могу сказать, хранила ли Анна Андреевна стихи, которые ей присылали, не знаю этого наверняка. Она была весьма небрежна в своём литературном хозяйстве и не имела, в сущности, одного места, постоянного стола, т. к. часто переезжала из Москвы в Ленинград и обратно. Полагаю, однако, что то, что нравилось, она бы сохранила.

Я пишу своё мнение не об одном стихотворении, попавшем в подборку Анны Андреевны, а обо всех, присланных вами стихах О. Т. и поэтому не могу ответить на ваш последний вопрос и не могу и не берусь объяснить вам то, чего вы не можете понять. Может быть, это и необъяснимо. Бывают такие явления в искусстве, где нет точных измерительных приборов, и приходится верить только ощущению, только чувству. Едва ли вас устроит мой ответ, но ничего другого, ничего больше я не могу написать – таково моё мнение. И могу даже понять ваши претензии к стихам О. Т. Бондаренко, но у меня они подобных ощущений не вызывают. Люди ведь воспринимают стихи каждый по-своему, и бывает, что одно и то же стихотворение одного волнует, а другого – раздражает, и тут не стоит пытаться свести всё к одному знаменателю – всё равно не получится.

Простите, если письмо моё сумбурно и неточно. Уж, какая есть.

Всего доброго.

Москва. Январь 1980 г.

М. Алигер.

Вот такой ответ получил один из друзей Ольги Тимофеевны Бондаренко. Об этом знакомом, который впоследствии стал её другом (так считала она), Ольга Тимофеевна мне говорила, и я даже видела его несколько раз у нас в библиотеке. Я помню, что она прислушивалась к его мнению, но довольно часто оно её и огорчало. На мой взгляд, она относилась к нему намного теплее, чем он к ней. Но это только моё мнение, и я утверждать что-либо по этому поводу не могу и не имею права. Мне же письмо Маргариты Алигер очень понравилось, прежде всего, как это ни странно, своей сумбурностью, простотой и непритязательностью. Она хотела выразить свою точку зрения, и ей это прекрасно удалось. Да уже одно то, что Алигер не проигнорировала письмо, а ответила, говорит о её внутренней культуре и интеллигентности. Ольга Тимофеевна была в неописуемом восторге и, когда её друг принёс его, перечитывала много раз.

Из переписки Ольги с Елизаветой Яковлевной Ильюшиной (Воробьевской)

Елизавета Яковлевна Ильюшина жила в Минске, куда часто, а в восьмидесятые годы чуть ли не каждый год, ездила Ольга Тимофеевна. Лизочка (так привыкла её называть Ольга) была женой министра просвещения Белоруссии Ивана Макаровича Ильюшина. Судя по записям в дневниках, умнейший человек, много читающий. Двоюродная сестра Ольги Елизавета была ему под стать. Эта замечательная пара в трудные годы помогала Ольге Тимофеевне как-то перебиваться, иногда отправляя её маленькой семье посылки с продуктами. Переписка Бондаренко и Ильюшиных не была регулярной. Она то затихала, то возобновлялась с новой силой. И всё же она сыграла огромную роль в жизни обеих сторон. Мне представляется, что письма помогут не только увидеть глубину переживаний Ольги Тимофеевны, но и раскрыть её характер, понять её как истинного поэта. Я думаю, что письма – это всегда диалог с вечностью, это в нашем современном мире явление очень необычное и давно забытое. Безусловно, технический прогресс сломал и расширил границы общения, во многом облегчая жизнь, упростил разные вещи, но, в то же время, он нарушил лучшие человеческие качества и ценности, которые являются частью человеческой природы. Я же очень трепетно отношусь к обычным письмам, написанным от руки и пожелтевшим от времени.

13 / XI – 78 г.

Дорогая Лизочка!

Получила твою открытку в честь праздника. Ты так давно о нас не вспоминала, что это было особенно приятным сюрпризом. А я в прошлую осень отправила вам подробное письмо и много стихов, на что, конечно, ответа не имела. Может, затерялось в пути? Но не думаю.

... В нашей жизни перемен нет. Аня, слава богу, работает в детской библиотеке. Ею довольны, и, кажется, она тоже.

Правда, из-за отсутствия диплома, зарплата у неё самая маленькая – 70 рублей. Но спокойная работа для неё – дороже всяких денег. И у меня новостей нет. Жизнь течёт, течёт неумолимо. Именно завтра мне стукнет 56! Трудно даже представить. ... К счастью, никогда не болею. Совершенно не пользуюсь больничными листами. И всё благодаря холодным купаниям. Каждое утро стою под ледяной водой 10-15 минут. И начала эту процедуру в сорок лет. С тех пор и прекратились всякие ангины и простуды. На пенсию, конечно, не собираюсь. Свою работу боготворю. Кроме того, пенсия моя будет слишком жалкая – всего 63 рубля. А если вычесть 8 рублей за квартиру, то что останется? Задача совсем простая, без единого неизвестного. Так что пока ноги носят, буду трудиться. Да и работа даёт мне духовную пищу, без которой я бы давно пропала. За 33 года в библиотеке окончила 33 университета.

...Любовь моя длится 29 лет! Свою нелегальную серебряную свадьбу мы уже справили. Так что – слава всем богам мира – судьба не обошла меня и тут. Единственная слабая сторона – денег не хватает. Ну, и чёрт с ними! Я привыкла.

... В начале октября была приятная новость. Ещё перед отпуском отправила в журнал «Библиотекарь» подборку стихов и вот какой ответ получила:

«Уважаемая Ольга Тимофеевна!

Присланные стихи свидетельствуют о наличии у вас определённых литературных способностей. Хотя тонкость ваших лирических миниатюр иногда переходит в камерность, будем надеяться, что ваше имя сможет появиться на страницах журнала. Для большей вероятности публикации можете прислать что-нибудь ещё.

Всего вам доброго!»

Так что, дай бог, как говорится.... Будем ждать.

Желаю от всего сердца не болеть и не хандрить. Сердечный привет всем. Целую. От Ани привет!!! Люся.

Дорогая Лизочка!

Получила посылку. Конечно, спасибо. Да ещё и какое! Просто – безмерное. И, прежде всего, за доброе отношение. Это стоит дороже всего. Очень обрадовалась гречке – моя любимая крупа. Беспокоит лишь то, чтобы ты никого ни в чём не ущемила и не обидела. А нам такого добра хватит на целую зиму, до самого тепла.

Лизочка! Насчёт стугерона не беспокойся. Пока я приняла только половинную дозу циннаразина – две пачки, а две ещё есть. Это лекарство заменяет стугерон. Но если он у тебя в запасе – пусть будет. А вдруг ещё пригодится (хотя лучше – не надо!). За январь месяц я немного укрепилась. «Вопросительный знак» перед правым глазом сильно померк и мотается уже не с такой быстротой, как прежде. Лекарство помогло! Неприятно, что очень быстро устаю и пока нельзя мыться под холодной водой – врач не разрешает. А дальше – посмотрим.

Теперь самая приятная новость: в журнале «Библиотекарь» 1979 №2 напечатали два моих стихотворенья: «Они летят, пушинки снега» и «Покатился белый шар немыслимой зимы».

Это взято редакцией из второй подборки, которую посылала ещё в октябре 1978 года, т. е. больше года назад. Самое отрадное: вспомнили через такой срок и напечатали сами. Без просьб. Вот спасибо! Вслед за этим прибыл гонорар – 14 р. 57 копеек. Вот так радость! Я сейчас же отправилась покупать шапку с ушами, чтобы она прикрывала щёки (левая до сих пор не отошла). И представь себе, удача родит удачу! В центральном универмаге за 17 рублей купила прекрасную кроличью шапку типа капора, т. е. то, что нужно. Цвет – тёмно-коричневый. Мягкая, нежная – я сразу её полюбила. Так что теперь «ношу свой гонорар на голове». Чтобы к этой теме уже не возвращаться: ещё в сентябре выстирала шубу (в химчистку её не взяли). Верх получился отличный, но ватин и подкладка сбились в кучу. Пришлось долго мучиться, пока не поставила всё на место. Представь себе, что переделывала 18 раз! И, в конце концов, наверное, от отчаянья, добилась неплохого результата. Ну, а теперь вернёмся к поэзии.

Помнишь, я тебе говорила, что ещё в июне отправила стихи в разные литературные журналы? Ответы пришли в течение месяцев – августа и сентября. Слушай, какие:

Из журнала «Юность»: «К сожалению, использовать ваши стихи не смогли. Рукопись возвращаем».

Из журнала «Наши современники»: «Присланные стихи не соответствуют требованиям нашего журнала».

Из журнала «Москва»: «Ваши милые стихи, в общем-то, вторичны, как по содержанию, так и по форме. Опубликовать не можем».

Самые лучшие ответы сейчас процитирую.

Из журнала «Звезда»: «В ваших стихах есть чувство и есть краткость, что уже значит немало. Есть стихи неудачные,

т. к. вторичные (приводится два примера), есть удачные, т. к. первичные (снова два примера). Если предметом изображения будет не только прекрасное, но и жизнь, стихи будут интересны».

Из журнала «Дружба народов»: «Уважаемая Ольга Тимофеевна! Прочли ваши стихи и они, одни меньше, другие больше – понравились нам. Но, к сожалению, специфика нашего журнала такова, что для русских стихов отводится не так уж много места, а конкурс на публикацию среди них чрезвычайно жёсткий. Попробуйте обратиться в какой-нибудь другой журнал. Желаем вам успеха. Главный редактор отдела поэзии».

Представь себе, дорогая Лизочка, что этот ответ, несмотря на результат, равный нулю, привёл меня в восторг и вселил адские силы. Ведь он человеческий! А это уже значит немало. После вторичной публикации в журнале «Библиотекарь» я поняла: его не захватывает баснословное количество так называемой поэзии и есть возможность подойти более либерально. А вполне вероятно, что редакции просто понравились мои стихи. Друзья советуют посылать именно туда. Ведь они вспомнили обо мне спустя год, без всяких просьб – вот истинный подход к делу. Приветствую его! Как видишь, дорогая Лизочка, новостей немало.

...У нас настоящая русская зима. Снег сыплет и сыплет. Изредка случаются морозы, но я их всегда предпочитаю слякоти. В городе с осени свирепствует какой-то вирусный грипп.

Протекает в тяжёлой форме, даёт осложнения и есть даже смертельные случаи. Надеюсь, Минск эта беда миновала. Но если нет – берегите себя все. Благодаря прежней закалке я простудами не болею (пока и вирусы тоже не действуют). Лизочка! Когда будешь в силах – напиши хоть короткое письмо. Как вы все там живёте? Как Иван Макарович? Как Даша? Часто я вспоминаю дачу! Передай привет Оле и Наташе. (Будем снисходительны!). Специально для И. М. !:

Когда у тринадцатилетней Бичер-Стоу спросили, где помещается душа, она ответила:

– Душа не материальна и отдельного места ей не надо!

Крепко целую вас всех. Спасибо!

Сердечный привет от Ани.

Привет Олеся Евгеньевичу и его жене Любе.

11 / VIII – 80 г.

Дорогая Лизочка!

Я обещала прислать текст письма М. Алигер по поводу моих стихов, которые ей отправил один из моих друзей. Теперь своё обещание выполняю. Мне кажется, что её письмо, само по себе интересно и очень чётко передаёт характер Алигер. Во всяком случае, после его получения я долго не ходила по земле, а летала на крыльях. Конверт получится слишком объёмным. Поэтому посылать ещё и свои стихи просто некуда. Их отправлю в другой раз.

...Из отпуска недавно вернулась. Проводила его лёжа и в полном безделье, абсолютно во всех смыслах. Чувствую себя гораздо лучше. Надеюсь, в будущем году приеду к вам обязательно. Но заранее загадывать не следует, как не следует покупать приданое ребёнку, который ещё не родился.

...Аня 4-го августа поехала на Азовское море, под Геническ, к той же хозяйке...

В библиотеке всё по-старому. Скоро начнут сдавать в строй новое книгохранилище. В последнюю субботу ходили на стройку абсолютно все – аврал. Всё лето было хорошим, но вот уже три дня – новый циклон – холодно и дожди.

... Как здоровье у вас всех – И. М., твоё и Дашино бедро? Как чувствует себя Наташа после операции? Сердечный привет всем от меня, Ани и Моти. Не огорчайся, что не увиделись!

В будущий отпуск обязательно приеду!

Целую крепко. Люся.

6 / II – 81 г

Дорогая Лизочка!

Вчера получила твоё грустное письмо. Настолько грустное, что я сразу и надолго огорчилась. Болезнь Наташи – большое горе. Господи, ведь такая молодая! Откуда это всё? Откуда берётся? Смертельно жаль её и вас всех. Получить вторую группу инвалидности – что может быть печальнее, когда нет и сорока? Но, видно, у каждого – своя судьба. Недаром я – фаталистка. Помнишь, ты мне давным-давно говорила, что Мессинг предсказывал вам много горя из-за Наташи. К сожалению, всё сбылось.

Но раз беда произошла, ничего не изменишь. Значит, надо как-то перестраивать жизнь, а, главное – быть мужественным, собрать все духовные резервы. Очевидно, древние мудрецы правы: в этот мир мы приходим для страданий. Однако, человеку на то и дан разум, чтобы в самой тяжёлой ситуации – не падать духом. Так стараюсь поступать и я.

ДОРОГАЯ Лизочка! В этот отпуск (он всегда в июле) обязательно приеду. И ничто, ничто не сумеет мне помешать. Я ужасно соскучилась, хочу видеть всех вас, и по возможности – облегчить вашу жизнь хоть чем-то. Когда куплю билет (а куплю его заранее – за месяц вперёд – это будет в начале июня – сразу тебе напишу). А пока – о текущих новостях. Ну, во-первых, с осени у меня и перед вторым глазом стал мотаться «вопросительный знак». Так образно я называю склеротические сосуды. С большим трудом удалось достать стугерон на курс лечения.

Моя дорогая подруга Ирочка отдала мне свой резерв, т. к. этого лекарства нигде не достанешь. Я приняла уже 200 таблеток и теперь чувствую себя гораздо лучше, нет такой глубокой слабости, и милые «вопросительные знаки» сильно потускнели, из чёрных стали серыми.

... В творчестве перемен почти нет. К сожалению, с 1980 г. закрылась рубрика «Стихи библиотекарей» в журнале «Библиотекарь» (единственный, где меня печатали!) Зато произошло другое приятное событие. В нашей местной газете «Вечірній Харків» за 14 января 1981 г. (т. е. совсем недавно) была напечатана статья «Натхненним словом поезії», в которой о моих стихах отзывались очень высоко. Я посылаю тебе вырезку из этой газеты.

После прекрасной оценки было приведено одно моё стихотворенье. Так что порадуйтесь все вместе со мной. Надеюсь, с украинским языком вы справитесь. Но, на всякий случай, вот перевод: **«Многие рифмованные строфы написаны достаточно опытной рукой и читаются с лёгкостью и удовольствием. Среди них полные философского звучанья пейзажные зарисовки сотрудницы библиотеки им. Короленко – О. Т. Бондаренко».** (Стихи они цитируют на русском языке, и я их не вписываю). Сама понимаешь, как прекрасно прочесть подобные строчки о своём творчестве!

...Аня работает неплохо, ею довольны, но характер.... На сердечном фронте – никаких перемен. Слава богу! Любовь длится. Какое счастье! На работе устаю, но без неё – умерла бы.

Крепко целую вас всех. Самый нежный привет от Ани и Моти.

Посылаю немного стихов. Люся.

1983 г

Дорогая Лизочка!

Всё это время в моей жизни ничего нового не происходило. И писать было нечего. Но вот произошло очень радостное событие, которое, по-моему, граничит почти с чудом.

Ты, конечно, помнишь, что одно из моих стихотворений, которое я посылала когда-то Ахматовой, было в 1971 году опубликовано под её именем в журнале «Простор» №4. И вот, спустя 12 лет, в журнале «Вопросы литературы» за 1983 год №6 напечатана статья известного литературоведа и критика В. Виленкина «Стимул точности в творчестве Ахматовой». Он анализирует все её неопубликованные стихи. Потом находит моё:

** * **

*Нет, это было не со мной,
С тех пор прошли тысячелетья,
И смыло шумною волной
Всё то, за что была в ответе.*

*И всё минулось. Как в чаду,
В водовороте дней безликих,
Опять сквозь сотни лет пройду
Ловить мелькающие блики...*

Дальше следуют такие комментарии Виленкина: «Возможно, что это стихотворенье, в особенности его первая строка, по своему смыслу как-то связано с «Поэмой без героя», с первой частью этого «Триптиха» – «Петербургской повестью». Когда я нашёл в архиве эти произведения ахматовской лирики, они мне показались какой-то неожиданной наградой за предпринятую работу».

В журнале «Вопросы литературы» за 1983 г. №9 опубликовано письмо Виленкина:

«Приношу свои извинения читателям журнала «Вопросы литературы» за ошибку, допущенную в статье «Стимул точности в творчестве Ахматовой». Стихотворенье «Нет, это было не со мной», находящееся в архиве Ахматовой, принадлежит не Анне Ахматовой, а О. Т. Бондаренко, приславшей ей 13 своих стихотворений в 1961 г. Мне следовало знать, что это давно уже выяснено на страницах журнала «Простор» 1971 №2».

Тогда я написала Виленкину письмо с изложением всей прошлой ситуации, с ответной телеграммой от Ахматовой и подвела итог: «Я, конечно, понимаю, как огорчительно было вам впасть в такую невольную ошибку, но знайте, что меня вы сделали абсолютно счастливой. Каким способом я могу выразить свою благодарность? Только стихами. Посылаю вам подборку своих стихов и надеюсь, что вы не останетесь к ним равнодушны». Это письмо я отправила 20-го октября. 31-го октября пришёл такой ответ:

«Глубокоуважаемая Ольга Тимофеевна!

Спасибо Вам за письмо и за присланные вами стихи. Они явственно говорят о благородной, чистой душе автора, прожившего нелёгкую жизнь и сохранившего по отношению к окружающему всё то, что так часто утрачивается с годами. Выбранная вами строфическая форма органична, по-моему, для вашего мироощущения и для вашей возможности высказываться, выносить наружу то, чем вы живёте. Так что монотонности в ваших восьмистишиях нет. Есть свежие образы, подсказанные чутким восприятием природы. Спасибо за присланное. Желаю Вам доброго здоровья и благополучия.

В. Виленкин».

В ответ написала несколько слов: «Спасибо Вам, дорогой Виталий Яковлевич, за ваш отклик на мои стихи! Спасибо, которое границ не имеет! Великодушное сердце – это дар. Но я знала, что человек, бывший другом Анны Андреевны, много сердца иметь не может. К счастью, Пастернак ошибся, когда писал: «И пробиться друг к другу никому не дано». Значит – дано.

С глубоким уважением – Ольга Тимофеевна».

Вот и вся история, которая вознесла меня, буквально, на десятое небо! Все мои близкие друзья сказали, что более высокой оценки получить уже невозможно, что это стоит любой публикации.

Я поинтересовалась личностью самого Виленкина. Это крупный учёный – филолог, доктор искусствоведческих наук. Он написал 8 монографий. Последнюю из них прочла полностью:

«Воспоминанья с комментариями» М., 1982 год издания. Ему выпало счастье дружить и общаться с выдающимися актёрами, писателями и поэтами. Вот кому посвящены его воспоминанья:

1. *Немирович-Данченко.*
2. *Станиславский.*
3. *Книппер-Чехова.*
4. *Москвин.*
5. *Качалов.*
6. *Булгаков.*
7. *Ахматова.*

Книга написана блестяще, талантливо и прекрасно! Она звучит, как музыка. Если достанешь – прочти. Стоит! Вот какое счастье выпало на мою долю! Разве это не подлинное чудо?

* * *

Я прочитала и проанализировала всю переписку Ольги Тимофеевны с родственниками, всё, что мне предоставила её дочь Аня, всё, что сохранилось. И, если бы я не понимала, что нельзя перегружать произведение большим количеством писем, то с преогромным удовольствием привела бы ещё немало примеров.

Всё-таки именно подобные документы дают более подробную характеристику человеку, раскрывают его лучшие качества. Я не пыталась создавать книгу, удобную и понятную для всех. Но всё же мне хотелось, чтобы её прочитало как можно больше людей. Настоящая поэзия живёт намного дольше поэта. Через поэзию потомки узнают невероятно много: какие радости, горести, душевные волнения переживали люди того времени, в каком жил поэт.

В стихах Ольги Тимофеевны скрытые стремления человеческой души вырвались наружу. Ей так хотелось быть понятой и ценимой как минимум близкими людьми. Может быть, поэтому она, отправляя свои стихи двоюродной сестре, надеялась на понимание. Ей это было так важно...

Поэзия Ольги Тимофеевны – очищающая и жизнеутверждающая.

Её поэзия подобна трудно достигаемой вершине. Ольга Бондаренко, как альпинист поэтических скал, всю свою жизнь стремилась к этой вершине. Любовь, верность, красота, доверие, поддержка, неразделённое, мечты, слёзы, самопожертвование, нежность, печаль, доброта, жертвенность – всё было в её стихах.

Вчитываясь в строки поэзии Ольги Тимофеевны, где она то грустно-весенняя, то весенне-радостная, я как будто вместе с ней оказываюсь на её любимых полянах, в тени вековых дубов или в окружении стройных берёзок.... И, чувствуя красоту, хочется жить светлыми помыслами, радоваться жизни и любви.

* * *

Как много нам дано!
Поля, леса и рощи...
Кто с Богом заодно –
Тому намного проще.

Он может угадать,
Куда подует ветер,
Где божья благодать
И где покой на свете.

* * *

Какое солнце жаркое
Над городом плывёт!
Плывёт над всеми арками,
Над пропастью ворот.

Плывёт и рассыпается
На тысячи частиц –
И светом озаряется
Пространство без границ.

Ольга Бондаренко и дочь Анна

Я подхожу в своих воспоминаниях к очень хрупкой теме: Ольга Тимофеевна – мама. Какой она была мамой. И почему большинство коллег считало, что она мало заботилась о своей дочери, не уделяла ей достаточного внимания. В беседах с Аней я многое поняла и многое почувствовала. Но самое главное, что я поняла однозначно: Ольга Тимофеевна любила свою дочь и пыталась дать ей достойное воспитание. Но, к сожалению, у неё был пример модели воспитания, какой она получила в своё время от своей мамы Доры Марковны Воробьевской. Эта модель (как ни грустно констатировать) сыграла определённую роль в воспитании Ани. Как глубоко творческий человек, Ольга Тимофеевна была настолько погружена в свою поэзию, в свой внутренний мир, что для дочери там было места гораздо меньше, чем могло бы быть. И всё же доченька была важным этапом в жизни молодой Ольги Бондаренко. Она не просто возилась с ней, как возятся мамы с ребёнком, она, баюкая дочку, читала ей стихи. Она обнимала её, дарила свою нежность, беспокоилась о её здоровье, но стоило отвлечься на стихи, молодая мама забывала обо всём на свете и писала. ... писала.... писала....

Когда доченьке исполнилось два года, Ольга Тимофеевна начала записывать её высказывания в тетрадь. Эта тетрадь сохранилась. Анна передала её мне как бесценную вещь из своего детства. Пожелтевшие страницы, надпись на титульном листе, сделанная рукой Ольги Тимофеевны:

Анькины слова и выражения от двухлетнего возраста

Мама, дождик провалился.

8 / X – 48 г.

Луна грязная. Её помыть нужно.

24 / IV – 49 г.

Мама, а чего у тебя туфли поют?

(Туфли скрипели) I / IX – 49 г.

Часы кричат (будильник звонит).

5 / X – 49 г.

Мама, я тебе кашлять помогаю. Хорошая я?

25 / X – 49 г.

Я: «Какая ты у меня умная стала».

Анька: «Я всегда была умная...»

23 / XI – 49 г.

Я: «Подожди, Анька. Я голодная».

Анька: «А чего ты всегда бываешь голодная?»

30 / XII – 49 г.

Анька: «А чего ты меня так крепко обнимаешь? Мне больно».

Я: «Потому что я люблю тебя сильно».

Анька: «Ой, мамочка, не люби меня сильно – люби потихоньку...»

5 / I – 50 г.

Анька заболела. Я положила её возле себя. Говорю ей: «Ой, Анька, как мне страшно!»

Анька: «А ты закрой глазки – и тебе не будет страшно...»

28 / IV – 50 г.

Я: «Что ты ёрзаешь на стуле?»

Анька: «А я спадаю всё время».

9 / V – 50 г.

Мама, ты знаешь, к нам сегодня приходил сквозняк!

5 / VI – 50 г.

Я: «Анька, почему ты на утреннике не захотела выступить Лягушкой (в костюме Лягушки)?»

Анька: «Если бы навсегда Лягушкой быть, а то на один раз».

28 / VIII – 50 г.

Я оставила в тарелке недоеденный суп. Анька спросила: «А это кому? Пушкину, да?» (В детском саду, если кто оставляет в тарелке, так говорят).

13 / IX – 50 г.

Мама, тучи нехорошие, они мешают небу жить.

18 / IX – 50 г.

Я: «Анька, ты с каждым днём становишься вредней».

Анька: «Не с каждым днём, а с каждым вечером» (она учла, что мы бываем вместе только вечерами).

22 / IX – 50 г.

Анька: «Мама, какой жадный троллейбус: не открыл нам двери».

25 / IX – 50 г.

Анька нагнулась и шепчет что-то.

Я: «Что ты там делаешь?»

Анька: «Разговариваю со своей ножской».

28 / IX – 50 г.

Анька: «Мама, пускай ты будешь папа». ... (скучала по Ваське)

1 / XI – 50 г.

Анька: «Мам, смотри, водичка в ведре кувыркается» (вода дрожала от толчка)

3 / XI – 50 г.

Анька: «Давай сами назначим буквы».

5 / XI – 50 г.

Анька: «Мама, ты глупая».

Я: «Нельзя так на маму говорить».

Анька: «А что, так только на дочку говорить можно?»

8 / XI – 50 г.

Я: «Анька, ты можешь уморить человека!»

Анька: «Так ты же не человек, ты мама!»

23 / XI – 50 г.

Анька: «Я уже не такая противная. Я исправилась: ты меня починила»

28 / XI – 50 г.

Анька: «Я хочу эту палку».

Я: «Мало ли чего. Я тоже много хочу, да не выходит».

Анька: «А ты хоти так, чтоб выходило».

14 / XII – 50 г.

Анька: «Видишь, идёт снежок, а ты говорила – идёт кошмар».

10 / I – 51 г.

Анька: «Мама, моё сердце не хочет, чтобы ты сердилась».

15 / III – 51 г.

Анька: «Мама, я хочу быть совсем маленькой, хочу вниз расти».

17 / III – 51 г.

Анька: «Мама, почему так скучно быть хорошей?» (На этот вопрос я не ответила).

21 / III – 51 г.

Анька: «Мама, мы не бедные: у нас есть папа и есть пальто».

28 / III – 51 г.

Анька: «Не трогай кошку, а то у тебя глисты будут. Папа придет и спросит: «А мама где?», а я скажу: «Она стала кошкой».

2 / V – 51 г.

Анька увидела свою фотографию: «Мама, а как меня приделали к карточке?»

14 / V – 51 г.

Анька: «Мама, у тебя в животе кушанья мало, потому у тебя и голова болит».

10 / VI – 51 г.

Анька: «Мама, ты меня пустила одну через дорогу. Когда ты хочешь, ты бываешь умная».

20 / VI – 51 г.

Я: «Анька, мне сегодня карлик приснился, но он очень быстро убежал, и я его рассмотреть не успела».

Анька: «А ты бы скорей открыла глаза. Вот зеваха!»

25 / VI – 51 г.

Анька: «Хорошо быть качелей, потому что она никогда не умрёт. Мама, сделай меня качелей!»

30 / VI – 51 г.

Анька: «Природа сделала мальчиков и девочек, чтобы они не попутались!»

12 / VII – 51 г.

Анька: «Зачем ты сказала на кошку «Гадость»? Ты говори: «Неприличная кошка!»

19 / VII – 51 г.

Анька: «Мама, ты старенькой станешь и вниз порастёшь!»

23 / VII – 51 г.

Анька: «Мама, когда я буду пионерницей, ты мне галстук купишь!»

11 / VIII – 51 г.

У Аньки на бороде появилось круглое пятно. Она посмотрела в зеркало и говорит: «У меня на бороде буква «О».

29 / X – 51 г.

Анька: «Не говори со мной таким ругательным голосом...»

30 / X – 51 г.

Я: «Анька, какая ты сладкая!»

Анька: «Если бы я была конфетой, ты бы меня, конечно, съела...»

1 / XI – 51 г.

Я: «Анька, что вы сегодня ели в детском саду?»

Анька: «Мягкий знак мы ели...» (Я учила её накануне писать мягкий знак).

4 / XI – 51 г.

Анька почтальону: «Вы принесли нам деньги от папы. Не можете ли вы сказать нам, когда же он сам приедет?»

11 / XII – 51 г.

Я: «Ну, прочти, что написано?»

Анька: «Ум. Как всё равно у нас в голове!» (В букваре рядом – «ам» и «ум». Глупо. «Ам» – детское. «Ум» – такое абстрактное).

8 / I – 52 г.

Я: «Видишь, Анька, я тебе стишки пишу. Ты меня за это любишь?»

Анька: «Я тебя не за это люблю. Я просто люблю, да и всё».

9 / I – 52 г.

Анька: «Мама, ты молодой умрёшь, потому что ты долго не становишься бабушкой».

27 / I – 52 г.

Анька: «Ты, мама, не имей такой привычки глупой быть».

30 / I – 52 г.

В воскресенье утром Анька пришла ко мне в кровать.

Я: «Давай повторять буквы».

Анька: «Я пришла к тебе не за этим. Я пришла к тебе для полежания»

10 / II – 52 г.

Зашли в аптеку.

Анька: «Тут что-то скорой помощью пахнет».

15 / III – 52 г.

Я: «Анька, ты стала чудная девочка».

Анька: «И меня никто не подменял».

3 / IV – 52 г.

Анька: «Когда он учился в институте, его звали Василий Фёдорович. Когда он на нас женился, его стали звать Папа-Вася».

15 / IV – 52 г.

Анька: «Наверное, у меня была нехорошая бабушка».

Я: «Почему?»

Анька: «Потому что она тебя плохо воспитывала. Ты всегда сердитая бываешь».

3 / VI – 52 г.

Анька увидела во дворе старьёвщика, подошла к нему и говорит: «Пойдёмте к нам, у нас много всякого тряпья!» и привела его в дом. Я продала барахла на 20 рублей. Тогда Анька сказала: «Это будет мне на клубнику».

22 / VI – 52 г.

Анька: «У меня болит десно».

Я: «Не десно, а десна».

Анька: «А что «десна» девочка?»

29 / VI – 52 г.

Анька: «Ах, какой арбуз! Мне так вкусно, мне так розово!»

16 / IX – 52 г.

Анька: «Мама, я поправилась на 2 километра»

25 / IX – 52 г.

Анька: «У желудка болит голова».

28 / IX – 52 г.

Анька: «Пусть папа приедет, купит нам зонтик и уедет снова».

2 / X – 52 г.

Анька: «Глазки узнали, что я слушалась и мне хороший сон принесли».

9 / X – 52 г.

Я: «Анька, как ты думаешь, эта собака нас не покусает?»

Анька: «Нет, не покусает, потому что она бездомная».

5 / XI – 52 г.

Я: «Анька, не пой эту песню таким весёлым голосом, ведь в этой песне поётся, как человека убили. Весёлым голосом можно петь: «Жил был у бабушки серенький козлик», поняла?»

Анька: «Козлика убили. Это тоже страшно...»

6 / XI – 52 г.

Анька: «Мамочка, почему ты такая грустная? Это он обидел тебя? Ты такая миленькая, такая нежная, а он ни черта не понимает!»

7 / XI – 52 г.

Девочка из детского сада сказала Аньке: «Ты, как кукла. На тебе все женихи пожениятся!»

6 / II – 53 г.

Анька: «Мама, смотри, как молчат деревья».

29 / VI – 53 г.

Анька: «Почему у этой тёти на окнах такие красивые кружевные занавески, а у нас нет?»

Я: «У неё больше денег, чем у нас».

Анька: «А когда коммунизм настанет, у всех тогда занавески кружевные повесят?»

1 / VII – 53 г.

Анька: «Мои волосы, как буржуи: они лезут, куда не надо».

4 / VII – 53 г.

Анька: «Со всех сторон меня окружает чёрствое одеяло».

6 / XII – 53 г.

Анька: «А для чего петуха держат? От него же никакой пользы нет, он же ничего людям не даёт».

14 / III – 54 г.

Анька: «Я не буду так, как ты. Полюбить человека смогу, а плакать за ним не стану. И буду его на воле держать. Хочет – ходит, хочет – нет. А почему ты его на воле не держишь?»

6 / IV – 54 г.

Анька: «Сумела полюбить, сумей и не плакать».

10 / XII – 54 г.

Анька: «Есть девочки, у которых рёбра сосчитать можно без всякого рентгена».

1 / I – 55 г.

Я: «Что тебе нравится больше – гулять или читать?»

Анька: «Гулять – больше. Потому что гулять – это взаправду со мной бывает, а книжку читать – выдумка».

20 / V – 55 г.

Анька: «Хорошие люди радуются, а злые завидуют. Радоваться лучше, чем завидовать».

6 / X – 55 г.

** * **

Это только фрагментарная часть записей из пожелтевшей тетрадки, но именно маленькие диалоги мамы и дочки, просто детские высказывания Ани ещё раз показывают их привязанность друг к другу, любовь и крепкую связь. Эта связь прослеживалась всегда, даже тогда, когда Аня стала взрослой женщиной.

Аня Акулова (1959 г.)

Анна, вспоминая детские годы, рассказала мне, что по окончании третьего класса летом ей невероятно повезло: она поехала в Крым в Евпаторию в пионерский лагерь, где смогла чудеснейшим образом по-настоящему отдохнуть у моря. Тогда она была маленькой девочкой, скучала по маме, отправляла ей открытки, в которых описывала все свои детские радости, свой восторг и восхищение морем. Ольга Тимофеевна настолько беспокоилась о дочери, что писала ей длинные письма. Мама даже в письмах не забывала обучать доченьку грамотно писать, не делать ошибки, вспоминать правила правописания. Но больше всего она хотела, чтобы дочь окрепла, была здорова и получила наслаждение от моря, которого никогда не видела сама, но о котором много знала из книг, и которое казалось чем-то несбыточно прекрасным, волшебным и загадочным. Она так радовалась за дочь, что в те дни была постоянно в приподнятом настроении.

До этого они всегда были вместе, никогда не расставались надолго. Вместе гуляли в парке, вместе делали уроки, точнее, Аня делала уроки под маминым неусыпным контролем. Читать Аня научилась очень рано, ещё в пятилетнем возрасте. Любовь к чтению передалась ей от мамы, и Ольгу Тимофеевну это очень радовало. Особенно девочка зачитывалась сказками Андерсена. Мама поощряла это и часто приносила из библиотеки разные сказки. А ещё она приносила классическую литературу и постепенно приучала дочь зачитываться ею. Ольга Тимофеевна радовалась, что лучшие книги можно брать в библиотеке и не надо было тратить на них деньги, которых еле-еле хватало на жизнь. Произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова и многие другие прочитывались Аней ещё до того, как их начинали изучать по школьной программе. Ольга Тимофеевна очень хотела, чтобы дочь росла и развивалась правильно. Духовно развиваться ей помогали искусство, литература, музыка. И ко всему этому Аню старалась приобщать мама. Она говорила дочери, что, увлекаясь прекрасным, читая интересные произведения, слушая хорошую музыку, любуясь непревзойдёнными картинами талантливых художников, мы обогащаемся духовно. А любуясь природой, наполняем наш внутренний мир новым содержанием, делаем его интересным и богатым. И если мы будем об этом помнить, то исчезнет угроза духовной пустоты.

Уже после смерти мамы Ане однажды приснится сон, который она помнит так ярко, как будто всё происходило наяву. Летний солнечный день. Аня с мамой сидят на скамейке в любимом парке. И Ольга Тимофеевна, улыбаясь, произносит фразу из сказки Андерсена: *«В том-то и дело, что песенка никогда не кончается»*. Такой светлый сон, и в нём мама такая счастливая, умиротворённая, ласковая и спокойная. ... Но всё это будет позже, а тогда в далёком пятьдесят шестом году они обе – мать и дочь наслаждались свалившимся на них счастьем – получить путёвку к морю. В письмах к доченьке Ольга Тимофеевна так и напишет: «Неизвестно, когда ещё выпадет такое счастье».

И Аня сохранила эти письма, показала их мне, как сокровище, бережно разглаживая жёлтые от времени листочки. Вот одно из них.

5/11-26. Дорогая Аничка!

Я получила твою первую открытку и очень
радовалась, а то уже беспокоиться не
было от тебя ничего нет.

Очень рада, что ты довольна. Старайся поедь
всё, что дают, ничего не оставляй,

иначе ты не окрепнешь и не поправишь

Слушайся пионервожатых и воспитательниц

сведи за своими вещами, ничего не

теряй, на мёртвом ты обязательно

спи. Набирайся сил, потому что в

четвёртом классе уже будут экзамены,

будет труднее заниматься.

Аничка, ты сделала в открытке ошибку.

Слово "купаться" нужно писать с мягким

знаком, т.к. это глагол неопределенного

времени и отвечает на вопрос "что делать".

Я же тебе объясняла, что в таких

случаях всегда мягкий знак, исключений

нет. Больше не ошибайся.

Потом ты написала слово „сначала“
неправильно, на конце написала „о“ —
„сначала.“ Если приставка „с“, то в конце
всегда „а“ пишется. „До свиданья“ — два
слова, а ты написала одно — „до свиданья.“
В следующем письме постарайся думать
над тем, что пишешь, хорошо?
Анечка, будь умирной, наслаждайся
морем, возьми от него всё возможное.
Неизвестно, когда еще выпадет такое
счастье.
Ну, будь здорова, пиши мне не
реже раза в неделю.
Целую тебя крепко, крепко в твой
курносый носик.
Твоя мама.

Пока дочка была маленькой, молодая мама чувствовала необъяснимую потребность писать стихи для детей. Её стихотворение «Сказка для игрушек» было написано 4 января 1952 года. Это стихотворение станет первым опубликованным стихотворением Ольги Бондаренко.

Оно появится в газете «Красное Знамя» в 1964 году. На радостях Ольга Тимофеевна купит 50 штук газет и будет раздавать их всем желающим. Но тогда, в 1952 году 10 января, Ольга напишет ещё одно стихотворение, посвящённое своей дочке.

* * *

Завязала узелок
Кукле на платочек.
И сказала: «За порог
Не ходи, ты, дочка.
Там теперь уже зима –
Холод, вьюга, ветер.
Не ходи туда сама –
Это вредно детям.
Нужно сшить тебе скорей
Тёплое пальтишко,
Чтоб не мёрзла в январе
Бедная малышка».
Я укутала вчера
Куклу в одеяло.
Только вышли со двора,
А оно упало.
Я вбежала быстро в дом.
Где же лоскуточки?
Мы из них пальто сошьём
Нашей кукле-дочке.

Было у Ольги Тимофеевны что-то детское в отношениях с дочерью. Её наивность и непосредственность передалась Ане. Когда они были рядом, это можно было увидеть невооружённым глазом. Как-то они гуляли в парке вдвоём и нашли ежа. Он показался Ане таким одиноким и несчастным, что она не выдержала и принесла его домой. Уговорила маму оставить его. Но уже на следующий день стало понятно, что ёж тоскует по природе и ему плохо в городской квартире. Необходимо было что-то предпринимать. Ольга Тимофеевна взяла ежа и отправилась в парк на то самое место, где они его обнаружили. Бережно положила на землю и сразу же отошла.

И когда это маленькое существо фыркнуло и побежало в кусты, она радостно засмеялась и вздохнула облегчённо. Да, иногда она жила только своими чувствами и переживаниями, отгораживаясь от всех, даже от дочери. Но стоило Ане заболеть, или вдруг у неё возникали какие-то проблемы, в Ольге Тимофеевне тут же проявлялась мама. Это подтверждают записи в дневниках. 27 августа 1985 года появилась запись: «Аню забрали в инфекционную больницу с пищевым отравлением. Ездил ежедневно, переживала».

4 сентября короткая запись: «Выписали!».

Ещё она всегда переживала, что не может одеть Аню как следует из-за отсутствия денег и постоянной нищеты. «...Деньги, отложенные на Анькино пальто ещё с марта...прежнее пальто, буквально разлезлось.... Наметила во вторник отправиться на поиски...».

Но, несмотря ни на что, Ольга Тимофеевна всегда считала, что как мама она не состоялась, в том понимании, как это принято. Она чувствовала, что, если бы любой женщине задали вопрос, что для неё важнее всего на свете, та бы ответила: «Ребёнок». Она же не была уверена, что ответит так. Да, любила дочь, заботилась о ней, воспитывала, переживала, но (как это не прискорбно) не считала её главным смыслом своей жизни. Творчество, стихи – вот смысл всего, ради чего стоило жить. Прослеживая жизнь Ольги Тимофеевны по дневникам, я встречала записи о дочери, но их было намного меньше, чем записей обо всём остальном. «Судьба жестоко наказала за А., впрочем, по заслугам...». «У А. поразительное упрямство. Откуда оно?». Ольга Тимофеевна, задумываясь о жизни своей дочери, пришла к выводу, который нашёл своё отражение в дневнике: «Судьба её – ужаснее моей». Мать и дочь – отношения между ними уникальны. В них есть привязанность и бунт, неизбежное сходство и яростное его отрицание, вина и прощение. Первый и главный опыт – «мы вместе» – и первая попытка всё-таки «быть отдельно». Пронзительная потребность во внимании, в одобрении, и в то же время ужас перед силой такой потребности. Невысказанные и высказанные обиды. И над всем этим – единственность и неповторимость их отношений. У Ани всегда было желание слиться с мамой, почувствовать её безусловную любовь, это казалось ей самым главным.

Именно поэтому она старалась смотреть на мир глазами своей мамы, часто поступала так, как поступила бы мама, надеялась на её одобрение и признательность. Аня, сама того не замечая, несколько раз перечислила свои детские попытки заслужить мамину любовь, чаще – неудачные. И я поняла, что она пытается избавиться от боли, которая растянулась на долгие-долгие годы и не утихла до сих пор.

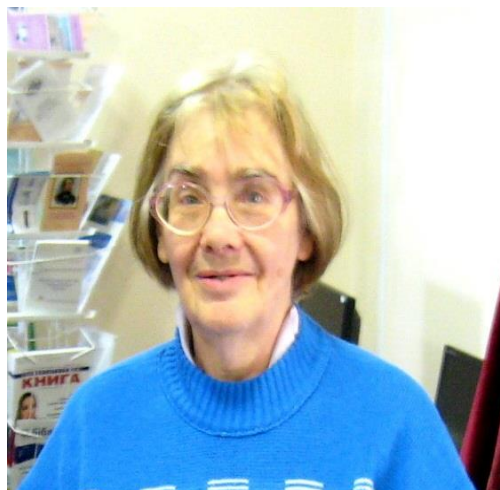
1986 г.

1991 г.

2001 г.

2015 г.

Анна Акулова в разные периоды жизни

Если всмотреться, то бросается в глаза их поразительное сходство – сходство мамы и дочери. Даже в этих «взрослых» фотографиях отчётливо просвечивает образ той маленькой девочки, которой была когда-то сама Ольга Тимофеевна. Мир полон контрастов – в людях, взглядах, традициях. Каждый день кому-то первый, а кому-то последний. Сколько в мире всего! Но никто и никогда не заменит исключительную глубину человеческих отношений, особенно отношений между родителями и детьми.

Всё повторилось: Дора Воробьевская и её дочь Ольга. Ольга Бондаренко и её дочь Анна. Даже сама Ольга Тимофеевна, глядя на Аню, возвращалась к воспоминаниям о собственном детстве, об отношениях со своей мамой, об опыте любви и боли. Только вот у дочери появились новые тревоги – страх потерять любовь мамы, отрицание мужчин.... А Ольга Тимофеевна была женщиной – со своей судьбой, бедами, переживаниями и радостями. Сама себя считала несовершенной. Потому что позволяла себе быть не только мамой, но и чьей-то подругой, уставшей, грустной, разъярённой...

Анне Акуловой уже много лет. Но её сердце и сейчас согревают воспоминания, как мама жалела её, когда она сбивала коленки в детстве, как мама водила её в парк, а она там, набегавшись, засыпала и, просыпаясь, видела рядом маму – самого главного человека в своей жизни. И как бы им вдвоём не было сложно, они всегда преодолевали трудности вместе. Аня сказала мне, что благодарна маме за то, что та была рядом, что старалась понять и не ругать, когда дочь начала взрослеть и делать глупости. И если бы мама была жива, она сказала бы ей спасибо. Спасибо за то, что воспитала в ней очень важное чувство, которое так мало сейчас встречается – чувство сострадания. А ещё Аня вспоминает, как отстаивала своё мнение на полях домашних сражений, потому что была упрямой, иногда спорила и сопротивлялась маминому давлению в каких-то вопросах. И теперь на склоне лет она вспоминает маму, которая научила её отличать хорошее от плохого. И неважно, была ли это какая-то мелочь или что-нибудь серьёзное. Она научила слушать, понимать и любить. И Ане всегда хотелось быть хотя бы наполовину такой, какой была её необыкновенная мама.

Воспоминания дочери Анны

Детство и отрочество моё прошли в атмосфере любви рядом с мамой. Моё признание может показаться странным тем, кто знал мою маму и нашу жизнь, но это на самом деле так. Любовь чувствовалась во всём. У мамы была любимая работа, любимый мужчина, любимая дочь, любимые книги. За редким исключением в нашем доме царило веселье, ещё реже в нём присутствовало спокойствие. Мама совсем немного времени уделяла кухне и прочим домашним делам. Она всегда была чем-то взволнована, даже скорее взбудоражена. Очень часто мы с ней уходили в парк, который находился недалеко от нашего дома. Это был огромный парк. Он напоминал Ботанический сад. Мы бродили с мамой по аллеям и уходили далеко, потому что парк переходил в густой лес, и, когда мы выходили на окраину, начинало казаться, что это конец города. Случалось, что мы шли ещё дальше и гуляли в лесопарке. Мне иногда бывало страшиновато, но мама ничего не боялась, и это передавалось мне.

Я так любила находиться рядом с мамой и радовалась каждой нашей прогулке. Я даже не обижалась, когда мама молчала или писала, не обращая на меня внимания. Мне просто было хорошо от того, что она рядом. Я помню все поляны, на которых мы останавливались и подолгу сидели. Я задавала маме много вопросов, но ответы получала не всегда. Если ей хотелось, чтобы я не мешала, мама могла сказать что-то обидное, и тогда я замолкала, но ненадолго. Маме невероятно нравилось сидеть на поляне и писать. Стихи она писала легко и быстро, писала всегда, всю свою жизнь. Она говорила мне, что писать начала в самом раннем детстве. На полянах ей писалось особенно легко. Мне теперь кажется, что маме помогала сама природа. Она писала везде, где бы не находилась. Не писать не могла. Стихи были её воздухом, чистым дыханием, чем-то совершенно необходимым. Часто она просыпалась ночью с уже готовым стихотворением. Оставалось только его записать, что мама и делала. Мне нравились её стихи.

Я считала их необычными и гордилась маминым талантом. Мне кажется, что даже мамин характер можно определить такими строками:

** * **

*И вся порыв, и вся движенье,
Она всегда стремится ввысь.
Туда, где трепетные дали
С рассветным заревом слились.*

Сколько помню себя, помню и мамину работу. Она работала в библиотеке и часто приносила мне книги, которые ей нравились, и впечатлениями о которых она хотела поделиться. Её любовь к книгам передалась мне в очень раннем возрасте. Я только сейчас, спустя многие годы, поняла, что именно мама научила меня любить классику, быть избирательной в чтении. Она как-то сказала мне слова из Библии: «Нужно, чтобы зерно упало на благодатную почву». Мне запомнились эти слова, но тогда я не понимала, что мама имела в виду. Я всё поняла гораздо позже, повзрослев. Мама часто давала мне немного денежной мелочи и отправляла к нищим, чтобы я раздала её. Их тогда, в послевоенное время, было много, и стояли или сидели они везде. То были уроки доброты. Я иногда подолгу стояла возле нищих, переживая за них, а иногда быстро раздавала деньги и уходила, спешила домой к маме. Я не всегда понимала, почему мама давала деньги для нищих, если у нас самих не всегда была еда, мы жили небогато. Но я никогда не нарушала эти уроки доброты, я чувствовала, что так надо, что это правильно.

Я не могу сказать, что мамин характер был мягким. Нет, она могла и обидеть, и поругать, могла меня не замечать. Это было хуже всего. Мне не хотелось расстраивать маму, я старалась быть хорошей девочкой. Мама была необычайно целеустремлённой, трудолюбивой и настойчивой, обладала большой силой воли. Бабушка рассказывала, что мама после школы поступила в университет, но война резко поменяла все планы. И всё равно мама не бросила учёбу. То было время ужасного голода и холода. Мама заразилась брюшным тифом и чуть не умерла.

Но, несмотря ни на что, мама окончила университет с отличием. Её, как одну из самых способных студенток, хотели оставить в аспирантуре, но она отказалась вступать в партию, потому что была далека от этого, из-за чего с аспирантурой не сложилось.

Мне помнится, что наша с мамой жизнь была очень долго устоявшейся, какой-то стабильной. Я думала, что никогда ничего не изменится, что мы всегда будем только вдвоём. Отца своего я видела редко, он приезжал всего несколько раз. Мама отзывалась о нём хорошо, тепло, но говорила, что они с ним совершенно разные. Мне было четыре года, когда мама рассталась с моим папой. Они не разводились, просто расстались. Расстались, скорее всего, потому, что мама полюбила человека, который был женат. Она понимала, что не сможет быть с ним вместе, она ничего не требовала от него, она просто любила его и всё. Сколько стихотворений появилось только потому, что у неё была такая любовь!

Когда маме исполнилось сорок четыре года, в нашей коммунальной квартире произошли изменения: появилось новое подселение, и наша жизнь резко изменилась. Ухудшились условия, появилась зависимость от соседей. Но что-то поменять не получалось, не хватало средств. Мы продолжали жить, но уже всё было по-другому. Очень сильное влияние оказала на маму соседка по коммунальной квартире. Мама её называла Мотя. Это была властная женщина, к тому же она обладала какой-то магической силой. Они с мамой часто закрывались в комнате и долго о чём-то разговаривали. Если я пыталась зайти к ним, меня выпроваживали и говорили, чтобы я не мешала. У Моти была патологическая страсть к чистоте. Она без устали что-то чистила, драила и заставляла это делать маму. Я не могла понять, почему мама никогда не сопротивлялась, а послушно выполняла все указания Моти. Это была какая-то загадка.

Я очень любила маму, любила всегда. Мне её не хватает. Когда я приезжаю на кладбище, где она похоронена, начинаю вспоминать нашу жизнь, и грущу, но понимаю, что маму не вернуть, и надо жить дальше.

Бездомница

Вся жизнь Ольги Тимофеевны – это выживание в невероятно трудных условиях постоянного нищенского существования. Сама себя называла бездомницей, но впервые она услышала это определение от одного из друзей. Позже «бездомницей» она назовёт Марину Цветаеву и добавит: «...Вечная бездомница, и мне сродни». В своих стихотворениях она часто обращается к этой теме.

* * *

Я, как последняя бездомница.
Уселась прямо на крыльцо.
И не успела я опомниться,
Как солнце хлынуло в лицо.

И всё забылось, кроме этого,
И не прошу я ни о чём.
А лишь остаться незаметною
Под этим солнечным лучом.

* * *

Ах, все бездомники на свете,
Вы цепью связаны одной!
Когда над вами мчится ветер,
Он пролетит и надо мной.

Он пролетит, и я услышу
Неясный гул его речей...
А солнце катится всё выше
В потоке пламенных лучей.

В коммунальной квартире, где они жили с дочерью (как уже упоминалось), проживала соседка Мотя, которая была не совсем здорова психически, вследствие чего в доме происходили постоянные баталии с невероятным шумовым эффектом.

Она редко говорила нормальным голосом, всегда кричала, особенно, когда постарела. Ольга Тимофеевна в дневнике записала: «Мотя неуравновешенная, взбалмошная, грубая... а сердце у неё всё-таки есть... итак, прощать надо... надо прощать... характер у неё тяжёлый...». «Молчание – единственный способ свести к нулю Мотины бурные вспышки по всякому поводу...». С годами жизнь превратилась в ад и стала невыносимой. Спрятаться практически негде. Ольга Тимофеевна в выходные дни старалась вставать очень рано, ещё до того, как соседка по квартире выйдет и начнёт скандалить, и бежала в парк к своим любимым деревьям. Больше всего её манила абрикосовая поляна, где она проводила много времени. Не оставалась равнодушной и к берёзам. С берёзами часто делилась горестями реальной жизни. Однажды 8 марта записала: «Праздник – это свобода! Нашла новое отличное место – за спортивным городком огромное пространство без скамеек и почти без людей! Именно здесь написана добрая половина зимних стихов. Летом признаю только **берёзовую** поляну. Назвала новое пристанище – «аллеей мольбы и молитвы». Очень подходит.... Если бы я до конца поверила в Бога, то искала бы с ним контакта – только здесь...».

Как-то во время своих прогулок остановилась и долго стояла с совершенно отрешённым видом. Написала в дневнике: «Бездомная собака оказалась рядом... Грязная, тощая и всё-таки милая. Мы сразу нашли общий язык. Я её погладила, а она в знак благодарности завиляла хвостом и уткнула морду в мои колени. Жаль, что в сумке ничего не было съедобного. Вот и получается, что бездомная собака оказалась ближе всех...». Ольга Тимофеевна много ходила по улицам, аллеям, но больше всего любила находиться в парке. В дневнике как-то написала: «Парк – вот мой дом! И другого я не имею». Однажды записала: «Вчера на абрикосовой аллее удалось завладеть брёвнышком, и оно служило прекрасным сидением. Даже лежать на нём умудрилась... я бездомница! Поэтому любое брёвнышко в парке милей мне роскошной дачи, где не смогу ни мгновения быть в одиночестве...». Ей хотелось бродить по парку и смотреть в небо. К небу у Ольги Тимофеевны было особое отношение. Она любила смотреть, как появляется солнце. Солнце часто ассоциировалось с романом Э. Хемингуэя «И восходит солнце».

Она называла американского писателя незаурядным человеком и никак не могла понять, почему он ушёл из жизни. Сама же она была убеждена, что уходить из жизни неестественным путём – это большой грех. Даже, когда опускаются руки, даже, когда жизнь совсем не в радость. Я наткнулась у неё на такую запись: «...Опустить руки и сдаться? И моментальный ответ – это невозможно! Я хочу оставаться жить до тех пор, пока моё существование не кончится естественным путём. Добровольно не уйду! Пусть рушились все мои иллюзии одна за другой, пусть я нахожусь в полной пустоте, но остались небо, звёзды...». Дом, в котором жила и была прописана, был какой-то несчастливый.

«Пожар! Сгорел проклятый диван, кусок пола, гардины. – запишет она в дневнике, – Обуглился бок одежного шкафа... вот невезучая полоса... поневоле станешь суеверной.... А. разбила зеркало...».

Но всё же Ольга Тимофеевна, сама того не осознавая, была очень привязана к этому дому – дому № 59 по улице Сумской.

Табличка дома, в котором жила О. Т. Бондаренко

Здесь, ещё в XIX веке были построены два каменных дома, которые не сохранились. На их месте в 1920-е годы по проекту Ю. В. Игнатовского был построен новый дом, который получил неофициальное название «Дом старых большевиков», куда в 1932 году въехала большевичка Дора Марковна Воробьевская – мама Ольги Тимофеевны.

Рядом находились дома в три-пять этажей, построенные в конце XIX столетия. Дом, где жила Ольга Тимофеевна, был четырёхэтажным. Во дворе росли деревья, кустарники, по воспоминаниям дочери Анны, это был настоящий сад. Стилевое разнообразие домов, расположенных по Сумской, перемежающееся с зеленью садов и уютных небольших сквериков, придавало улице неповторимость и особый шарм. И Ольга Тимофеевна, и Анна всегда подчёркивали, что эта старая, одна из главных улиц города Харькова, была лишена строгой официальности, тем самым наполняясь очарованием.

Дом № 59 в современных ракурсах

Справа красивый старинный особняк, в здании которого после войны 1941 – 1945 гг. разместился Дворец пионеров, а в 1962 г. – один из первых в Украине – Дворец бракосочетания.

Дворец бракосочетания

Окно кухни выходило на боковую часть Дворца бракосочетания, которым любовались и мама, и дочка. Высокое дерево, что разрослось и было выше здания Дворца, казалось им обоим величественным и очень красивым.

Вид из окна квартиры О. Т. Бондаренко

Ольга Тимофеевна любила смотреть в окно, наблюдая, как подъезжают роскошные машины, из которых выходят красивые пары. Она искренне радовалась за них, потому что умела радоваться чужому счастью, и в то же время грустила, понимая, что ей никогда не суждено быть по ту сторону окна, оказаться на их месте. Но пусть же другие будут счастливы, и можно испытывать радость за них, восхищаться ими. Так часто думала она, и подобными мыслями поднимала себе настроение.

Квартира О. Т. Бондаренко (6 подъезд, 1 этаж).
Вид со двора

Окно комнаты выходило во двор, где в юности любила гулять и наслаждаться садом. Сад стал любимым местом и для Ани. Она, как и мама, восхищалась свежестью зелени весной и роскошью деревьев летом. Во дворе было уютно. Всегда звучали детские голоса, на скамейках сидели старушки, которых интересовало всё и всегда.

Квартира, где жила Ольга Тимофеевна, была коммунальной. Изначально, в тридцатые годы в одной комнате жил сосед, старый большевик, с которым дружила ещё Дора Марковна. По воспоминаниям Ани, это был очень хороший, очень добрый и спокойный человек. Они вместе с Дорой Марковной въезжали в этот дом, вместе обустраивались, налаживали быт. Затем, когда не стало Доры Марковны, а потом и такого хорошего соседа, вторую комнату заняла новая соседка Мотя (о ней упоминалось ранее). И вот тогда жизнь круто изменилась и превратилась для Ольги Тимофеевны в настоящее и не прекращающееся испытание.

Её больше не радовало соседство Дворца бракосочетания, у неё практически исчезла возможность сидеть у окна и наслаждаться тем, что происходит за окном. Соседка лишила её такой возможности.

Подъезд № 6

Сколько раз входила и выходила Ольга Тимофеевна из этого подъезда, сколько раз возвращалась сюда в надежде, что всё будет по-другому, но, увы, эти надежды никогда не сбывались. Так и продолжалась жизнь...

Время шло, а она всё чаще и чаще чувствовала себя бездомницей, у которой забирают не только жилище, но и частичку души. Засиживалась допоздна на работе, бродила по улицам и оттягивала момент возвращения домой. Улица Сумская всегда была хорошо освещена, даже ночью на ней не было страшно. И Ольга Тимофеевна постоянно этим пользовалась.

Медленно вышагивала взад и вперёд, чтобы быстрее наступала ночь, и можно было незаметно прокрасться в дом, где не было покоя и тишины, где не было уюта и радости.

Она считала своим вторым домом библиотеку. В дневнике есть запись: «...И вся моя жизнь прошла здесь... каждый уголок знаком и дорог». Без библиотеки не мыслила своего существования. Ей казалось, что забери у неё это священное и такое родное место, всё сразу рухнет, жизнь прекратится. «Всякий раз, проходя коридорами библиотеки, вспоминаю давние времена. Здесь прошла не только молодость, а целая жизнь...».

Зал каталогов ХГНБ им. В. Г. Короленко.
Любимое окно О. Т. Бондаренко

Проза жизни давила на неё с угнетающим упорством. Однажды пожаловалась дневнику: «Я удираю в книги, удираю в стихи, а реальное существование властно лезет во все клеточки моего нутра. От него не спрячешься». Она говорила о себе, как о лошади, которая тащит перегруженную телегу и никогда не отдыхает. Всегда еле сводила концы с концами. Часто жила впроголодь. Когда безденежье придавливало совсем, она вязала береты на продажу, вязала без устали, но иногда жаловалась дневнику: «Устала до обморока. Не выдерживаю...». Аскетическое существование угнетало, но не пугало, потому что была закалена ещё в детстве. Мама Дора Марковна раздавала всё, что было в доме, так как считала, что её семья не вправе жить хорошо, если в мире столько голодающих и страждущих.

Это извращённое понимание своей миссии в жизни лишило не только её, но и дочь нормального существования. Даже закалённая трудностями и непрерывными лишениями Ольга знала, что жить только в своей скорлупе не получится. Оторваться от действительности было невозможно. В дневнике записала: «...Милые коммунальные квартиры! Единственное заветное желание – не иметь соседей! Не исполнится. УВЫ, НИКОГДА!».

И чуть позже ещё: «Совсем скисла: стихов не пишу уже целую неделю... Мотя занята вылизыванием углов и погоней за тараканами. Характер этой тётки буквально потрясает. Кроме чистоты её не трогает ничего».

И ещё много записей, посвящённых Моте: «Мотя – бедняга. Ничего светлого в жизни нет – утилитарное существование робота». «...Не женщина, а кремень. Никогда не согнётся.... Я очень привязана к ней, несмотря на её трудный характер». «Ко дню рождения Моти купила ей передник. Именно этот ей подойдёт. Ведь уборка – её хобби. А как приятно дарить! Были бы деньги – вот бы я развернулась!».

«Заболела Мотя, ... но даже в таком состоянии снова положила кучку мусора под мою дверь...». «У Моти сухой плеврит... стараюсь уделить ей больше внимания, и все обиды забыты: лежачего не бьют».

Ольга Тимофеевна часто в дневниках говорила о соседке, потому что это была её жизнь, и другой у неё не было.

Она считала, что Мотя – крест, который нужно нести, смирившись с этим, писала, что у Моти генеральная уборка в течение всей жизни, что это её единственное хобби. Как-то записала: «Недавно в переписке М. Цветаевой прочла такую фразу: «Я кастрюль совсем не вижу, или ненавижу...» Господи, я тоже. И только ради Мотиного спокойствия навожу на них блеск...». «В наших душах осело столько накипи, как в старом чайнике, никогда не чищенном, до которого не добрались Мотины руки».

Я помню, как Ольга Тимофеевна приходила на работу и говорила, что Мотя снова «...вышла на ринг, вступила в полосу боя». «А вредный характер? Его девать некуда. Терплю. Все мы терпим друг друга. Милое коммунальное жильё». Она сокрушалась, но даже о Моте не говорила плохих слов, пыталась её оправдать, сетуя на разность человеческих характеров.

* * *

Каждый видит по-своему
Этот мир без прикрас!
Мы по-разному скроены –
Кто на век, кто – на час.

А поэтому – стоит ли
Изменять нашу суть?
Мы по-разному скроены –
Остаётся – вздохнуть.

Верные друзья

Друзья у Ольги Тимофеевны были, были всегда, несмотря на её отшельничество. Их было немного, близких, искренне любивших и понимавших её, вообще единицы. Но она умела дорожить дружбой и ценила её как никто. Ольга Тимофеевна считала, что духовное родство – это особый вид дружбы. Оно окрыляет, вселяет надежду, вдохновение, дарит настоящую радость общения, понимания себя и других. Она полагала, что «всякую дружбу нужно питать. Она, как огонь, без пищи гаснет». Поэту важно знать, что он кому-то нужен, ценен. Что нужен не только профессионализм, не только мастерство, но нужна его душа, его чувства, его поиски и страдания, его горести и радости. Для Ольги Тимофеевны это было так важно, так необходимо, что без дружеского общения ей не всегда удавалось творить, созидать свои стихи. Она как инакомыслящая, инаковидящая всегда была в ряду отторгнутых, отвергнутых, хотя интереснее всего было то, что многие признавались ей в любви, дружеском расположении, говорили о её таланте, о невероятной работоспособности. Но, очевидно, эта самая невероятная работоспособность была одной из причин, почему её отторгали. Вроде и выпала Ольга Тимофеевна из естественной среды, но она всё же изо всех сил старалась противостоять депрессивному настроению.

Я остановилась перед дилеммой: имею ли я право так **глубоко** обнародовать её личную жизнь? Тем более, что это касается не только её, но и других людей? Ворошить прошлое в его истинном свете, читая дневники.... Ведь это настолько личное.... Я сейчас в таких сомнениях.... Хотя об одном её близком человеке, ставшем другом, советчиком, первым и самым важным критиком в её творчестве я, пожалуй, могу сказать и могу назвать имя. Это Ирина Васильевна Знаменская. Ольга Тимофеевна настолько дорожила этой дружбой, что об Ирочке (так она её всегда называла) в своих дневниках писала с особенной теплотой. Она даже прощала ей нелестные отзывы о том или ином стихотворении, какие-то претензии к творчеству.

Я пересматривала дневники Ольги Тимофеевны за разные годы и обратила внимание на то, что имя Ирочка присутствует в них наиболее часто. Ирочка сказала, Ирочке понравилось, Ирочка считает, Ирочка оценила, Ирочка отметила, Ирочка похвалила, Ирочка забракowała и т. п. Ирина Васильевна действительно была значимым человеком в её жизни, более того, была в какой-то мере стимулом в творчестве.

У каждого человека своя особая душа. Человеческая душа – это что-то непостижимое, неуловимое, что-то, что мерцает внутри нас удивительным светом, хрупкое и трепетное, что-то, что воспринимается на уровне благословенного чуда. Ольга Тимофеевна всегда тянулась к тем, кто хоть немного понимал её душу. Её стихи, обращённые к близкому человеку, часто превращались в разговор с родственной душой. Ирина Васильевна Знаменская и была такой родственной душой.

О других её друзьях, называя имена и фамилии, может, и не следует писать, пусть они останутся в дневниках, но вот о её друзьях среди животных – уж точно могу. В дневниках часто встречаются записи о любимых и верных друзьях – собаках. В парке, где Ольга Тимофеевна проводила большую часть своего свободного времени, она подружилась со многими собаками. Запись 1973 года: «Появилась знакомая собака Руда. Мы сразу узнали друг друга и провели вместе полдня.... Какие умные глаза у этой псины! Королевская собака!.. Я извела её своей нежностью...». Через день снова запись: «Опять появилась Руда, да ещё в сопровождении бездомного пса. Оказывается, это её верный поклонник. Собачья дружба! Я наблюдала, как он ловит у неё блох... каждый выражает свою преданность в меру сил». Две недели спустя: «Они так привыкли ко мне, что приходят на поляну, как к себе домой. Ложатся рядом, вроде охраны, кладут на меня лапы, и, очевидно, безоговорочно приняли в свою кампанию, посчитав бездомной». Через несколько лет: «Много раз приходит ко мне любимая собака Руда. Но как она изменилась: хвост вылез, шерсть повисла, задняя лапа перебита – прыгает на трёх. Бедняга! Ей уже 10 лет и красоту утратила. Это не мешает испытывать к ней прежнюю нежность. Сегодня сама нашла меня и долго лежала возле, что доставляло радость нам обоим».

Дневники в жизни Ольги Бондаренко

Всю свою многострадальную жизнь Ольга Тимофеевна вела дневник. Она записывала то, что ей хотелось отметить, привыкла по старинке излагать всё на бумаге. Личный дневник стал неотъемлемой частью жизни, ведь только в нём можно было изложить любые мысли, порой самые бредовые, которые были дороги и понятны только ей. Но дневники не были систематическими. Более того, бывали периоды в её жизни, когда она к ним не прикасалась. Некоторые периоды растягивались на недели и даже месяцы. Самый большой растянулся на полгода. Но, несмотря на такие пробелы, всё равно почти всю свою жизнь она фиксировала на бумаге.

Ольга Тимофеевна не могла объяснить, в какой именно момент она ощутила эту потребность – завести дневник. Скорее всего, у неё появилось желание выговориться. А получилось так, что выговориться некому. Оказалось, очень сложно держать всё в себе, ей просто было необходимо избавиться от накопившихся мыслей и эмоций. Тогда и не подозревала, что с первого дня ведения дневника, она приобрела хорошего и молчаливого «слушателя». Ни с кем и никогда она не была так честна и откровенна, как с личным дневником. Это был диалог с самой собой. Описывая свои переживания, она никогда не подбирала слова для изложения мыслей и чувств. Писала, как чувствовала, как слова ложились на бумагу. Излагая размышления письменно, и подробно их описывая, она как бы смотрела на происходящее со стороны. В её дневниках творческие искания, мысли и чувства в единении превращались в строчки.

Дневники вносят много нового в представления о личности Ольги Тимофеевны: о её характере, сложной жизненной ситуации, о богатстве нерастраченных чувств. Красной нитью через все записи проходит любовь. Об этом свидетельствует такая запись: «Любовь – величайшая радость из всех, отведенных на долю человека. Любовь – это просто чудо!». И ещё: «Люблю. Любима. Вот главное. Тысячу раз благодарю судьбу за её щедрость». У неё была личная философия любви. Она считала, что любить – это значит увидеть внутри любимого то, что не дано видеть ему самому.

Любовь и ненависть почти всегда рядом и зачастую присутствуют в биографии каждого человека, а у поэтов как творческих людей отражаются ещё и в стихах. У Ольги Тимофеевны не было ненависти, была только любовь. Точно так же, как не было и зависти, не было лицемерия, не было лжи. Ей, конечно, многое не нравилось: не любила, когда писала, а кто-то стоял над душой и смотрел, не любила затаканно-банальные вопросы «Как дела?», «Как жизнь?», «Как здоровье?». Не любила самодовольство, сытое равнодушие, пустую болтовню, сплетничество, неискренность в отношениях, умственное убожество, а ещё больше – умственную лень, ложь во всех её возможных проявлениях. Ей не угрожала измельчённость чувств, они всегда прорывались в прекрасных стихах, раскрывая и глубокую нежность, и любовь, и преданность, и восхищение. Это чувство – чувство любви – было для неё настолько чарующим, манящим и необыкновенным, что оно наполняло её удивительной силой, окрыляло и даже делало немножко сумасшедшей (в хорошем смысле слова), потому что порой заставляло совершать глупости.

Её мнение, что любовь дарит радость, тепло, свет, и что никто не в состоянии от этого отказаться, было непоколебимым. В любви утверждается всё человеческое – вот итог её размышлений.

В дневниках Ольги Тимофеевны я обнаружила много не только интересного, но и неожиданного для себя, да и, наверное, для всех. Можно ничего не знать о человеке, но стоит прочитать его дневники, и этого будет достаточно, чтобы почувствовать, чем он жил, чем дышал, что двигало им в постижении окружающего мира. Я обнаружила, что Ольга Тимофеевна любила классическую музыку, хотя при жизни мы с ней никогда об этом не говорили. Оказывается, она часами могла слушать хорошую музыку и чувствовать её. Она обращала внимание на популярные и не очень популярные песни известных эстрадных певцов и выражала своё отношение к ним. Некоторые песни Аллы Пугачёвой её потрясли глубиной чувств, и Ольга Тимофеевна не смогла остаться равнодушной. Она написала стихотворение, которое так и назвала: А. Пугачёвой, хотя обычно её стихи не имели названий. Только стихам-посвящениям она давала названия.

А. Пугачёвой

Блуждают зелёные пятна,
В лучах золотится копьё.
Мне исповедь ваша понятна,
Я знаю истоки её.

Я знаю, что вы откровенны,
Привыкшая к бурям потерь.
Но сердце под знаком измены
Таится, как загнанный зверь.

Из дневников, а позже от её дочери я узнала, что Ольга Тимофеевна любила ходить в летний театр парка имени Горького слушать симфонический оркестр. Часто она брала с собой маленькую Аню, которая, уютно устроившись у мамы на коленях или рядышком, вместе с мамой слушала красивую музыку.

Анна вспоминала, что иногда крепко засыпала и просыпалась от того, что вокруг было тихо и пусто, а она лежала возле мамы, укрыта маминым пальто.

У Ольги Тимофеевны было чувство внутреннего такта, но из-за своей непосредственности она иногда могла обидеть человека, даже не подозревая об этом. А потом, если узнавала, что произошло, переживала. И поскольку она была ещё и очень благодарным человеком, её всегда переполняло желание что-то сделать для того, кому она была хоть чем-то обязана. Часами могла общаться с дворничихой, уборщицей, разговаривать с ними, читать им свои стихи и спрашивать их мнение. Она ни на минуту не сомневалась, что эти люди её понимают. На самом деле, мало кто, живя длительное время в социуме, сросшись с ним и адаптируясь под его требования, может сохранить индивидуальность и неординарность. Ольге Тимофеевне это удалось. Ей казалось, что так задумано на небе, что главные события в жизни каждого должны оставаться в памяти. Без этого не было бы истории. Вот и дарила она своему дневнику все события, которые хотела сохранить.

Ольга Тимофеевна даже не подозревала, что, передавая свои чувства бумаге, она уравнивает свой характер, ведь только сейчас стали говорить о том, что сильные негативные эмоции уменьшаются во время письма, а сильные положительные эмоции наоборот растут.

Когда я прочитала в дневнике определение счастья, я была потрясена простотой такого определения: «У счастья нет слов». Вот оно! И больше ничего не требуется. Она считала, что истинный секрет счастья в нашем сердце. Познать себя и Бога человек может только через сердце, которое умеет любить, потому что всё проходит, но только не Бог и не Любовь. Даже, если кажется, что любовь в далёком прошлом, всё равно она навеивает столько мыслей, воспоминаний, переживаний у каждого человека. Как бы не изменялась жизнь, но любовь навсегда остаётся, пусть даже просто в воспоминаниях. Ольга Тимофеевна говорила, что человек, проживший жизнь и не познавший любви – несчастнейший из людей. В дневнике записала одно определение любви, которое дал Генрих Гейне: «Ангелы называют это небесной отрадой, черти – адским мучением, люди – любовью».

Мне хочется написать о том, что, сама, не ведая, Ольга Тимофеевна в дневниках не только раскрывала свой внутренний мир, не только предавалась размышлениям, но и фиксировала разные события из жизни библиотеки за 42 года, хотя и отмечала только то, что волновало её, не оставляло равнодушной. Проблемы, радости или беды коллег, памятные события, например, участие в восстановлении библиотеки в послевоенный период, – в строительстве нового книгохранилища и др. Даже простые будни отмечались в дневнике. К примеру: «Рубили и сбрасывали лёд, расчищали дорогу возле библиотеки. Поработала на славу как одержимая и с большим удовольствием. В отдел вернулась с чистой совестью. Не понимаю, почему окружающих удивляет моя одержимость. Любую работу желательно выполнять с полной отдачей или не выполнять совсем».

В дневниках упоминаются коллеги, даже те, кто относился к ней не очень доброжелательно, но я не обнаружила ничего плохого в их адрес. Наоборот, она всех пыталась как-то оправдать, ко всем всегда хотела быть снисходительной.

Сотрудники, с которыми Ольга Тимофеевна работала долгие годы, говорили, что нельзя быть такой безотказной, потому что этим пользуются и при случае стараются «спихнуть» работу именно ей. Кое-кто из-за этого относился к Ольге Тимофеевне пренебрежительно.

Она никогда не участвовала в конфликтах, спорах, выяснениях отношений. Старалась избегать подобного. Не любила фразу «в споре рождается истина», считала, что эту фразу следует применять только в научных дискуссиях. Во всех других спорах и ссорах рождаются, по её глубокому убеждению, только горечь, обида, неприязнь и много других негативных эмоций. А когда конфликт разгорается на работе, да ещё и в отделе, в котором трудишься, это может обернуться нервным срывом или даже потерей работы, свидетелем чему она не раз была сама. Больше всего Ольгу Тимофеевну поражало, что частой причиной конфликтов между коллегами были разные взгляды сотрудников на то, «как должно быть». Как нужно одеваться, какую обувь носить, куда нужно ходить, а куда не стоит, что можно, а что нельзя говорить и как вообще вести себя на работе. Все люди обладают неодинаковыми характерами и темпераментами, из-за чего в отделе появлялись разные группы, иногда большие, чаще маленькие, которые объединялись по общности взглядов или просто были направленные против кого-то. Она была так далека от этого, что многие коллеги научились держать дистанцию в отношениях с ней.

Ольга Тимофеевна записывала в дневниках сведения о каждом прожитом дне, о радостных и грустных событиях, что происходили в библиотеке, и которые чем-то затронули её душу. С энтузиазмом, как и все, ждала, когда же, наконец, закончится строительство огромного, нового, по её меркам, очень современного книгохранилища.

«...Решила пойти на стройку от нашего отдела добровольцем...на этот раз складывали кирпичи из огромной кучи в аккуратные ряды, ...и опять я работала с полной отдачей, ...потеряла счёт уложенным порциям кирпича».

Стройка нового книгохранилища (1970 годы)

«Работа на стройке. Физический труд чертовски полезен. Душа как будто промылась. Снова готова впитывать слёзы и смех...». Библиотеку Ольга Тимофеевна считала не просто вторым домом, а местом, где она была и счастлива, и несчастлива одновременно. Большую часть своей жизни она отдала ей. 10 мая 1972 года записала: «Без библиотеки не мыслю своего существования...». Любая запись в дневнике, какую ни возьми, значима. Дневники раскрывают богатство её тонкой и ранимой души, помогают понять её напряжённую и трудную жизнь, её поэтическое творчество. У неё столько дневников, что их трудно пересчитать. Кроме них, она вела тетради заметок о жизни и творчестве великих людей, заинтересовавших её писателей.

Ольга Тимофеевна искала родственные души и находила их у любимых поэтов, о которых тоже писала заметки. Она видела многое внутренним зрением, умела сопереживать и сострадать, и это так ясно видно, благодаря дневникам. Вот, казалось бы, обычная запись: «На вокзале увидела беднягу Валерика. Не очень давно он перенёс операцию по поводу язвы. На стройку ходит каждую неделю. Туфли рваные, курточка ветхая, а на лице раз и навсегда застыла улыбка, выражающая полную безропотность». Или «У нашего завхоза от опухоли мозга умирает жена. Он превратился в тень.... Сколько в мире страдания!». «У сотрудницы умерла дочь. Она болела все 19 лет своей недолгой жизни. Отмучилась.... Как будто невидимый жестокий дирижёр держит нашу судьбу в руках».

Переживала, что у некоторых коллег нет внутренней интеллигентности, а иногда напрочь отсутствует и внутренняя культура. Это её искренне огорчало. Ольга Тимофеевна не говорила о людях плохо, даже какие-то негативные моменты в окружающих людях пыталась оправдать. Всё фиксировалось в дневниках, для всего и для всех находились утешительные слова. Она жалела тех, кто тратил драгоценные минуты быстротечной жизни на конфликты, выяснения отношений, оскорбления. Сокрушалась по этому поводу так же, как сокрушалась по поводу затянувшихся собраний, совещаний, считая, что так уходит и теряется время, которое можно применить на что-то более важное и направить в нужное русло. Очень радовалась, если на работе создавалось что-нибудь новое, особенно, если это новое поручалось ей.

27 марта 1984 года записала в дневник: «Сегодня дала на редакцию Жанне совсем новый раздел каталога, который мы создаём впервые: Ш 6 Художественная литература. Здесь будут собраны произведения, опубликованные в периодической печати. Пока подготовила полтора ящика. Жанна не сделала ни одного замечания: «Всё абсолютно правильно и очень хорошо. Давайте на оформление». Моя радость не имела границ».

Но больше всего её волновали мысли о поисках истины, Бога (она всегда писала это слово с большой буквы), о бренности земного существования. Ольга Тимофеевна обращается к Богу не только в тяжёлые минуты, но и в ежедневные обыденные дни.

7 апреля 1966 года появилась запись в дневнике: «Сегодня прочитала интересную мысль Паскаля: Человек, которому не удаётся подняться над самим собой, вынужден погрузиться в самого себя!

Ох, эти гении... специально для меня... не стоит огорчаться: есть категория, ещё более печальная, чем я, – люди, которые не могут ни подняться над собой, ни погрузиться в себя...».

Ольга Бондаренко (1960 годы)

«...Закончила читать Лейбница. Трудно. Много неясного, но вывод сделала: несмотря на многие ошибки и заблуждения, это был самостоятельный ум. Гораздо ценнее, чем просто повторять заученные истины.

Основное: Бог и все абстрактные категории. То, что так часто мучит и меня, но на что силёнок не хватает. Поняла одно: Поиски Бога бесконечны!

Никто из людей, которые вокруг живут и существуют, не проявляют ни малейшего интереса к этим истинам. Как я опоздала родиться! Чучело я... даже стыдно признаться кому-нибудь, **что** меня мучит. У всех это вызовет недоумение.... мне нужна вера в абсолютном философском смысле. Где же её найти? Универсальный пессимизм. Точка зрения Пруста. С ней нужно родиться, и я родилась...Я загнанная лошадь, на которую навьючили столько тяжести, что она через каждые 10 шагов спотыкается и падает. Грустно быть загнанной лошадью».

«Завидую людям, подобным Моте. Вот существо, которое всегда знает, чего хочет и чётко выполняет свои задания и не забивает себе голову никакими абстракциями...».

Дневники помогали Ольге Тимофеевне жить, компенсировали ей дефицит общения с творческими людьми, такими же, как она. Они поддерживали её, давали силу, укрепляли дух. Только им она могла открыться, только в них могла называть себя нелепой, неприкаянной «с оголённой душой и без всяких норм и устоев... жалкой щепкой в бурном потоке человеческих чувств». Она считала, что фантажёрам вроде неё всякое прикосновение к реальной жизни причиняет боль. Но реальная жизнь была рядом и об этом свидетельствует запись в дневнике: «Стирала, гладила, мыла полы, панели, двери, унитаз, ванну, печку, рукомойник. Всё начистила до блеска – Мотина школа... полный провал в пустоту... я живу, как мертвец, а мёртвые не плачут и не смеются: они безмолвствуют...». И всё же следующая запись: «Весь день провела в парке.... Лежала под своей берёзой и вязала... Судьба, нанося жестокие удары, оставляет и просветы...».

Но особенно меня впечатлили строки: «Снилось море, которого никогда не видела, и ночное небо с огромной луной. Впервые в жизни запомнила стихи, сложенные во сне:

* * *

Небо, небо – ширь земная
Под луной.
Всё разрушил и не знает,
Что со мной.

Существует в этой лунной
Полосе,
Оборвал живые струны,
Да не все...

Кажется, неплохо... подумала...». Ольга Тимофеевна однажды обозначила для себя истину, которую тут же записала в дневник:

«Одно из необходимых условий для существования — умение приспособиться к внешним обстоятельствам, не в худшем, а в лучшем смысле слова. Этим меня Бог не обидел...».

«Люблю перечитывать дневники свои — ведь это куски нашей жизни...».

Прочитав эти строки, я вспомнила, что многие бестселлеры были написаны на основе личных дневников. Люди просто не знают об этом. Незадолго до того, как попала в больницу, Ольга Тимофеевна перечитала свои дневники от корки до корки как книгу, длинную и нескончаемую.

Она верила, что когда перед ней расстелется дорога в вечность, дорога, по которой она пойдёт к Богу, то в конце той дороги она обязательно встретится с любимыми поэтами, с теми, кто ушёл до неё. Об этом она писала в дневниках. Когда умерла Анна Ахматова, Ольгу Тимофеевну мучили приступы горечи этой утраты, душили слёзы сострадания и жалости. Она в дневниках отмечала, что первыми уходят лучшие. А ещё очень сильно мучилась терзаниями, когда люди, которых она знала, вдруг заболевали неизлечимыми болезнями и умирали. Такие смерти повергали её в шок. Кроме того, её угнетало, что наша жизнь во многом подчинена обстоятельствам, когда чужая воля доминирует над твоими возможностями, а то и вовсе подчиняет тебе твоё «я». С этим она сталкивалась не один раз, о чём свидетельствуют дневники. Как о человеке дела говорят громче всяких слов, так и дневники говорят больше, чем мы написали.

Ольга Тимофеевна считала, что человек движется по жизни, совершая ошибки и не понимая, что он их совершает. Такое понимание приходит на закате жизни, и, угасая, она поняла, что в сознании осталось слишком много печали и разочарований. Осознавая близкий конец, Ольга Тимофеевна вспоминала всю свою жизнь, но, несмотря на печальную её сторону, ни о чём не жалела. В её размышлениях о жизни, где она пишет, что жизнь длинная или короткая, яркая или серая, радостная или грустная, сладкая или горькая, красной нитью проходит мысль, что у каждого она одна. Ещё никто не прожил жизнь дважды.

В дневниках встречаются записи о снах. Она часто просыпалась ночью и удивлялась своим ощущениям.

Бывали сны, которые она не смотрела, а слушала. И истолкованию это не подлежало.

Однажды (я уже была знакома с Ольгой Тимофеевной и тесно общалась с ней), она рассказала, что к ней приходили из радиокомитета и попросили стихи для передачи, посвящённой 100-летию Ахматовой. Она приготовила подборку, но особо не надеялась на то, что стихи прозвучат. И вдруг, по её словам, случилось чудо: стихи прозвучали по радио. Их читали артисты, и это было для неё неопишмым блаженством. В библиотеке тоже все радовались и поздравляли Ольгу Тимофеевну. Она считала, что ради таких минут и стоит жить. Долго ходила с ощущением праздника. Для неё это был подарок судьбы.

Ещё одной радостью в какой-то из дней она поделилась со мной. Рассказала об искусствоведе, предложившем ей некоторые стихи передать композиторам для того, чтобы они использовали их в создании песен. Она поведала несколько историй, связанных с созданием песен на её стихи. Мне невероятно жаль, что тогда я даже не поинтересовалась, какие же именно стихи стали песнями. Помнится, что среди них были романсы. Но сама Ольга Тимофеевна, рассказывая случай с читателем – молодым студентом, которому понравилась её поэзия, назвала три стихотворения, положенные на музыку. Сделал их песнями не композитор, а простой студент. Вот они: «Пронеси меня мимо, трамвай переполненный», «Ничто не рушилось...», «Отзвенели звонки телефонные». Оказалось, что в студенческой среде они стали очень популярными и исполнялись под гитару. Ольге Тимофеевне нравились песни под гитару. Она могла слушать их часами. В дневнике есть запись о том, как одна из сотрудниц Инна Степановна Великоцкая принесла в отдел записи песен Высоцкого. Песни поразили настолько, что она была под впечатлением несколько дней. Обратила внимание на то, что во вторичности его никто не сможет обвинить, потому что у него «всё идёт из самых глубин».

Изучив дневники, я открыла так много нового об Ольге Тимофеевне... Я и до этого знала, что она **очень** начитанный, очень образованный, умнейший человек, но из дневников я узнала гораздо больше об отношении к чтению и о самом чтении. Она читала невероятно много, несмотря на то, что это было избирательное чтение.

Особенно мне интересно было изучать записи, где Ольга Тимофеевна писала о книгах с философским смыслом.

«Всё утро читала «Философские тетради» ... Какое счастье прикоснуться к гениям...». «Довольно легко одолела главки, посвящённые Сократу, Платону, Аристотелю». «Лекции Дицгена... очень примитивно... ни блеска, ни яркости, но ведь он самоучка. Надо простить...».

«Пушкин, Баратынский, Анненский, Цветаева, Пастернак... сотый раз перечитала Бодлера, Рембо, Верлена... наслаждение не имело границ».

«Прочла выдержки из Евангелия в изложении Льва Толстого... отдельные мысли в нём прекрасны...».

«Всё время читаю стихи Ахматовой и нахожу в них горькое утешение...».

«Прочла два маленьких рассказа Вл. Лидина «Полёт шмеля» и «Песня жаворонка». Это прелесть! Уловлено что-то в человеческом сердце, что не всегда удаётся передать».

«Вчера закончила Пруста ..., пожалуй, по силе, по созвучности восприятия не помню другого подобного писателя для себя.... И дело здесь не в степени таланта... корни глубже: восприятие мира, склад натуры, внутреннее родство – скорее всего, именно это. Отклик абсолютный, созвучие полное».

«Понимаю, почему так сильно тронула книга Пруста. В ней очень чётко проведена мысль об иллюзорности человеческого существования. Вся наша жизнь, в сущности, «погоня за утраченным временем». Ничего нельзя остановить, удержать, присвоить...».

«Прочла статью Божовича «Куда ведёт дорога?». Наконец-то нашёлся человек, который написал о Феллини так, как он заслуживает!».

«Пруст, Кафка – мои писатели. Феллини – мой режиссёр».

«Цветаева умница! В ней постоянно найдёшь отклик на любое настроение. А выдержать существование на земле она всё-таки не смогла, даже она. И талант не выручил, ничто не спасло...».

«Из любопытства взяла прочитать книгу известного учёного А. Васильева «Таинственные явления человеческой психики» и, конечно, обнаружила там много интересного».

«Прочитала Ю. Нагибина «Лето моего детства».

Уже давно я не получала ни от одной книги такого большого удовольствия. В ней есть всё: грустный лирический тон раздумья, вера в светлое начало, юмор и снисходительность – всё, что я так люблю, но главное – айсберг, который неизменно живёт в любом подлинном произведении искусства».

«Вчера весь день просматривала стихи Тушновой. Она умерла в 1965 году, совсем недавно и молодой, в 50 лет.... Это была истинная женщина, но, увы, не истинная поэтесса. Любила кого-то со страшной силой, была им одержима, как и я..., а в стихах это чувство явно измельчила».

«...Перечитала стихи Тихонова – «Мы разучились нищим подавать», «Баллада о гвоздях» ... Вот это искусство! Дух захватывает! И всё в меру!».

«Переписала несколько стихотворений А. Вознесенского... Его стихи лишены примитивной сюжетности, передают внутренние состояния, глубину и подтекст. Именно здесь таится тайна искусства».

«Всё утро вспоминаю стихи Пастернака. ... Каждый раз они по-новому изумляют.... Лишь истинный талант способен подняться до таких вершин».

«Удалось просмотреть повесть английского писателя Генри Джеймса «Письма Асперна». После дневника Ренара ни одна книга не доставила такого наслаждения...».

«Рассказ Ю. Нагибина «Где-то возле консерватории» прочла одним махом...».

«От стихов Брюсова веет холодом...».

«Жалобная книга природы» Б. Дижур...столько любви к этому живому миру и такая мольба о милосердии! Очень человечная книга».

«По-настоящему понравились новые стихи Евтушенко...».

«С интересом прочла книжонку «Поэзия и наука». От корки до корки».

«...Обратила внимание на интересную книгу «Музей Гёте в Веймаре».

«Читала отличную книгу Ф. Саган «Здравствуй, грусть!». Женскую душу она знает в совершенстве. Спасибо за дар!».

«...Начала читать роман Айрис Мердок «Чёрный принц» ...много верных мыслей «не одобрять вещи – куда ни шло, гораздо хуже – не одобрять людей. Можешь оказаться в изоляции». Или: «Зыбкое сочувствие ко всем исключает действительное понимание кого бы то ни было...». Абсолютно согласна. Между прочим, Мердок около 20 лет преподавала философию. И это, конечно, внесло определённый отпечаток, что мне особенно по душе. В конце концов, все настоящие книги – колоссальное эмоциональное раздумье...».

«Прочла интересный сборник английских писателей «Моя артистическая карьера». Отдельные рассказы очень хороши. Отвлеклась от грустных мыслей...».

«С удовольствием прочла «Маленького оборвыша». Книга детства. До чего хороша!».

«С упоением прочла превосходную книгу дочери Л. Андреева. Высший класс!».

«С интересом прочла книгу Л. Рубинштейна «На рассвете и на закате». Очень неплохо. Без претензий, без гонора, без фальши...».

«С наслаждением начала читать «Письма Т. Манна» ...ринулась на книги, как голодающий на кусок хлеба. У Манна много интересных мыслей».

«Прочла интересный рассказ Ю. Нагибина «Сирень», о первой любви С. Рахманинова. Очень грустно».

«Закончила отличную книгу «Записки у изголовья». Написана почти 10 веков назад женщиной под именем Сей-Сенагон Прочла с интересом и благодарностью. Нас разделяет 10 веков!».

«Прочла интересную книгу Л. Пастернака «Записи разных лет» ... Как это мне близко».

«Начала читать Уоррена «Приди в зелёный дом». Какая грустная книга!».

«Рассказ, тронувший душу, «Запах вербены» Фолкнера. Высшая мера искусства. Ни одного праздного слова. Пожалуй, впервые Фолкнер не казался трудным».

«С интересом прочитала «Избранные стихи» Вознесенского. Подборка разных лет...».

«Прочла интересную статью Ерофеева о творчестве русского философа Л. Шестова.

Его называли двойником Кьеркегора. Трагизм индивидуального человеческого существования А Шестова жаль, как всякого индивидуалиста, который запутался».

«...Отличная книга Н. Степанова о творчестве Хлебникова. Я упиваюсь. Магия слов...Его стихи не поддаются анализу... Бормотание, полусон, полунамёк. Но какая сила в этом таится!.. Вывод после чтения Хлебникова: поэт – барометр эпохи. Но как трудно быть поэтом!»

«С интересом прочла Зощенко «Повесть о разуме». Вот тебе и весёлый человек, если судить по основному жанру! А через что прошёл? Сколько страхов убил?..».

«Читала книгу Марджери Ролингс «Сверстники» ... Ни слова лжи Прочла повесть М. Цветаевой «Повесть о Сонечке». Удивительные фрагменты.... Обе незаурядны, самобытны и по-своему хороши...».

«Большая радость – томик стихов Рильке. Много выписала».

«Интересный сборник «Встреча с прошлым». Прежде всего, обратила внимание на снимок Цветаевой с сыном 1933 года в Париже. Какая измученная!..».

«Внимательно прочтала книгу В. Орлова «Перепутья». Узнала много неизвестных ранее фактов».

«В повести Гранина «Обратный билет» нашла собственный вывод: только дети, рождённые в любви, улучшают человечество...».

«Прочла превосходную пьесу Т. Уильямса «Орфей спускается в ад». Сколько верных наблюдений! Сколько блеска! И вот один из выводов, который кажется безоговорочным: «Все мы приговорены к пожизненному одиночному заключению в собственной шкуре...».

«Просматриваю роман Метьюрина «Мельмот Скиталец». Не могу оторваться.... Книга ошеломляет...».

«С интересом прочла книгу Т. Сильман «Заметки о лирике». Много верных мыслей.... Именно из мгновения рождается лирика. В этом я убедилась на собственной шкуре...».

«...Книга С. Цвейга «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского». Какое наслаждение она доставила!».

«Любопытная книга, посвящённая Солженицыну.... Есть над чем задуматься.... Личность этого человека испугала меня».

«Открыла для себя писателя Германа Гессе. Получила радость от талантливой книги...».

«Прочла интересную книгу о Канте. От безусловных ответов Кант уклонился. Ещё бы! Ни на собственном, ни на чужом опыте мы не можем убедиться в существовании Бога».

«Новый сборник А. Вознесенского «Соблазн». Правда, многие стихи мне уже были знакомы, но многие явились открытием. Я буквально глотала их, боясь отвлечься, даже на секунду. Вот поэт!».

«Читала «Тёмные аллеи» Бунина. Душа расцвела!».

Ольга Бондаренко (1970 годы)

Много горьких вопросов задавала Ольга Тимофеевна себе и далеко не всегда находила на них ответы. Она считала, что наши чувства атакуются разными информационными средствами – радио, телевидением – и, судя по её заметкам, люди привыкают жить во лжи и не обращают на неё никакого внимания. Она полагала, что, если бы люди чаще общались с природой, небом, литературой и искусством, они бы не теряли чувство истины и были бы намного счастливее и добрее.

Она ощущала хрупкость мира и необходимость это понимать, чтобы стремиться к его сохранению.

Язык поэзии и музыки, по мнению Ольги Тимофеевны, неподвластен границам, политическим натискам, потому что это – язык любви, природы и, самое главное, – творчества. И всем этим она делилась с единственными и постоянными спутниками жизни – дневниками. Её дневники были настоящими чуткими и сопереживающими друзьями, такими, которые безропотно «выслушивали» и принимали всё, о чём она хотела им поведать. Боль, страх, радость, грусть – всё ложилось на бумагу, и, если не в самих словах, то между строк читались чувства, связанные с ними. Наверное, так получалось потому, что Ольга Тимофеевна все события описывала объективно, прямолинейно. По-другому не умела. Кроме того, если мысль посещала её, а записана не была, то потом она забывалась и исчезала. Сколько раз Ольга Тимофеевна убеждалась в этом! В момент озарения казалось, что появившиеся мысли никогда не забудутся, но проходило всего несколько дней, и их как не бывало.

Дневники Ольги Тимофеевны – это уже само по себе отдельное произведение, совершенно самостоятельная автобиографическая история жизни с широким и независимым статусом действий, с неизбежными мытарствами и радостями от собственных достижений.

Даже непритязательный и бесхитростный человек, свыкшийся со своими несчастьями, трудностями, через какое-то время может потерять свою толерантность, может перестать понимать и жалеть других, более несчастных. Ольга Тимофеевна признавалась дневнику, что ей хочется понять и простить всех на свете, хочется и несчастным и неприкаянным подарить нотку оптимизма, желание радоваться жизни.

* * *

День куда-то внезапно исчез,
Отошли и дела, и печали.
Загляните в колодец чудес
И найдёте там то, что искали.

Загляните в его глубину:
Каждый будет там видеть иное.
Ну, а если сама загляну –
Все печали пройдут стороною.

Единение с природой

Природу Ольга Тимофеевна любила до самозабвения, до неистовства, или, как она сама когда-то обозначила: «до умопомрачения». Это было естественное состояние человека, в котором сочетались сильные эмоции и трепетные переживания.

* * *

Я прикоснусь к траве —
И в этом исцеленье.
Прошью, как по канве,
Своё стихотворенье.

А птицы голоса,
Врываясь отовсюду.
Я счастлива сто раз —
Была, и есть, и буду.

У неё любовь к природе — это глубокое стихийное чувство, поглощающее всю душу, какая-то роковая страсть, которая давала ей высочайшее упоение. И везде главенствовало напряжённое влечение к гармонии в природе. Она чувствовала душу природы родного города и трепетно, нежно, душевно передавала это в стихах. Любила утреннее небо, восходящее солнце, когда весь мир просыпается и смеётся, радуясь жизни. Любила слушать дождь, тихую музыку и интересных людей, любила смотреть на звёзды в вечернем небе, сидеть на любимых полянах и размышлять о быстротечности земного существования. Она любила слова, которые всегда смаковала: *любовь, утро, рассвет, солнце, звёзды, весенний, любить*. Вот такая у неё была философия и такое же виденье всего, что окружало. Её поляны — это красота, уют, блаженство, восторг и любовь, не знающая границ. Её деревья — это жизнь, которая торжествует, это настроение, граничащее одновременно с чем-то неуловимым в желании радости или печали.

В своих дневниках Ольга Тимофеевна говорит обо всём, что трогало её тонкую душу.

«Парк утонул в листьях. И моя поляна преобразилась, стала беззащитной и совсем другой...». «...Забрела в самый конец парка. Попала в сказку, иначе этого не назовёшь. Природа не умирает, а медленно замирает, чтобы снова вернуться к цветению с первым теплом. Особенно поразил контраст чёрных веток и пламенных листьев. Не могла оторвать глаз. Приковалась...». Ольге Тимофеевне нравились картины армянского художника Акопяна. Она обратила внимание на то, что он с удивительным мастерством рисовал «каждую веточку, каждый изгиб! Ярких красок нет, только блеклые... но как здорово!».

«...Весь день провела на рябиновой поляне. Если бы я умела рисовать, то непременно оставила бы на память в своей тетради этот райский уголок... какая красота!».

К деревьям у неё была особенная нежность, она разговаривала с ними, забывая, что деревья не люди, считала их живыми существами, ныряла в самые глубины их величия и красоты.

* * *

Не надо меня утешать,
Мои дорогие деревья!
Пусть светлой печали печать
Ложится на наше кочевье.

Пусть ветки обнимут меня,
Как будто любимые руки.
И в светлом кружении дня
Спасут от нахлынувшей муки.

«...Природа наполняет радостью и грустью. Хочется жалеть каждую веточку, каждый листок. Деревья кажутся живыми существами. Никогда не смогу насытиться этой благодатью... наблюдала заход солнца. Ну и красота! Огненный шар медленно спускался всё ниже. И хотя смотреть было больно, оторваться не могла...». «...Обошлось без дождя. Рябиновая поляна, дубовая роща, липовая аллея. День, полный блаженства...

«Абрикосовая поляна – это рай!».

«...Ходила на любимые поляны: абрикосовую, рябиновую, берёзовую. Красота беспредельная!.. Ранний холод и сильные ветры... все тропинки завалены листьями. Идёшь словно по ковру...».

Ольга Тимофеевна очень любила солнце. Солнечные дни наполняли её необъяснимой силой, появлялось огромное желание творить. Ей казалось, что в такие дни можно горы свернуть. Обожала солнце ещё и потому, что в лучах его растворялись не только предметы, но и невзгоды. Довольно часто в дневниках встречаются короткие записи: «...наслаждалась солнцем...».

«Солнце сияет, не верится, что конец ноября. Любовалась красками неба. Сколько тонов! Сколько гармонии! Розовый, фиолетовый, серый, бирюзовый! А через мгновение – новое сочетание с нежным переливом – как будто во всё вмешалась тонкая рука художника. Но разве Природа не есть великий художник?».

«Солнце, ходила среди сосен. Писала стихи. Зима торжествует.... Какая благодать! Зимой сосны особенно прекрасны».

«Ринулась в парк за солнышком...».

«...Я люблю свою землю по-своему
И об этом кричать не могу...».

«Неожиданно хлынуло солнце. Снег прекратился. Мороз упал».

«После долгого перерыва ходила в парк. Вечер был ясный и лунный. Сосны стояли неподвижно. К одной из них я прислонилась, долго наблюдая тёмную синеву неба. Как прекрасен мир! И как ничтожны наши огорченья!».

«Слепящее солнце! Прекрасная зима. Да разве от такой красоты захочешь уходить? То-то...».

«Почти пять часов бродила в соснах. В зимние дни парк особенно прекрасен».

«Слепящее солнце. О, как хорошо!».

«...Думала о великой гармонии в природе».

«...Появилось солнце! Ликую!.. Наслаждалась ясным небом. Как хорошо! Поляна – рай...».

«Сегодня на поляне видела зайца – посидел несколько минут и побежал своим путём. Вот какой у нас парк! Даже зайцы водятся, а белки – на каждом шагу...».

«Вчера был отличный вечер – ясный, тихий и холодный. Золотая листва покрыла все тропинки парка, деревья замерли. Наслаждаясь красотой природы, долго бродила в состоянии полного счастья».

* * *

Ольга Тимофеевна считала, что вся природа принадлежит ей, что для неё наряжается мир в разные времена года, она впитывала эту красоту и жила ею. Дыхание солнца, деревьев, кустарников, говор лесов – всё служило выражением её трепетно-романтического понимания природы. Иногда она обращается к разным явлениям её, душевно разговаривает то с деревом, то с травой, то со звёздами или с небом.

* * *

Здравствуй, белый мир метели!
Всё летит и вкривь, и вкось.
И зима смятенно стелет
Буйный снег своих волос.

Никакого дела нет ей
До блаженного тепла.
Разлетелась вместе с ветром
И сожгла себя дотла.

Любование природой у Ольги Тимофеевны перемежалось с постоянным восхищением. Для неё природа всегда ассоциируется с теми светлыми или горькими переживаниями, которые вытекают из тяжёлых противоречий её личной жизни. Мне почему-то хочется назвать её связь с природой романтико-религиозно-философской. Её стихи о природе невероятно красивы: образы, зарисовки, ход мыслей. Каждое стихотворение Ольги Тимофеевны – это не только образная констатация красоты окружающего мира, которая находится в постоянном изменении, которая живёт и дышит.

Нет, это чувственный всплеск восторженной души поэта и стремление сохранить сиюминутную неповторимость, донести её через мир своего слова жаждущим душам.

* * *

Весенних дней чиста прохлада,
И голос ветра слышен всем,
Когда в углах ночного сада
Он главы вьёт своих поэм.

А где слова? И в чём их сила?
И в чём их слабость, наконец?
Что столько дальних породнила
И заблудившихся сердец.

Летом, в окружении цветущей природы, на своих любимых полянах, она могла часами сидеть, вязать, забывая обо всём на свете, и наслаждаться одиночеством. И она всегда была большой патриоткой, очень любила родную землю, свой город, свою страну. Это слышится в её стихах.

* * *

Я никогда не променяю
Своих полянок и берёз
На пустоту чужого края,
Где даже свет иной у звёзд.

И пусть порой бывает горько
В своей родимой стороне,
Но путь мой здесь лежит – и только.
Иной земли не надо мне.

Связь с Харьковом, в котором прожила всю свою сознательную жизнь, была необычайно прочной, даже несмотря на то, что Ольга Тимофеевна была далека от восторженного описания родного города, хотя и любила его всем сердцем.

Она любила старые дома, старые улицы. Её притягивали к себе старые места. Они казались особенно красивыми и заманчивыми.

И всё же она редко описывала достопримечательности города. Только к парку и деревьям она была привязана настолько, что не уставала описывать их красоту.

Глубокие, проникновенные раздумья о любви, о природе, о жизни рождались именно там – в любимом парке, где её сердце осталось навсегда.

С рождением каждого поэта рождается надежда природы. Вот звучит голос Ольги Тимофеевны – тихий и нежный, проникновенный и страстный, лучистый и трепетный – голос, который в своей чудесной поэзии воспеваает красоту природы и любви, делится философскими размышлениями, и хочется наслаждаться им до бесконечности.

Ольга Бондаренко на поляне (Парк имени Горького)

* * *

Не знаю я заморских стран,
Столиц, кочевий.
Зато мне тихий остров дан
Среди деревьев.

Их листья тонки, как струна,
Там звуки бродят.
И беспризорная луна
Приют находит.

* * *

Летом всё намного проще —
Для всего хватает мест.
Вот — берёзовая роща,
Словно ярмарка невест.

А ещё правей немного
Липы выстроились в ряд.
Здесь лежит моя дорога,
Здесь встречаю свой закат.

* * *

Поляна круглая такая,
Как будто новый шар земной!
И облаков далёких стая
Плывёт над ней и надо мной.

И мы вдвоём поочередно
Глядим в живую синеву.
Хоть небо воспевать не модно —
Я без него не проживу.

Поэзия и личность

Ольга Тимофеевна отдала библиотеке сорок лет своей жизни. Умная, талантливая, глубокая личность. Легенда, сотканная из трагической истории жизни. Подобный сплав жизни и творчества встречается очень редко. Сколько озарений приходило к ней на тысячах страниц! В ней чувствовалась интеллектуальная творческая сила, которая гипнотизировала окружающих. Недостатки, ей присущие, были необходимым дополнением её достоинств. Мне всегда казалось, что самое интересное в поэзии – личность поэта, и, если она оригинальна, ей можно простить тысячи ошибок и промахов. Стихи Ольги Тимофеевны, даже самые незначительные, свидетельствуют о её личности – сложной, своеобразной и мученической. Они, пожалуй, не оставляют равнодушными никого, даже тех, кому не нравилась её поэзия. Её стихи, может, и нельзя назвать высоким мастерством, но то, что они будут прочитаны, услышаны и осмыслены, а многими, я надеюсь, и прочувствованы – это уж точно. Её поэзия волнует и трогает наиболее потаённые уголки души, потому что она пишет о том, что пережила сама, что чувствовала сердцем. Потому-то она никого не может оставить равнодушным, ведь каждый находит в ней что-то своё, близкое, то, что обычному человеку трудно выразить словами. Все, кто прикасаются к её стихам, окунаются в написанное, потому что там могут быть их переживания, мысли, мечты, порой какие-то терзания, вылитые на белые листы страниц тёмными точками букв, которые превращаются в прекрасные слова, фразы, строчки и, наконец, – в стихи.

Если бы Ольга Тимофеевна жила в XIX веке, то и тогда её стихи были бы насущными, поскольку образы родной природы – солнца, звёзд, неба, категории любви, восхищения всегда понятны, всегда уместны. Она часто использует слова и выражения, которые были актуальны в прошлые века, а сейчас они звучат не просто экстраординарно, но и таинственно, непривычно и порой даже странно. У неё есть стихи на любой вкус: о любви, о человеческом существовании и его смысле, о неповторимой красоте природы и о других, не менее ценных категориях.

С годами, особенно после пятидесяти, она смотрела на мир несколько иначе. Общение со словом становилось для неё и болезненнее и слаще, чем в юности, чем в молодые годы. Всё чаще стали появляться стихи-намёки, стихи-прикосновения, стихи-обращения. Но общение со словом по-прежнему окрыляло, помогало снять с души будничную накипь. Ольга Тимофеевна оставалась верной себе до конца дней и самой себе не изменяла, может, поэтому её стихи можно читать, как поэзию, и слушать, как музыку. Она была счастлива тем, что в стихах собирала и отдавала энергию мира. У каждого свои эмоции и ассоциации, поэтому и воспринимаются её стихи по-разному, но хочется ещё раз подчеркнуть, что равнодушными они не оставляют никого. И это, действительно, так. За ними скрывается история постоянного творчества, умение ценить прекрасное, желание быть навсегда пленённой природой. Её стихи передают атмосферу воздушной среды и энергетического состояния тех мест, где она любила бывать. Они удивительно живы, музыкальны и полны звуков природы – в них порывы ветра, крики птиц, шорох травы и шелест листьев... Они пульсируют, дышат.

Что бы Ольга Тимофеевна ни писала – это всегда событие, пропущенное через сердце, через эмоции и чувства. Её поэзия – это желание заглянуть далеко за горизонт, увидеть, услышать и почувствовать неуловимые нотки, потерянные в тишине. Творческий всплеск жизни поэтической души в вечном круговороте движения природы – так можно охарактеризовать поэзию Ольги Тимофеевны. В её поэзии проявился синтез творчества: утончённость души, музыкальность поэтического таланта, стремление к прекрасному. Для меня она была и будет женщиной-загадкой, которую невозможно разгадать.

Скудные подробности её биографии только способствуют этому. Она делилась со мной многим, но я только сейчас понимаю, почему она это делала. Недовольство однообразием своей жизни разбивалось о саму жизнь. Инстинкт творчества, приглушённый жизненными обстоятельствами, разрастался у Ольги Тимофеевны всё сильнее и сильнее, преследуя её с неотступным упорством. Я всегда удивлялась тому, что эту женщину действительно совершенно не тревожило, что о ней думают. Условности не имели над ней никакой власти.

Сейчас я стараюсь припомнить какие-нибудь особенности нашего с ней общения, но всё было так давно, ... воспоминания утратили свой облик и даже мне самой кажутся расплывчатыми и выцветшими, как обои. Как я корю себя за то, что не написала об этом удивительном человеке раньше, когда всё было свежо и значительно.

Мы стареем и умираем, а поэзия остаётся вечной и неисчерпаемой так же, как и любовь. Интимная лирика Ольги Тимофеевны отражает её внутреннюю жизнь – чувства, эмоции, мечты, но, прежде всего, – это широкий диапазон душевных переживаний. Никто и никогда не заменит неповторимую глубину душевных чувств и не откроет её тайну, утерянную вместе с душой. И если Ольга Тимофеевна всю свою жизнь считала, что духовные ценности нельзя измерять едой или вещами, то такой она была и в своих стихах. Нашим душам нужны любовь, доброта, милосердие, т. е. то, что делает человека лучше и возвышает над мизерным и обыденным до небес – вот её истинная философия поэзии.

История многих непризнанных поэтов говорит о том, что поэт-загадка получает паспорт на бессмертие. Ольга Тимофеевна жила в неизвестности. Почему-то у неё не было никаких шансов пробить себе дорогу в поэзии. Я часто задумывалась над этим и, наконец, поняла одну непростую истину: удовлетворение поэт ищет, прежде всего, в самой работе, то есть в самом процессе, в самом творчестве, даже более того, в освобождении от груза своих мыслей, оставаясь равнодушным к неприятию. В её дневнике я прочитала интересную запись: «Вся моя жизнь, в сущности – непрерывное ожидание. У меня есть действительно хорошие стихи. Они, как общечеловеческая мораль Фейербаха: «скроены для всех времён и народов, а поэтому неприменимы нигде». Это так печально.... Почти каждый день она показывала мне новые стихи, её трудолюбие заставляло изумляться, иногда в них она что-то зачёркивала, иногда они ложились на бумагу ровно и аккуратно, но такое бывало редко, чаще – какие-то кривовато неровные строчки, с пометками и зачёркиваниями. Некоторые я помню наизусть, они засели во мне как-то сразу. Вот, например, эти:

* * *

Да, сказки тем и хороши,
Что всё кончается прекрасно!
Любые помыслы души,
Любая тайна не напрасна.

Царевич сбросит шкуру льва,
Из тыквы вырастет карета,
И все волшебные слова
Приходят сами в мир поэта.

Она вынашивала в своём сердце невиданные образы, причудливые гармонии. Но через всё проникала духовность и какая-то особенная чувственность. Её стихи остались со мной, и я так рада, так благодарна Ольге Тимофеевне за то, что она подарила мне целую подборку своих стихов, да и просто за то, что она была в моей жизни. Ей дано было видеть то, чего не замечали мы, ей дано было чувствовать то, что доступно далеко не каждому. У поэтов своё ощущение мира, своё восприятие всего, что нас окружает.

* * *

Наша жизнь земная —
Суета сует.
Я всё это знаю,
Тайны в этом нет.

Я всё это знаю,
Но и в грустный час
Наша жизнь земная
Окрыляет нас.

У поэта Андрея Вознесенского есть широко известные стихи, которые начинаются строками:

* * *

Ты меня на рассвете разбудишь,
За порог необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь...

А Ольга Тимофеевна написала стихи, они называются «После А. Вознесенского»:

* * *

Ты разбудишь меня на рассвете,
Неизвестно которого дня.
И никто не узнает на свете,
Как ты пламенно любишь меня.

И никто никогда не узнает,
Как мы счастливы были вдвоём.
Только снег бесконечный растает,
Покрывая наш пламенный дом.

И разве это менее красиво? Поэта уже нет на свете, а стихи живут, и будут жить, потому что это были настоящие, сильные стихи.

Так сложилось, что при жизни стихи Ольги Тимофеевны печатались только в журналах и газетах. Это было, в основном, в шестидесятые-восемидесятые годы. И все публикации можно перечислить по пальцам:

Газета «Красное Знамя» / Харьков /

1964 г. — Сказка для игрушек

Апрельские

1967 г. — Другу

Ясность

Сборник «Майдан поэзии» / Харьков /

1970 г. – Когда ты уходишь.

Пронеси меня мимо, трамвай переполненный

Газета «Вечірній Харків» / Харьков /

1972 г. – Золото кленов.

Предмесье начинается

1977 г. – Весенние акварели

Журнал «Библиотекарь»

1979 г. – Закат предвещает ветер.

Снег / Они летят, пушинки снега /.

Покатился белый шар

немыслимой зимы

14 января 1981 года в газете «Вечірній Харків» было опубликовано её стихотворение «В заколдованном круге из сосен...». В 1982 году в этой же газете в одной из статей появилось упоминание об Ольге Тимофеевне: «Велику добірку емоційних, по-справжньому жіночих катренів і октав одержала редакція від співробітниці ХДНБ О. Бондаренко». Но это было всего лишь упоминание. Она расстроилась и однажды при встрече с сотрудником газеты «Вечірній Харків» спросила у него, куда же деваются все стихи, которые она отправляет в редакцию? Получила ответ, огорчивший её ещё больше: «Их складывают в архив». Её огорчению не было предела. Какое-то время совсем перестала писать. Но пришло вдохновение, и стихи «полились рекой». Эмоции её были мучительны. Жадные поиски оптимистичного и светлого находили своё отражение в лавине стихов. Они вырывались из самых сокровенных глубоких уголков души. А затем приносили ощущение лёгкости, невесомости и наслаждения. Даже, если её стихи кричали о глубочайшем страдании, всё равно Ольга Тимофеевна считала свои страдания испытанием, посланным свыше, и принимала их как данность.

Жанна Петровна Корнева вспоминает такой эпизод: «В один из праздников, когда отмечали юбилей Библиотеки, мы сидели в зале украинского государственного драматического театра им. Т. Г. Шевченко, где проходило торжество, и слушали всех, кто выступал с поздравлениями. Выступающих было очень много, представители разных организаций и учреждений города записывались и выстраивались в очередь, чтобы поздравить известную не только в Украине, но и далеко за её пределами Харьковскую государственную научную библиотеку им. В. Г. Короленко с таким значительным и важным событием.

Рядом со мной сидела Ольга Тимофеевна и без особого восторга слушала некоторые пламенные, но совершенно стандартные сухие речи. И вдруг со сцены зазвучала музыка удивительных стихов. Читали актёры этого знаменитого драматического театра. Ольга Тимофеевна как-то напряглась, замерла, а потом прошептала: "Это же мои стихи.... Неужели это мои стихи?..". Она повернулась ко мне совершенно растерянная, как-то жалко улыбнулась, и вдруг слёзы хлынули рекой. Настолько для неё было неожиданно-негаданно, что ЕЁ СТИХИ читают артисты на большой театральной сцене. Зал замер так же, как и она. А потом разразился не просто аплодисментами, а овациями.

Ошеломлённая, хрупкая, маленькая женщина с глазами, полными слёз, счастья, любви, искреннего восхищения и благодарности за такой неожиданный подарок-сюрприз смотрела на сцену широко раскрытыми глазами, слушала и боялась поверить, что всё происходящее наяву, а не во сне. Это был триумф признания её таланта».

Я тоже была в зале театра в тот момент, но сидела далеко от Ольги Тимофеевны и не видела её реакцию на свои стихи. Об этом я узнала позже. Только сейчас я понимаю всю глубину её чувств, потрясения и восхищения. Она это заслужила.

Прошли годы, но тот эпизод вспоминается многими коллегами тепло и светло.

Ольга Тимофеевна в те минуты была счастлива, по-настоящему счастлива и ещё долго жила этим событием. Ещё долго душа её пела, помогала расправлять крылья и взлетать над серой и унылой действительностью.

Харьковский академический украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко. 100-летие ХГНБ им. В. Г. Короленко, 8 октября 1986 г.

Она продолжала писать, но в печати её стихотворений почти не было. Иногда появлялись некоторые стихи, но это были единичные случаи. И всё же не писать не могла. Писала, как и прежде, о простом человеческом счастье, о любви, о природе, об одиночестве, о земных горестях и тревогах, обо всём, что близко многим, что способен испытать человек.

Своеобразие её поэзии, оригинальность поэтического голоса, передающего самые сокровенные мысли и чувства, наполненность стихов глубочайшим психологизмом и философским смыслом имеют необъяснимую притягательную силу.

Мне хочется назвать стихи Ольги Тимофеевны драматически очаровательными и неповторимыми. Они настолько запечатлелись в моём сердце, что, вероятно, останутся там навсегда.

Ольга Бондаренко (1980 годы)

Помню, какой ажиотаж вызвала публикация одиннадцати стихотворений О. Бондаренко в 1986 году в журнале «Литературная учёба», который издавался в Москве. В те годы журналы в библиотеку поступали регулярно без задержек. Из отдела комплектования фондов они передавались в отдел обработки, и только затем их получали в отделе систематизации и организации систематических каталогов. Когда этот журнал поступил в библиотеку Короленко (так сокращённо называли и продолжают называть нашу библиотеку сотрудники и читатели), в отделе выстроилась очередь: всем коллегам хотелось увидеть своими глазами, наконец-то опубликованные стихи Ольги Тимофеевны. Приходили сотрудники из других отделов, им тоже было интересно. Приходили даже читатели, которые знали её, общались с ней в зале каталогов.

Я видела, что для неё самой это невероятно волнующее событие, даже немного выбившее её из колеи повседневной рутинной жизни. Тем более, что всё так или иначе было связано с Анной Ахматовой, в архиве которой нашли стихи Бондаренко. Эти стихи ошибочно внесли в посмертный сборник Ахматовой, как принадлежащие ей – известному поэту Анне Ахматовой.

Тогда я искренне переживала за Ольгу Тимофеевну и выражала своё восхищение её творчеством, потому что поняла то, что не все сумели осознать. Ведь было очевидно, если стихи признали «ахматовскими», значит, они замечательные, значит, поэзия Бондаренко настоящая!

Вот они – эти стихи. Но поскольку у Ольги Тимофеевны они без названия, я напишу первые строчки опубликованных стихотворений.

«Сколько душ умирало во мне...»;
«Пронеси меня мимо, трамвай переполненный...»;
«Ровно в десять я открыла...»;
«Я – фантазёрка...»;
«Продайте мне имя...»;
«Это шлак, из которого...»
«Бывают дни разлада...»;
«На самой счастливой минуте...»;
«Вот оно, зеркало ночи...»
«Чуть заметная тень промелькнула...»;
«Стоят кусты смородины...».

Статья, появившаяся в журнале «Литературная учёба», была, на мой взгляд, названа интригующе и, что поразительно, – как-то осознанно сожалеющее: «И чуточку жалко, и чуточку грустно». Написал её Яков Маркович, известный критик-литературовед, имя которого знали не только в литературных кругах, но и далеко за их пределами.

Выходу этого номера журнала и публикации предшествовала длительная переписка Ольги Тимофеевны с автором статьи. Переписка продолжалась больше года. Яков Маркович ещё в январе 1985 года прислал письмо-отклик по поручению редакции «Литературной учёбы».

Ольга Тимофеевна долго собиралась с мыслями, вначале она никак не могла понять, что смутило её в письме Марковича, а когда, наконец, поняла, даже вздохнула облегчённо и рассмеялась. А поняла она следующее: критик ответил ей, как молодому начинающему поэту, он даже предположить не мог, что в редакцию были присланы стихи женщины, которой уже за шестьдесят.

Ольга Тимофеевна, не желая держать Марковича в заблуждении, написала ему длинное письмо, в котором поведала обо всём: и о возрасте, и о некоторых фактах своей биографии, и о роковой ошибке с авторством стихотворений, и об извинениях критика Виленкина, и о телеграмме Ахматовой – обо всём. С тех пор переписка стала почти непрерывной. Яков Маркович очень заинтересовался судьбой и поэтическим творчеством Ольги Тимофеевны Бондаренко. Я вспоминаю, какой воодушевлённой она приходила на работу. Для неё эти письма были таким глотком свежего воздуха, что она испытала небывалый подъём в творчестве и писала...писала... писала.... Стихи, которые появлялись, фильтровались и отсылались на критический суд Марковича. Она показала мне всего одно письмо критика, хотя их было немало. Мне оно не очень запомнилось, единственное, что хорошо помню: он как-то по-отечески журил Ольгу Тимофеевну за то, что она не хотела править свои стихи и за то, что слишком углублялась в философию. И запомнилась концовка: удивительно тёплые слова-пожелания. Настолько хорошие и доброжелательные, что мне ещё тогда подумалось: «Они похожи. У них не случайное родство душ. Полное взаимопонимание». С Марковичем она была близка духовно, как ни с кем другим.

И, наконец, итог: статья, в которой Яков Маркович после интересного и довольно-таки солидного вступления пишет: «Недавно группе студентов Литературного института было предложено следующее стихотворение: Нет, это было не со мной.... Любопытно, что во всех ответах фигурировало имя Анны Ахматовой. И лишь двое упомянули это имя с тем, чтобы убедительно отвести авторство Анны Ахматовой... Ответы в точку, а вины – никакой, ибо автор приведенного стихотворения мало кому известен».

Далее Маркович знакомит читателей с историей ошибочной публикации этого стихотворения в посмертном сборнике Анны Ахматовой и последующими перипетиями.

Ольга Тимофеевна была не просто польщена, она воодушевилась настолько, что даже как-то помолодела, ожила, воспряла духом. Ей захотелось ещё больше творить, созидать стихи, радоваться жизни. Это был необычный и совершенно новый период в её многострадальной жизни.

Она даже стала мягче в общении и по-прежнему прощала коллег за их неоднозначное восприятие её поэзии. Ольга Тимофеевна всегда знала, что есть люди, которым недоступно понимание стихов, которые не любят поэзию, им ближе проза, а есть и такие, которым, как это не прискорбно, чуждо и то, и другое.

Но, к сожалению, после этого события всё: как какой-то рок или, как говорила Ольга Тимофеевна, заколдованный круг, больше она нигде не печаталась. Это было невероятно грустно. В этом же 1986 году у неё появилось стихотворение, которое я до сих пор не могу читать спокойно.

* * *

В ряду последнем я была.
Меня нигде не замечали,
И умирали два крыла
От нерассказанной печали.

И умирали два крыла,
Даже не пробуя подняться.
В ряду последнем я была,
Не различая декораций...

Посмертная жизнь стихов Ольги Бондаренко

Сборники стихов Ольги Тимофеевны были изданы уже после её ухода из жизни. Прошло немало лет, и, когда это случилось, я была безмерно обрадована и очень тронута тем, что нашлись энтузиасты, которые прониклись её поэзией и её судьбой. Это харьковские поэты Сергей Шелковый и Лина Пятак. До них только Софья Богдановна Шоломова, наша коллега из отдела редких изданий и рукописей – осуществила попытку собрать и систематизировать рукописные тетради Ольги Тимофеевны. Софья Богдановна проделала очень большую работу, кропотливо собирая и сортируя стихотворное творчество Ольги Тимофеевны. Она часто приглашала меня в маленькую комнату отдела, где работала с архивами, расспрашивала о том, какие стихи читала мне Ольга Тимофеевна Бондаренко. Когда Софья Богдановна попросила у меня подборку стихотворений, подаренную лично мне, я с радостью принесла драгоценную для меня тетрадь. Результатом кропотливой работы Шоломовой был сборник «И живёт моя частица в светлой книге бытия», включающий тщательно отобранные стихи поэта. Сборник вышел в 2003 году, но, к огромному сожалению, всего в нескольких экземплярах, мне помнится, не больше пяти. Софья Богдановна издала его за свой счёт, других возможностей у неё не было.

И только в 2005 году, через четырнадцать лет после смерти Ольги Тимофеевны, Сергеем Шелковым была издана книга – сборник стихотворений Ольги Бондаренко «Зелёный дождь». Это уже была настоящая книга тиражом 250 экземпляров, в которую вошли стихи разных лет.

В 2010 году увидела свет переизданная книга С. Б. Шоломовой, исправленная и дополненная, под прежним названием «И живёт моя частица в светлой книге бытия».

В 2011 году другой харьковский поэт, бывшая сотрудница библиотеки им. В. Г. Короленко, которая знала лично Ольгу Тимофеевну, потому что работала в библиотеке в те же годы, Лина Пятак подготовила к 90-летию со дня рождения Ольги Тимофеевны Бондаренко сборник её стихов.

У Лины Пятак был несколько иной подход к отбору стихотворений. Она считала, что у Сергея Шелкового чисто мужской подход, а ей хотелось сделать это по-женски. Она подошла по-своему, отбирала только те, которые раскрывали женскую сущность Ольги Тимофеевны, которые были предельно эмоциональны и чувственны.

Лина Пятак назвала книгу очень красиво «Я пройду пламенеющим садом...». Это строчка из стихотворения Ольги Тимофеевны, оно вошло в поэтический сборник. У меня так хорошо на душе от ощущения, что женщина-поэт Ольга Бондаренко не забыта, что её поэзия обрела новую жизнь благодаря этим людям. Она не была тщеславной, но ей так хотелось, чтобы её стихи читали! Многие в своё время не понимали, насколько талантлива эта необыкновенная женщина. К большинству такое понимание пришло спустя годы, но, к сожалению, тогда, когда Ольги Тимофеевны уже не было с нами. Очень хочется, чтобы люди открыли поэтическую мастерскую Ольги Тимофеевны Бондаренко и задумались о вечных ценностях: о доброте, о красоте, о человеческом счастье, о чудесных пейзажах природы и о любви.

Читаю и перечитываю её стихи. Их у меня много. В них целая наука и философия жизни. А ещё музыка, которая слышится в её поэзии и дарит неповторимые, искренние, незабываемые мгновения жизни. Для меня поэт Ольга Бондаренко – это пример человека, который постоянно пребывал в творческом поиске, горении, который жил и писал, как чувствовал. Время уводит нас всё дальше и дальше. Последующие поколения с трудом понимают предыдущие, это неписанный, но реальный закон земного существования, и всё же очень хочется, чтобы они знали прошлое, в каком жили неординарные талантливые личности, одной из которых была Ольга Тимофеевна Бондаренко.

Последнее пристанище

Кроме дочери Анны, никто не приходит на могилу Ольги Тимофеевны. Могилы умерших, близких нам людей являются отражением нашей души. Аккуратные и ухоженные, они передают нашу любовь, память, скорбь. Они символизируют продолжение жизни человека в наших сердцах. Так же, как забытые могилы – наше равнодушие. Забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем. ... Но не все понимают это.

«Под каждой могильной плитой – мировая история», – говорил Г. Гейне. И действительно, каждый человек неповторим в своей индивидуальности, каждый оставляет свой след в жизни, память о своих делах, мыслях, жизненных устремлениях.

След Ольги Тимофеевны Бондаренко глубокий, он не должен затеряться, исчезнуть, пропасть. Ведь мы, люди, утверждаемся в мире не только как мыслящие и чувствующие существа, но и как звенья в крепкой вечной цепи, соединяющей прошлое и будущее. А память сердца – это глубокие впечатления от увиденного и пережитого лично. Те воспоминания, которые я храню в своём сердце, навсегда остаются живыми. И я уверена, чем больше дорожим мы памятью, тем лучше осознаём своё место в этом мире, тем глубже чувствуем свою ответственность за будущее.

И помним... помним... помним...

Вспомнились кем-то написанные строки:

Что наша жизнь? Отсчёт от дня рожденья:
Год...три...семнадцать...сорок...шестьдесят...
Года проходят.... Остаются накопленья
Забот, желаний, мудрости цитат.
И имена друзей, родных и близких,
Кто в памяти остался и живёт.
Пока мы живы и пока мы мыслим,
Никто уже их место не займёт.

Могила Ольги Тимофеевны Бондаренко.
Городское кладбище №7

Моя скорбь безгранична.
У могилы Ольги Тимофеевны

Восхищение навсегда

О людях особого склада нелегко писать. И если Ольгу Тимофеевну Бондаренко по достоинству оценили такие люди, как Анна Ахматова, Маргарита Алигер, Яков Маркович, Виталий Виленкин, и, если корреспонденты харьковских газет как знаки особенного признания дарили ей свои четверостишия и поздравления – это говорит о многом. Она заслужила признание и восхищение. Нередко бывает так, что настоящие поэты умирают неизвестными. Если повезёт, их стихи могут увидеть мир по прошествии многих лет. Но обычно родственники, если они есть, или просто чужие люди выбрасывают черновики на свалку. Таких примеров очень много. Но Ольге Тимофеевне повезло хотя бы в том, что её единственная – дочь ничего не выбросила. У меня даже мороз прошёл по коже от мысли, что всё могло быть по-другому. Течение времени, как известно, холодное, равнодушное и безжалостное к человеческим судьбам. Оно поглощает всё и что особенно огорчительно, стирает память о людях. Мне хочется предотвратить этот процесс и продлить духовную жизнь Ольги Тимофеевны, сохранив единение поколений, помогая очищать души от осадка ржавчины и суеты повседневности. Многогранный, наполненный светлыми, тёплыми тонами образ Ольги Тимофеевны для меня будет всегда привлекателен и дорог. К её стихам хочется обращаться вновь и вновь, открывая для себя особый мир наслаждения и восхищения.

Память времён не сотрётся, ведь существует же их неразрывная связь. Мы живём в рамках своего времени, после нас будут жить другие, храня нашу память и передавая её дальше – следующим, тем, что будут жить после них. Ответственны за всё мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к прошлому, к ушедшим от нас личностям.

Ольга Тимофеевна останется в памяти образцом самоотверженного служения поэтическому творчеству, абсолютного равнодушия к материальным благам, а также верности избранному пути. Стихи – очень мощное оружие, которым можно сразить что угодно: депрессию, скуку, горечь от житейских проблем, разочарований.

Поэт Ольга Бондаренко видела мир по-особенному и по-особенному говорила о нём в своих стихах. Читая её стихи, невольно присоединяешься к её воображению и переживаешь с ней строку за строкой, вместе с ней восхищаешься, безнадежно грустишь, а откровенность чувств такая, что перехватывает дыхание или, как часто говорят, захватывает дух. Стихи Ольги Тимофеевны – это манифестация чувств, неотъемлемых от поэзии. Нежность и любовь, с которой написана каждая строка, трогает глубокие и светлые фибры наших душ. Она делилась тем, что зацепило, что болело, что вдохновляло.... Пропускала всё через себя, через собственное сердце, проектируя свет в человеческие души, а вдруг кто-то почувствует.... Её путь был трудным, напряжённым, с разочарованиями и страданиями, но, когда Ольгу Тимофеевну спрашивали, довольна ли она судьбой, она отвечала своими стихами:

* * *

Какая истина простая –
Ходить по солнечной земле,
Стихи внезапные слагая
И славя ветры в феврале!

И славя небо голубое
Среди другой красы земной!
Я счастлива своей судьбою
И не прошу себе иной.

Я считаю, что это была неземная женщина, очень счастливая и очень несчастная, я восхищалась ею при жизни, – и она это знала, и, вероятно, это восхищение останется со мной всегда.

Стихи Ольги Бондаренко последних лет жизни

* * *

На гребне волн меня качало,
Порой швыряя вверх и вниз.
И все минувшие печали
За мной невидимо неслись.

Я не могла остановиться,
Причалить к берегу нигде.
И будто дьявольские лица
Неслись по бешеной воде.

* * *

Холодный дом, как дом из стали,
Я в нём как будто не живу.
А лишь коплю свои печали
И сны слагаю наяву.

Глядит окно моё немое,
Как сосны выстроились в ряд.
И я не знаю, что со мною
И для чего сверкает сад.

* * *

Это – мнимые люди, может, просто шакалы.
На другую орбиту убегаю от них.
А за мною вдогонку – только ветер усталый,
Или, может быть, просто – неизвестный двойник.

А за мною вдогонку – всё, что я потеряла
Или бросила в пропасть – неизвестно, когда.
Или, может быть, просто – это ветер усталый,
Что уже не приносит никакого вреда.

* * *

Всюду – купля-продажа
И бессмертный галдёж.
Озарения – даже
И во сне не найдёшь.

Все бегут, как на кроссе,
Добывая барыш.
И никто и не спросит,
Где ты душу тайшь.

* * *

Мгновенье с веком спутала,
Сама не знаю, как.
И за любыми сутками
Таится только мрак.

И за любыми сутками
Нас стережёт в упор –
На все века запутанный
Неразрешимый спор.

* * *

Всё в одну киноленту
Неразрывно слилось –
Голоса, комплименты
И ненужная злость.

Всё, что мелко и пусто,
Словно мёртвое, спит.
И никчёмные чувства –
Недостойны обид.

* * *

На безлюдной дороге –
Только мёртвая тишь.
Бродит месяц двурогий –
И его не затмишь.

Зажигаются лампы,
Вечер движется вслед.
Сердце – в траурной рамке –
И спасения – нет.

* * *

Поставила на карту
Я всё, чему не быть.
Скупое солнце марта,
Верни мне силу жить!

Верни мне безоглядность
В поступках и делах,
Чтоб я презрела стадность
И презирала страх.

* * *

Всё брошено в пропасть навек,
И сердца – уже не осталось.
Окончился бешеный бег,
И душу сковала усталость.

Куда возвращаемся мы?
Кто даст нам частицу приюта?
И гибнет над пропастью тьмы
Когда-то живая минута.

* * *

Не знаю, зачем я осталась
На этой прекрасной земле!
Томит меня острая жалость,
И холод гнетёт в феврале.

Когда же на солнце я выйду
И пробую душу согреть —
Весь мир — в ослепительном нимбе —
Но хочется мне умереть.

* * *

Я знаю — просить бесполезно,
Всё сковано лютой зимой.
И только холодная бездна
Везде неотступно со мной.

И вдребезги всё разлетелось,
Что было дыханьем моим.
Осталась — одна неумелость
И слов нерастраченный дым.

* * *

Боже, всё рассыпается в прах!
Я осталась — совсем безоружной.
И томит меня истинный страх,
И душа оказалась ненужной.

А когда за последним лучом
Я готова пуститься в погоню,
Не молю я уже ни о чём
И роняю пустые ладони.

* * *

Ах, сколько стихов погасила
Нелепая эта душа!
А в них ведь – и слабость, и сила,
Без них – невозможно дышать.

И вот я блуждаю в аллеях,
Теряя минуты и дни.
И только о том и жалею,
Что даром уходят они.

* * *

Крыши, словно сухая ладонь,
И просохли везде тротуары.
И качается звёздный огонь,
Словно первое действие кары.

О, какая сухая весна!
И душа к ней – совсем не готова.
После долгого зимнего сна
Я ищу сокровенное слово.

* * *

Следы страстей, следы утрат,
Следы печалей,
И кто чем беден и богат –
Пойму едва ли...

Теряю свой ориентир
На все прогнозы,
А надо мной сияет мир –
Сквозь смех и слёзы.

* * *

Я старая, как мир,
И мне бывает больно
От всяческих придир,
Что действуют невольно.

Тогда меня хандра
Внезапно донимает.
И грустная пора
Надолго наступает.

* * *

Лукавит сердце день и ночь,
Внимая шорохам природы,
И все надежды гонит прочь
Под неисчерпанные своды.

И все надежды гонит прочь
И ждёт решительного шага.
...А надо мной сияет ночь,
И звёздный свет приносит благо.

* * *

Земля – чернее ночи,
Когда сойдут снега.
И столько всяких прочих,
Что жизнь недорого.

Они снуют по свету,
Бегут, как на пожар,
Но где открыть поэту
Свой драгоценный дар?

* * *

Плачу я дань за одиночество
И остаюсь – совсем одна.
Блуждает в небе, как пророчица,
Прекрасноликая луна.

И обещает мне забвение
От всех печалей и утрат.
Сгораю я от нетерпения –
Скорей увидеть лунный сад.

* * *

Господь отвёл! Какое благо!
Отвёл от зависти и зла.
И вот – всего три хрупких шага –
И я, как будто, ожила.

Опять вернусь на те дороги,
Которые не подвели.
И будут истинные боги
Мне открывать красу земли.

* * *

Брожу я по самому краю
Давно наступившего дня.
Зачем только солнце сияет
И стрелами ранит меня?

Зачем эти робкие тени
Пытаются солнцу служить?
Зачем существуют мгновенья,
Которых нельзя пережить?

* * *

Память – всё разграничила,
Разложила по полочкам.
И поступки обычные
Блещут, словно с иголки.

И поступки обычные –
Изменили звучание.
Память всё разграничила,
Словно после венчания.

* * *

Совсем внезапный
Весенний дождь!
Живые капли
Над миром рощ.

Живые капли
Над миром грёз,
И дождь внезапный
Печаль унёс.

* * *

Как бродят мысли далеко,
В чужих пределах!
Как стая лёгких облаков
В просторах белых.

Как стая лёгких облаков
Невозвратимых!
Так бродят мысли далеко
В глазах любимых.

* * *

Весна захватила врасплох,
Забыть про неё – невозможно.
И слышится горестный вздох
Над жизнью, прожитою ложно.

Где всё перепутано так,
Как будто бы задались целью
Повесить трагический флаг
Над вечной моей колыбелью.

* * *

Опять существую, как прежде,
И радуюсь жизни вдвойне.
Утратила – только надежду.
А всё остальное – при мне.

И ветер таинственно нежный
Опять мне поёт о весне.
Утратила – только надежду,
А всё остальное – при мне.

* * *

Всё так останется и впредь –
Одна дорога.
И нужно мне преодолеть –
Совсем немного.

А дальше – резкий спуск с горы,
Назад, в долину.
Я прочно выйду из игры
И вас покину.

* * *

Зачем только так далеко
Рассыпались эти закаты?
От них уходить нелегко
И мучает чувство утраты.

И мучает чувство вины
За всё, несвершённое ныне.
Как будто мосты сожжены
И мы остаёмся в пустыне.

* * *

Так и будет,
Как от века повелось —
Кто-то любит, кто-то губит,
Кто-то — гость.

Кто-то намертво отрёкся
Без суда.
Кто-то в дебрях парадокса —
Навсегда.

* * *

Пускай живу на склоне дней,
И облака плывут тревожно.
Твоя душа слилась с моей —
И разорвать их — невозможно.

Твоя душа слилась с моей,
И эта связь — нерасторжима.
Пускай живу на склоне дней,
Но я — по-прежнему любима.

* * *

Была здесь логика, наверное,
Что я избрала этот путь.
И всей душою суеверною —
Боялась истину спугнуть.

Была здесь логика жестокая,
Но я не сразу поняла,
Что мир, наполненный пророками,
Переместил границы зла.

* * *

Была магическая сила
В сиянье уличных зеркал.
Я к солнцу мчалась. Я спешила.
Меня никто не замечал.

Я к солнцу мчалась, как шальная.
Без поворотов — напрямик.
Здесь начиналась жизнь иная —
Без грешных мыслей и улик.

* * *

Я проникаюсь тишиной,
Как проникаются блаженством.
Струится солнце надо мной,
Мир наполняя совершенством.

Я открываю жизнь свою,
Снимая крышку, как с рояля.
И в благодарность я пою
Слова блаженства и печали.

* * *

Я уговорам не поддамся —
Идите с богом, мне не жаль!
Я слушаю напевы Брамса.
А в них — глубокая печаль.

Я уговорам не поддамся
И ваших истин — не боюсь.
Я слушаю напевы Брамса,
А в них — смятение и грусть.

* * *

Повремени ещё немного,
Повремени!
И приведёт тебя дорога —
В другие дни.

И приведёт тебя дорога
В другой предел.
Повремени ещё немного
Под градом стрел!

* * *

Мир — существует. Он — ничей.
И я о нём пою.
Каскады солнечных лучей
Покрыли жизнь мою.

Летят, врываются, горят
Под знаком красоты.
И озаряют всё подряд,
Чего коснёшься ты.

* * *

Что делать мне с моей тоской,
С моей не найденной строкой?
А всё отчаянье людское
Течёт безмерною рекой.

И я пытаюсь безуспешно
Её, как муку, обойти.
...За всё, что праведно и грешно,
Меня, беспутную, прости.

* * *

Вьётся кружево природы
Независимо от нас.
И летят века и годы.
И сверкают, как алмаз.

Смертны – мы. Природа – вечна
И не ведает конца.
Сколько ликов безупречных
У бессмертного лица!

* * *

Все походы здесь кончались –
В абрикосовых цветах.
Гибли здесь мои печали,
Малодушие и страх.

Здесь рождалось всё богатство,
Не имевшее цены.
И терялось, может стать,ся,
Чувство собственной вины.

* * *

Плащаница – всё впитала.
И никто не знает – как.
И следы от крови алой,
И монеты древний знак.

Очертанья рук, ладоней
И следы глубоких ран –
Всё слилось в неслышном стоне
Сквозь мифический туман.

* * *

Поляна – в форме круга,
Каштаны и дубы.
Что мы нашли друг друга –
То высший перст судьбы.

Поляна – в форме круга,
Кусты рябин окрест.
Что мы нашли друг друга –
То самый лёгкий крест.

* * *

Вот он – последний рубикон.
И я его преодолела!
Стою у солнечных колонн,
Достигнув высшего предела.

Стою и радуюсь тому,
Что сожалений – нет в помине.
И отошли, как сны в дыму,
Все чувства пройденной пустыни.

* * *

Бездомье, что ли, или мрак.
Но некуда душе приткнуться.
Душа, попавшая впросак.
Твои трофеи – не вернутся.

Они потеряны в пути,
Когда – известно только богу!
Душа заблудшая, прости –
За эту тёмную дорогу.

* * *

Сумасшедший век двадцатый!
Нет бескрылых – все крылаты.
От земли оторвались
И летят в тугую высь.

Что им звёзды, что кометы,
Что печальные приметы!
Всё отбрасывают прочь
И летят – в пустую ночь.

* * *

За солнечной оградой –
Никто не ворожил.
Там раздают награды
Не тем, кто заслужил.

Но к этому привыкнуть
Пора давным – давно!
Цветы от зноя никнут
И всё уценено.

* * *

Забыты зимние метели,
Стихами полнится тетрадь.
Но сердце бьётся – еле-еле,
И мне его не разгадать.

Оно истратило полвека,
Чтобы хоть чуточку прозреть.
Не помогло! Как было слепо –
Таким останется и впредь.

* * *

Оранжевые нити
Вплетаются в туман.
Ах, люди, оглянитесь
На светлый мир полян!

На буйное цветенье
Оранжевых лугов!
И никакие тени
Не замутят вам кровь.

* * *

Голубое огромное небо,
Словно купол великого дня!
Я поверила в светлую небыль,
Что господь сотворил для меня.

Я поверила так безоглядно,
Что и мессу могу отслужить!
А великое небо – громадно,
И для этого – стоило жить.

* * *

О, дождь немилосердный,
Зачем рыдаешь так?
И вместо нужной веры –
Вселяешь только страх.

Зачем кричишь от горя
У роковой черты?
Кого с такою скорбью
Оплакиваешь ты?

* * *

Почему, когда сносят дома,
У меня разрывается сердце?
Будто их разрушаю – сама
И звучит – лишь прощальное скерцо.

Будто кто-то – ушёл навсегда,
И его отыскать – невозможно.
И нигде не осталось следа,
И душа моя – плачет тревожно.

* * *

Становится уже и уже
Земной надоевший альков!
Мне домом – Вселенная служит –
И нет у неё потолков.

Никто не считает запястий,
Не пробует ринуться вслед.
Не рвёт твою душу на части,
Когда ей пристанища нет.

* * *

Девятнадцатый век – догорел,
А теперь догорает – двадцатый.
О, какое скопление дел!
О, какие печальные даты!

Нет возможности – просто дышать
Или действовать – без проволочек.
Наполняется – только тетрадь
Колдовством неожиданных строчек.

* * *

Здесь душа посты расставила,
Чтоб не ринуться под нож.
Всюду – ярмарка тщеславия –
И её – не обойдёшь.

Для чего стремиться к почестям,
Поднимать такой галдёж?
Нам ведь – каждому пророчили –
Что посеешь – то пожнёшь.

* * *

Мы – не коммуникабельны,
И не умеем ждать.
А, может, нас ограбили
И бросили опять?

А, может, мы обещаны
Совсем другим векам?
А здесь – все души в трещинах
От бесконечных драм.

* * *

Затишье после бури –
Все страсти улеглись.
Лишь небо брови хмурит,
Поглядывая вниз.

Лишь небо точит стрелы,
Прицелившись в упор.
Но солнце в круге белом
Сияет до сих пор.

* * *

Не спешите, люди добрые,
Завершать свой приговор!
Я ведь только – робко пробую
Не вплестаться в общий хор.

Я ведь только – чуть настроилась
На живые голоса.
Чтобы души беспокойные –
Укрепили паруса.

* * *

Как самым ценным кладом,
Владею тишиной.
В лучах ночного сада –
Она всегда со мной.

Постойте, не спешите
Мне что-то возражать!
Я тишину открытий
Вплету в свою тетрадь.

* * *

Под алой кромкою
Встаёт рассвет.
Я строки комкаю —
В них жизни нет.

Под алой кромкою,
Среди листвы,
Я строки комкаю —
Они мертвы.

* * *

Ты не бываешь далеко —
Твоя душа со мной.
И мне любить тебя легко,
Как звёзды в час ночной.

Моя награда, мой король
В потоке звёздных лет!
А если ты приносишь боль —
Я в ней увижу — свет.

* * *

Кто виноват, что я глупа,
Что я не вижу сути,
Когда звериная толпа —
Блуждает на распутье?

Кто виноват, что дважды два —
Мне кажется — наукой?
И даже ясные слова —
Порой бывают мукой.

* * *

Не швыряйте слов на ветер,
Да ещё со зла!
Не кидайтесь прямо в петлю,
Хоть тоска взяла.

Не забудьте – воля лучше
Золотой тюрьмы.
Да хранит вас светлый случай
От крошечной тьмы!

* * *

Ах, не старайтесь объяснить,
Что значит истинное слово!
Сама собою вьётся нить
И остаётся – без покрова.

Обнажена, оголена,
Готовая к любви и свету,
Как сокровенная струна,
Назначенная в дар поэту.

* * *

Ах, догнать, догнать, догнать,
Словно сон отрадней,
И развеянную прядь
На ветру прохладном.

Всё догнать, что отошло
В дальние пределы.
Всё, что было и ушло
С облаком несмелым.

* * *

Как долго длился тёмный путь!
Какая чёрная страница!
И больше нечем помянуть
Тех, кто уже не возвратится.

Наивны все мои мольбы.
Не прощена. Какая жалость!
Душа – орудие судьбы –
И это всё, что мне осталось.

* * *

Кто ткал ковёр из наших мыслей,
Из чувств, которые ушли?
Зачем вокруг сгрудились листья,
Касаясь огненной земли?

Какая дьявольская сила
Вернула мне мою печаль?
Не ведаю, что это было,
Но потерять всё это – жаль.

* * *

Ну, что поделаешь, когда
Всё в этом мире слишком зыбко!
Так быстро рвутся провода,
Так неустойчива улыбка!

Так мало всяких прочих благ,
Так мало строк, готовых к пенью.
И даже самый светлый шаг
Порой приводит к пораженью.

* * *

Господи, где тот покой,
Как мне его доискаться?
Сердце бежит за строкой
И обретает богатство.

Может быть, в этом и есть
Высшее предназначенье?
И высочайшая честь —
Слово спасти от забвенья.

* * *

Бедные поэты!
Как терзают вас
Вечные запреты
В лабиринте фраз!

Не туда идёте,
Не по той тропе,
Не о том поёте
Заблудясь в толпе...

* * *

Никому я этой чести
Не отдам —
Всё делить с тобою вместе
Пополам.

Все надежды, все поступки,
Каждый вздох,
Чтоб и отзвук самый хрупкий —
Не заглох.

* * *

Как люди любят осуждать!
И всех, буквально, всех!
За то, что дважды два — не пять,
За то, что плач — не смех.

За то, что истину свою —
Не каждый видит сам.
И даже в солнечном раю —
Не верит чудесам.

* * *

Продайте мне имя!
Цена — не важна,
Чтоб вместе с другими
Была. Не одна!

Чтоб с вечностью слился
Мой крохотный стих.
И с вами сравнился
Хотя бы — на миг...

* * *

Спокойно и плавно текут
Мои одинокие годы.
И много прекрасных минут
Запрятано в тайнах природы.

И много неясных чудес
В глубинах её непонятных.
Молчит озадаченный лес
И близится час невозвратный.

* * *

Нет, я ни с кем не поменяюсь,
И не подумаю о том!
Ведь для меня из сказки аист
Насочинял сказаний том.

И мы союз с ним заключили,
Чтоб ни о чём не забывать.
И все придуманные были
Вносить в роскошную тетрадь.

* * *

Бывают дни разлада,
Когда причины нет.
И ничего не надо,
И тьма милей, чем свет.

И ничего не надо —
Ни близких, ни чужих...
Бывают дни разлада —
И не уйдёшь от них.

* * *

Всё ближе к природе, всё дальше
От глупых и скучных людей,
От их одинаковой фальши,
От мира пустых площадей.

Здесь только притихшие сосны,
А липы — звучанья полны.
И ветки на ивах, как косы
В лучах полноликой луны.

* * *

Ах, паром, не отчаливай,
Не готова душа!
Одержима печалью,
Я живу без гроша.

Я живу, как получится,
Лишь стихии верна.
И одна лишь попутчица —
Золотая луна.

* * *

Сколько в мире вульгарности!
В каждом прячется зверь.
О, слова благодарности,
Как вы редки теперь!

Деликатность, смирение,
Благородство души,
Вы остались в забвении
И в далёкой глуши.

* * *

О, эти мнимые друзья,
Готовые предать стократно!
И отойти от них нельзя,
Как снять с души пустые пятна.

От настоящих отличить
Порой их просто невозможно!
И вьют они пустую нить
И преданно, и осторожно.

* * *

Мимо солнечных качелей,
Мимо радужных мостов
Дни кружились и летели
И срывали свой покров.

Обнажилась точка света
И терялась на ветру.
И не знала я ответа —
Буду жить или умру.

* * *

Подведён итог, и я —
Удивительно спокойна!
Траектория моя
Завершается пристойно.

Никого не подвела,
Никому не помешала.
И весенних два крыла —
Ни на что не променяла.

* * *

Как будто верный часовой
Напоминает нам,
Что если нынче ты живой,
То завтра будешь — там.

И как бы не были сильны
Границы наших сил,
Нас всех смывает взмах волны,
Как будто и не жил.

* * *

Благодарю тебя, судьба,
За чашу, полную сомнений.
За то, что каждая мольба
Мне будто дар из песнопений.

Что не устану повторять
Слова — то нежные, то злые.
И озаряет благодать
Меня, как будто бы впервые.

* * *

Я гнула спину день-деньской
За жалкие гроши.
И я узнала суд людской
В блужданиях души.

И я узнала, что почём,
Быстрее всех других.
И за сияющим лучом
Летел мой лёгкий стих.

* * *

Я стала такой неуклюжей!
Со счёта сбиваюсь не раз.
Становится уже и уже
Пространство для света и глаз.

Я будто прощаюсь с зарёю,
Теряя таинственный миг.
И так непонятны порою
Мне речи сограждан моих!

* * *

Спустилась я с высоких гор
В долину тишины.
И стало мне легко с тех пор,
И нет за мной вины.

Ушли обиды прошлых лет —
И нет от них следа,
И только ровный нежный свет
С высот плывёт сюда.

* * *

Не знаю, исповедь ли это,
Но я пытаюсь рассказать,
Как беспокойна жизнь поэта
И как изменчива тетрадь.

Едва прорвётся луч рассвета,
Развеяв сумрачную тишь.
И вновь жива душа поэта,
И ты её — боготворишь.

* * *

Сколько лет миновало
С той далёкой поры!
Изменились кварталы,
Углубились дворы.

Поменялись рекламы
Возле новых кино,
И забытые шрамы
Отболели давно.

* * *

Я славлю жизнь в её звучаньи.
Любые ноты хороши!
И оставляю на прощанье
Частицу собственной души.

В минуты грустного раздумья
Однажды прикоснитесь к ней,
Пока последний звук не умер
И проникает до корней.

* * *

Когда над городом плывёт туман
И тихо опускается на крыши,
Я думаю, что всё – самообман,
И сердце бьётся сдержанней и тише.

Я тут же опускаюсь на скамью,
Чтоб отдохнуть и чуточку забыться.
И вспоминаю молодость свою,
Которая уже не возвратится.

* * *

Вся жизнь пролетела с такой быстротой,
Что я и вздохнуть не успела.
Обведено красной и чёрной чертой
Моё неразумное тело.

Удачи, успехи, просчёты и крах –
Пластинка почти отзвучала.
Последняя цифра на быстрых часах.
А кажется – будто начало.

* * *

Ах, деньги, деньги... Сколько лет
Вас собирают люди!
А у меня вас – просто нет
И никогда не будет.

Зато есть солнце у меня –
Прекрасное такое!
И я его средь бела дня
Почти коснусь рукою.

* * *

Святая простота!
Куда она девалась?
И жизнь совсем не та,
И близится усталость.

И опустел мой путь,
И замер без движенья,
И хочется вернуть
Любые огорченья.

* * *

Никто не отвечает
На заданный вопрос,
И ветер лишь качает
Вершины всех берёз.

Никто не скажет, где я
Найду земной приют.
Лишь ветер, сны развея,
Меня удержит тут.

* * *

Я землю целую за то, что она
Мне дарит минуты покоя.
За то, что душа моя светом полна,
К земле прикасаюсь рукою.

Над нами стальная встаёт глубина
И небо кочует тревожно.
Мы с нею едины. В нас сила — одна.
И нас разлучить невозможно.

* * *

Рубеж даётся неспроста,
Когда уходят все печали.
Печать кладётся на уста,
Чтоб мы о прожитом молчали.

Печать кладётся на уста,
Чтоб не сказать пустого слова.
Душа кристальна и чиста
И тайну света знает снова.

* * *

Дома пошли под снос —
Здесь будет просто площадь.
И возле трёх берёз
Ходить нам будет проще.

Меняется пейзаж,
Меняются коллеги.
И, уходя на пляж,
Мы вдруг грустим о снеге.

* * *

Нет, я ещё не всё сказала
И умереть я не должна!
Хочу глядеть, как светит ало
Великолепная луна.

И просто радоваться, просто
Прославить сумрак голубой.
Хочу вернуть забытый остров,
Где можно стать самим собой.

* * *

Стихи, как горная река —
Так необузданны и быстры.
Одна прекрасная строка —
И пламя вырвалось из искры.

Одна прекрасная строка
Мне подарила эту нежность.
Всё начиналось с пустяка,
А превратилось в неизбежность.

* * *

Я отодвинула заботы
Подальше, в сумрачную даль.
И не теряю доли сотой
На мебель, бронзу и хрусталь.

Мне всё равно, какие стулья,
Какая висится кровать,
Предпочитаю пчёл и улья,
Чтоб мёд по капле собирать.

* * *

Не будьте глухими, услышьте меня,
Услышьте хотя бы однажды.
Что в самый разгар драгоценного дня
Я вдруг умираю от жажды.

Что в самый разгар драгоценного дня
Мне хочется скрыться подальше...
Не будьте глухими, услышьте меня
Без всякого гнева и фальши.

* * *

Пустая жизнь бывает
Лишь у пустых людей,
Которые не знают,
Как обращаться с ней.

Которые не видят
Живой долины благ
И в суетной обиде
Считают каждый шаг.

* * *

Мгновенья, как листья – иди собирай!
Любое покажется важным.
И ад на земле – превращается в рай,
И сердце не станет продажным.

Мгновенья ложатся, как в хрупкий сосуд,
В живую и верную душу.
И, в ней оставаясь, прекрасного ждут,
Которое я не разрушу.

* * *

Последний раз я в этот дом
Вхожу с улыбкою прощенья.
И всё, что сбудется потом,
Теряет всякое значенье.

Уйду, как все, в последний путь,
Что кем-то высшим предназначен.
И я не пробую вернуть
Ни поражения, ни удачи.

* * *

До нужной станции осталось
Совсем немного. Поезд мчит!
Преодолей свою усталость
И груз накопленных обид.

Преодолей пустые веки,
О совершённом не скорбя.
И не жалею о том успехе,
Который умер для тебя.

* * *

Ах, дорога, дорога,
Как ты ранишь меня!
Мне осталось немного
До исходного дня.

Мне осталось немного
До простого огня...
Ах, дорога, дорога,
Как ты ранишь меня!

* * *

Иду по снежному ковру.
Дорога так бела!
Я думала, что я умру,
Но я не умерла.

О боже, как мне хорошо
Под этим морем звёзд!
А накануне снег прошёл
И стёр остатки слёз.

* * *

В этой солнечной комнате
Каждый отзвук храня,
Вот спасибо, что помните,
Не забыли меня...

Вот спасибо за преданность
Через годы и дни!
Только богу и ведомо,
Как промчались они.

* * *

Что ты, смерть, повремени!
Я ещё не надышалась.
Слишком быстро мчатся дни,
Слишком тягостна усталость.

И когда в последний раз
Ты войдёшь ко мне без стука,
Я скажу, не тратя фраз:
— Мне сладка и эта мука!

* * *

Как быстрый пламень от костра
Летят неслыханные вести.
И боль невыносимо остра
Лишь оттого, что мы не вместе.

А боль — невыносимо остра —
Меня повсюду настигает,
Как быстрый пламень от костра,
Где промежутка не бывает.

* * *

Они хватаются за форму
Лишь потому, что сути нет.
Им кажется законной нормой
Любой поверхностный ответ.

Лишь ординарностью своею
Они притягивают взгляд.
Они иначе не умеют,
А, может быть, и не хотят.

* * *

Мне хочется побыть одной,
Чтоб уловить живые строчки.
Кружится тайна надо мной
В неуловимой оболочке.

Кружится тайна, словно сон.
И обещает мне награду.
А снег летит со всех сторон
Навстречу солнечному саду.

* * *

Сердце очень изменилось,
Сердце стало не таким.
Видно, суть ему открылась,
Неизвестная другим.

Изменился ритм ударов,
Стал другим его размах.
Не проходят, видно, даром
Ни любовь, ни боль, ни страх.

* * *

Иду навстречу саду,
А он – совсем пустой.
И восемь строк в награду
За холод и простой.

И восемь строк в награду,
И сердце бьётся в них.
Я оставляю саду
В пути рождённый стих.

* * *

Стихи, написанные вдруг,
Стихийно и спонтанно,
Спасают от страстей и мук
И лечат – как ни странно!

И помогают перенести
Любые огорченья.
Их написать – большая честь,
А иногда – мученье.

* * *

Мне негде жить. Я пропадаю.
Какой везде ажиотаж!
Пойдёшь к одним – вернёшься в стаю,
Пойдёшь к другим – себя продашь.

Так и мотаюсь без приюта,
И ветер гонит, как песок.
Лишь редко выпадет минута
Передохнуть на краткий срок.

* * *

Так торопливо дни уходят,
Что не успеешь угадать,
Когда и в сердце, и в природе
Опять наступит благодать.

Спи! Колыбель твоя готова,
И всюду царствует покой.
И только ночь следит сурово
За недописанной строкой.

* * *

Блага обещаны, но поздно –
Осталось слишком мало дней!
И только преданные звёзды
Мне светят с каждым днём верней.

И только тихие поляны
Готовы также, как всегда,
Перечеркнуть мои обманы,
Мои ошибки и года.

* * *

Мешает дождь, мешает шум,
Мешает всё на свете!
И слишком много горьких дум
На солнечной планете.

Я огорчаюсь каждый раз,
Что не умею сразу
Сорвать покров с фальшивых фраз,
Рождённых по заказу.

* * *

Постигни суть вещей,
Преодолей усталость!
Для каверзных речей
Здесь места не осталось.

Здесь зреет простота
В своей первооснове,
Раскованы уста
На самом ясном слове.

* * *

Я потревожила сосну
Небрежным взглядом.
Я караулила весну
С тобою рядом.

И мне хотелось удержать
Минуты света
И записать в свою тетрадь
Слова про это.

* * *

Не предвещай, кукушка,
Мне самых долгих лет!
Полна до верха кружка,
Но жажды больше нет.

Полна до верха кружка,
Но я люблю покой...
Лети, моя подружка,
Ещё кому-то спой!

* * *

Ясно мне, что мы не венчаны,
Ясно мне, как божий день.
Только судьбы переменчивы —
Вслед за солнцем ходит тень.

И поэтому не следует
Постигать событий всех,
Поражение звать победою
И крушением — успех.

* * *

Как часто дорога земная
Размыта движеньем волны.
Откуда берётся, не знаю —
Смертельное чувство вины.

За что? Перед кем? Непонятно.
А только блуждаешь и ждёшь,
Что кто-то вернётся обратно,
А кто-то погиб ни за грош.

* * *

Из каких запасов памяти
Он приходит, этот миг?
Словно вы мудрее станете
И поверите в других.

И земля на миг покажется
Колыбелью торжества.
И смятение уляжется,
Как увядшая трава.

* * *

С тех пор прошло совсем немного,
Каких-нибудь пятнадцать лет.
Но всё, о чём судила строго,
Того уже в помине нет.

Пришли совсем другие люди.
И книги пишутся не те.
И по-другому сердце судит
О сложности и простоте.

* * *

Подтекста нет у этих слов,
А есть лишь примитив.
Как нынче беден мой улов,
А голос – еле жив!

И я напрасно говорю,
Что воспеваю свет,
И славлю нежную зарю,
Когда дыханья нет.

* * *

Не о том я тревожусь,
Не о том, не о том...
Всю мою непохожесть
Зачеркнули крестом.

Я теперь, как другие,
Также радуюсь дню,
Не узнав ностальгии,
В сердце верность храню.

* * *

Будь снисходительней немного,
Не обижайся на других!
Смотри – у самого порога
Уже стучится новый стих.

Ты слышишь робкое звучанье,
А вот и первая строка...
Вмести в неё своё дыханье
И улетай за облака.

* * *

Ничто не меняется в мире,
Лишь форма иная, не суть.
Поступки, как тяжкие гири,
И страшно в себя заглянуть.

И что же в конечном итоге?
Все выводы хрупки, как дым.
А то, что задумали боги,
Мы всё по-другому творим.

* * *

О, эти вечные циклоны!
Давление скачет вверх и вниз.
И нас сопровождают стоны.
Людей, что старыми звались.

И сами мы стареем тоже,
Не замечая каждый раз,
То след дождя на нашей коже,
То солнце, что коснулось глаз.

* * *

Искажённые тени
Всё плывут и плывут...
Сколько было падений,
Сколько горьких минут!

Так вот я и осталась
У последней стены.
И настала усталость,
А хотелось — весны.

* * *

Я наполняю этот дом
Своей фантазией досужей.
Реальный мир идёт на слом —
Я тку ковёр старинных кружев.

Я разворачиваю нить
Заброшенных воспоминаний.
Чтоб их в одно соединить,
Как этажи старинных зданий.

* * *

Тихие аллеи,
Ясные к утру.
Кто-то пожалеет,
Если я умру.

Солнце на поляне
На исходе дня.
И кому-то станет
Грустно без меня.

* * *

Как грустно бывает порой
На прошлую жизнь оглянуться!
Как будто проходишь сквозь строй
И нити последние рвутся.

Как будто не знаешь, когда
Всё это случилось с тобою.
И медленных дней череда
Ушла невозвратной тропой.

* * *

Куда мне деваться – не знаю.
Нет места ни там и ни тут.
А есть ли дорога лесная,
Где травы спокойно цветут?

Дорога, где их не погубят,
Дорога, где их не сомнут.
Не ранят внезапно и грубо
В течение кратких минут?

* * *

Последние вспышки тепла!
Последние проблески лета!
Но жизнь не совсем утекла —
Осталась на донышке где-то.

Хоть несколько жалких крупиц —
И это равняется дару.
Но, боже, спаси от тупиц,
Придумай гуманную кару!

* * *

День, наполненный минором,
Отступает прочь.
Как бродяга под забором,
Я встречаю ночь.

И не знаю, где мне деться,
Где найти приют.
И душа моя и сердце —
Всё осталось тут.

* * *

О, помоги мне устоять
Перед лавиной зла!
И пусть останусь я опять
Такой, какой была.

О, помоги вернуться в дом,
Который душу спас!
И пусть идут своим путём
Все те, кто предал нас.

* * *

Не суди опрометчиво
О поступках чужих.
Категории вечные
Есть всегда и для них.

И волнуют, и мучают,
Как тебя и меня –
Не от случая к случаю –
До последнего дня.

* * *

Я хандру убивала,
Как живого врага.
Чтоб она не мешала
Приходить на луга.

Приходить на поляны,
Воспевать тишину.
И в любые туманы
Обнаружить луну.

* * *

Я вышла на людную площадь,
Где высится столько трибун!
И вспомнила милую рощу,
Где ветер касается струн.

И пробует без дирижёра
На каждой травинке сыграть.
И слышится – пение хора –
И я раскрываю тетрадь.

* * *

Мимо тонкой берёзовой рощи
Прихожу я бродить по утрам
И смотрю равнодушной и проще
Я на мир заблуждений и драм.

Не ищу я уже разъяснения,
Ничего не пытаюсь понять.
Только слушаю зимнее пенье —
И в душе настаёт благодать.

* * *

Иду я по снегу, о прошлом скорбя,
А ветры бесчинствуют злобно.
Люблю его, господи, так, как тебя —
Сильнее любить — не способна.

Прости за кощунство, за жалкую речь,
За срывы, мольбы и просчёты!
Но душу я всё же — сумела сберечь,
И живы в ней чистые ноты.

* * *

Нет больше фантазий — ушли,
От них — ничего не осталось.
Встаёт холодок от земли,
И следом — приходит усталость.

А, кажется, только вчера —
Всё было совсем по-другому!
Иная приходит пора
На подступах к вечному дому.

* * *

Как странно, что однажды
Я больше не вернусь!
Не будет снов и жажды,
Не одолеет грусть.

Не будет ни ошибок,
Ни промахов, ни зла,
Ни мёртвой снежной глыбы,
Что на пути легла.

* * *

Сумятица земная
Преследует меня.
Везде игра двойная
И мрак при свете дня.

О, уходите дальше
Все мнимые друзья!
Мутит от вашей фальши
И убежать — нельзя.

* * *

Может, слов и не надо,
Может, лучше без них?
Только где же награда
За написанный стих?

Только как же я буду
Говорить о луне,
Что блуждает повсюду,
Но приходит ко мне...

* * *

Ах, перекрёстки всех дорог —
В снегах и глыбах!
Как будто подвели итог
Моих ошибок.

Снегам положено кружить
В лучах и блёстках,
Но я не знаю, как мне быть
На перекрёстках!

* * *

Что значит время? Бег теней,
Звучание кантаты?
Сплошная вереница дней,
Где есть слова и даты?

А, может быть, движение сил
К одной единой цели,
Где каждый только средством был
От самой колыбели?

* * *

Всё кончается на свете,
Всё подряд —
Вьюги, бури, снег и ветер,
Дождь и град.

Всё кончается, как будто —
Навсегда —
Люди, книги, звёзды, сутки —
И года.

* * *

Что за слабость – плакать хочется!
Отчего – не разберу.
Может быть, от одиночества,
Может, просто – не к добру.

Может, это огорчения
Надвигаются стеной –
И великое затмение
Проступает надо мной.

* * *

Романтики, фанатики,
Причуды всех мастей!
Как дорого вы платите
За мир прекрасный сей!

Как вы неосмотрительны,
Как обижают вас!
И ревностные критики
С вас не спускают глаз.

* * *

Вошла в чужую полосу,
Меня тиранит страх.
Какую тяжесть я несу!
Всё на своих плечах.

Молчат стихи. Не видно звёзд.
Везде – один провал.
И оборвался хрупкий мост –
И гибель начертал.

* * *

Готовность к смерти —
Не тяжела.
Не снилась церковь,
Но скорбь — была.

Но скорбь давила,
Как тяжкий груз.
И я забыла,
Чего боюсь.

* * *

А, впрочем, так и надо —
Я позабыла страх.
И ждёт меня награда —
Не превратиться в прах.

И ждёт меня награда —
Оставить душу здесь.
Я знаю — так и надо —
За всё — возмездье есть.

* * *

Всё кажется сном несуразным,
Недолгим, развеянным прочь.
А громкие речи и фразы —
Непрочны, как летняя ночь.

Прощайте, мои заблужденья,
Блужданья мои в никуда!
И мне обещают забвенье —
Холодные полчища льда.

* * *

Ахматовой

Что делать, моя дорогая.
Мы связаны цепью одной!
И, нежные песни слагая,
Уходим одна за другой.

Уходим. Куда – неизвестно.
Быть может, в далёкий предел,
Где будет и хмуро, и тесно,
Чтоб голос по-прежнему пел.

* * *

Ахматовой

И все слова, и все устои –
Пустая форма для вещей.
Я знаю точно, что не стою
И тени истинной твоей.

И в мире подкупа и гнева,
Среди отчаянья и зла –
Ведь ты была, как королева,
И ты единственной была.

* * *

Ахматовой

Вот и райские кущи,
И прозрачность крыла...
Ты была – вездесущей,
Это я поняла.

Пусть твой голос всё глуше –
Я его узнаю.
И поверила в душу
Неземную твою.

Послесловие.

Впечатление первого читателя

Появление послесловия обусловлено несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что прочитанная книга невероятно интересна. Притягивает название, увлекает, оно очень позитивно, зовёт в завтрашний день. Автор показал разные сценарии из жизни Ольги Тимофеевны Бондаренко и модели построения отношений. Коллекция многих документов для написания книги собиралась годами. Этот труд, безусловно, требовал не только времени, терпения и определённых навыков, но и знаний в сфере литературы, поэзии и психологии человека. Общая эрудиция и знания помогли автору «раскодировать» иногда плохой и неразборчивый почерк Ольги Тимофеевны Бондаренко. Автору также удалось поработать не только с дневниками, но и с записными книжками, заметками, разного рода записками, обрывками цитат на бумажных салфетках, полученными и от дочери Ольги Бондаренко, и от других людей, фотодокументами и рукописными тетрадями поэта. Тем не менее, всегда остаётся что-то нераскрытое, недописанное. К сожалению, этого невозможно избежать.

Писать о людях, которых знал, всегда тяжело, потому что всё может показаться субъективным. Каждая мысль в этой книге – личное переживание, откровение автора. Книга дарит нам ни с чем не сравнимое соприкосновение с творчеством, удовольствие общения с прекрасной поэзией. В произведении рассматривается воспитание красоты духа творческой личности как многомерное действие, а также роль поэзии в процессе становления и духовного развития. Книга о нежной испепеляющей страсти, глубокой боли, искренней вере и светлой надежде. На бумаге слова становятся живыми только для тех, кто хочет их понять. Это книга памяти, раскрывающая образ удивительного человека – Ольги Тимофеевны Бондаренко в разных аспектах её деятельности: и как библиографа-трудоголика, и как сверхэрудированного филолога, но более всего – как истинного поэта.

Это книга о человеке, который не мог перестроиться и подстроиться под окружающую действительность. Ольга Тимофеевна Бондаренко оставалась верной самой себе.

Не она уходила от окружающих её людей. Это они, не сумев объясниться и понять, ушли от неё. Да, многие не сумели понять и принять её. Радует, что хоть сейчас, спустя десятилетия, через столько лет после её ухода из жизни, появляются люди, которые не только собирают творческое наследие поэта, но и пытаются рассказать о её жизни. Этапы формирования личности представлены через незабываемые стихи, воспоминания дочери, близких и не очень близких людей, сотрудников, воспоминания самого автора, а также непосредственно через её дневники, встречи, разговоры, размышления и личные записи.

Издание проиллюстрировано фотографиями из домашнего архива дочери Ольги Тимофеевны – Анны Акуловой, а также – разными фотодокументами из Мемориального фонда Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко.

Наталия Филатова,
ценитель и почитатель
поэзии О. Т. Бондаренко.

Список источников

1. Библиографическая работа библиотек Украины : материалы теорет. конф. (19 – 21 окт. 1951 г.) ХГНБ им. В. Г. Короленко; отв. ред. Г. А. Мирошниченко. – Харьков, 1952. – 95 с. – Из содерж.: Построение раздела систематического каталога «Языкознание» / О. Т. Акулова.
2. Бондаренко, О. Вере Григорьевне Трамбицкой [сотрудник ХГНБ: стихи] / публ. А. В. Акуловой, С. Б. Шоломовой // Слобід. край. – 2003. – 11 жовт.
3. Бондаренко, О. Т. Зелёный дождь : стихи / сост. С. Шелковый. – Харьков : Майдан, 2005. – 72 с.
4. Бондаренко, О. Т. И живёт моя частица в светлой книге бытия : [сб. стихов / О. Бондаренко ; сост. С. Б. Шоломова]. – Харьков : Б. и., 2003. – 192 с.
5. Бондаренко, О. Т. «... И живёт моя частица в светлой книге бытия...» (из неизданного творческого наследия) / О. Т. Бондаренко ; [сост. и авт. вступ. ст. С. Б. Шоломова]. – Харьков : Б. и., 2010. – 288 с., 1 л. порт.
6. Бондаренко, О. Т. «... И живёт моя частица в светлой книге бытия...» (из поэтического наследия) / О. Т. Бондаренко ; [сост. и авт. вступ. ст. С. Б. Шоломова]. – 2 изд., испр. и доп. – Харьков : Б. и., 2010. – 242 с.: ил.
7. Бондаренко, Ольга «Я пройду пламенеющим садом...» : стихи / сост. Л. Пятак /. – Харьков : Новое слово, 2011 г. – 76 с.
8. Володимир Галактіонович Короленко: 1853 – 1953 : (бібліогр. та метод. матеріали до 100-річчя з дня народж.) / ХДНБ ім. В. Г. Короленка. – Харків : Книжк. палата УРСР, 1953. – 43 с. Склад.: Н. С. Сігал, О. І. Черкашин, О. Т. Бондаренко, Т. Г. Шерстюк.

9. Маркович Я. «И чуточку жалко, и чуточку грустно...»
// Лит. учёба. – 1986, №5. – С. 204 – 208.

10. Доклады, лекции, методические материалы, отчёты, протоколы, воспоминания сотрудников отдела научной систематизации, предметизации и организации систематических каталогов ХГНБ имени В. Г. Короленко.

11. Мемориальный фонд Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко [Материалы из истории].

12. Образ молодого человека в советской художественной литературе : (библиогр. обзор) / ХГНБ им. В. Г. Короленко ; сост. О. Т. Бондаренко. – Харьков, 1955. – 12 с.

13. Рукописные дневники О. Т. Бондаренко.

14. Рукописные сборники поэзии О. Т. Бондаренко.

15. У великій дружбі з книгою : про досвід перед. б-к Харківщини / ХДНБ ім. В. Г. Короленка. – Харків : Книжк.-газ. вид-во, 1950. – 61 с. – Складачі: Н. Сігал, Е. Шапіро, В. Некрич, О. Акулова, Т. Шерстюк.

16. Чегринець, М. М. У круговороті наукових знань : з минулого до сьогодення (з історії відділу наукової систематизації, предметизації та організації систематичних каталогів // Зб. наук. пр. Вип. 8 / М-во культури України ; Харків. держ. наук. б-ка ім. В. Г. Короленка. – Харків, 2016. – С. 108 – 143.

17. Харьковская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко. Личный архивный фонд № 51 (О. Т. Бондаренко).

18. Чегринец, М. Сквозь откровение воспоминаний... : к 125-летию Харьк. гос. науч. б-ки им. В. Г. Короленко / М. Чегринец. – Харьков, 2011. – 24 с.

19. Чегринец, М. Н. Сквозь откровение воспоминаний : к 130-летию Харьк. гос. науч. б-ки им. В. Г. Короленко : мемуар. - худож. изд. / М. Чегринец ; Харьк. гос. науч. б-ка им. В. Г. Короленко. – [2-е изд., перераб. и доп.] – Харьков: Форт, 2016. – 96 с.: ил. – Список работ авт.: с. 87 – 89.

Содержание

Слово к читателям	5
Необычная женщина	10
Первая встреча и неожиданное знакомство	12
Обзоры литературных новинок.....	16
Стихи и душевные переживания	20
Из детства	33
Юность: влюблённая в жизнь	43
Замужество	50
Одиночество	53
Анна Ахматова в жизни О. Т. Бондаренко	60
Маргарита Алигер и Ольга Бондаренко.....	68
Из переписки Ольги с Елизаветой Яковлевной Ильюшиной (Воробьевской).....	71
Ольга Бондаренко и дочь Анна.....	82
Воспоминания дочери Анны	97
Бездомница	100
Верные друзья	110
Дневники в жизни Ольги Бондаренко.....	112
Единение с природой	129
Поэзия и личность	136
Посмертная жизнь стихов Ольги Бондаренко.....	148
Последнее пристанище	150
Восхищение навсегда	153
Стихи Ольги Бондаренко последних лет жизни	155
«На гребне волн меня качало»	155
«Холодный дом, как дом из стали»	155
«Это – мнимые люди, может, просто шакалы»	155
«Всюду – купля-продажа»	156
«Мгновенье с веком спутала»	156
«Всё в одну киноленту»	156
«На безлюдной дороге».....	157
«Поставила на карту»	157
«Всё брошено в пропасть навек»	157
«Не знаю, зачем я осталась»	158
«Я знаю – просить бесполезно»	158
«Боже, всё рассыпается в прах! ».....	158

«Ах, сколько стихов погасила»	159
«Крыши, словно сухая ладонь».....	159
«Следы страстей, следы утрат».....	159
«Я старая, как мир».....	160
«Лукавит сердце день и ночь».....	160
«Земля – чернее ночи».....	160
«Плачу я дань за одиночество»	161
«Господь отвёл! Какое благо!».....	161
«Брожу я по самому краю»	161
«Память – всё разграничила»	162
«Совсем внезапный».....	162
«Как бродят мысли далеко».....	162
«Весна захватила врасплох»	163
«Опять существую, как прежде».....	163
«Всё так останется и впредь»	163
«Зачем только так далеко».....	164
«Так и будет».....	164
«Пускай живу на склоне дней»	164
«Была здесь логика, наверное».....	165
«Была магическая сила».....	165
«Я проникаюсь тишиной».....	165
«Я уговорам не поддамся».....	166
«Повремени ещё немного»	166
«Мир – существует. Он – ничей».....	166
«Что делать мне с моей тоской»	167
«Вьётся кружево природы»	167
«Все походы здесь кончались».....	167
«Плащаница – всё впитала».....	168
«Поляна – в форме круга».....	168
«Вот он – последний рубикон»	168
«Бездомье, что ли, или мрак»	169
«Сумасшедший век двадцатый!»	169
«За солнечной оградой»	169
«Забыты зимние метели»	170
«Оранжевые нити».....	170
«Голубое огромное небо»	170
«О, дождь немилосердный».....	171
«Почему, когда сносят дома»	171
«Становится уже и уже»	171

«Девятнадцатый век – догорел».....	172
«Здесь душа посты расставила».....	172
«Мы – не коммуникабельны».....	172
«Затишье после бури»	173
«Не спешите, люди добрые».....	173
«Как самым ценным кладом»	173
«Под алой кромкою»	174
«Ты не бываешь далеко».....	174
«Кто виноват, что я глупа»	174
«Не швыряйте слов на ветер».....	175
«Ах, не старайтесь объяснить».....	175
«Ах, догнать, догнать, догнать»	175
«Как долго длился тёмный путь!»	176
«Кто ткал ковёр из наших мыслей»	176
«Ну, что поделаешь, когда».....	176
«Господи, где тот покой».....	177
«Бедные поэты!»	177
«Никому я этой чести»	177
«Как люди любят осуждать!».....	178
«Продайте мне имя!».....	178
«Спокойно и плавно текут»	178
«Нет, я ни с кем не поменяюсь».....	179
«Бывают дни разлада».....	179
«Всё ближе к природе, всё дальше»	179
«Ах, паром, не отчаливай».....	180
«Сколько в мире вульгарности!»	180
«О, эти мнимые друзья».....	180
«Мимо солнечных качелей	181
«Подведён итог, и я»	181
«Как будто верный часовой»	181
«Благодарю тебя, судьба»	182
«Ягнула спину день-деньской»	182
«Я стала такой неуклюжей! »	182
«Спустилась я с высоких гор».....	183
«Не знаю, исповедь ли это»	183
«Сколько лет миновало»	183
«Я славлю жизнь в её звучаньи».....	184
«Когда над городом плывёт туман»	184
«Вся жизнь пролетела с такой быстротой».....	184

«Ах, деньги, деньги... Сколько лет»	185
«Святая простота!»	185
«Никто не отвечает»	185
«Я землю целую за то, что она»	186
«Рубеж даётся неспроста»	186
«Дома пошли под снос»	186
«Нет, я ещё не всё сказала»	187
«Стихи, как горная река»	187
«Я отодвинула заботы»	187
«Не будьте глухими, услышьте меня»	188
«Пустая жизнь бывает»	188
«Мгновенья, как листья – иди собирай! »	188
«Последний раз я в этот дом»	189
«До нужной станции осталось»	189
«Ах, дорога, дорога»	189
«Иду по снежному ковру»	190
«В этой солнечной комнате»	190
«Что ты, смерть, повремени! »	190
«Как быстрый пламень от костра»	191
«Они хватаются за форму»	191
«Мне хочется побыть одной»	191
«Сердце очень изменилось»	192
«Иду навстречу саду»	192
«Стихи, написанные вдруг»	192
«Мне негде жить. Я пропадаю»	193
«Так торопливо дни уходят»	193
«Блага обещаны, но поздно»	193
«Мешает дождь, мешает шум»	194
«Постигни суть вещей»	194
«Я потревожила сосну»	194
«Не предвещай, кукушка»	195
«Ясно мне, что мы не венчаны»	195
«Как часто дорога земная»	195
«Из каких запасов памяти»	196
«С тех пор прошло совсем немного»	196
«Подтекста нет у этих слов»	196
«Не о том я тревожусь»	197
«Будь снисходительней немного»	197
«Ничто не меняется в мире»	197

«О, эти вечные циклоны!»	198
«Искажённые тени»	198
«Я наполняю этот дом»	198
«Тихие аллеи»	199
«Как грустно бывает порой»	199
«Куда мне деваться – не знаю»	199
«Последние вспышки тепла!»	200
«День, наполненный минором»	200
«О, помоги мне устоять».....	200
«Не суди опрометчиво».....	201
«Я хандру убивала»	201
«Я вышла на людную площадь»	201
«Мимо тонкой берёзовой рощи».....	202
«Иду я по снегу, о прошлом скорбя».....	202
«Нет больше фантазий – ушли»	202
«Как странно, что однажды»	203
«Сумятица земная»	203
«Может, слов и не надо».....	203
«Ах, перекрёстки всех дорог»	204
«Что значит время? Бег теней»	204
«Всё кончается на свете»	204
«Что за слабость – плакать хочется!».....	205
«Романтики, фанатики»	205
«Вошла в чужую полосу»	205
«Готовность к смерти»	206
«А, впрочем, так и надо».....	206
«Всё кажется сном несуразным».....	206
«Ахматовой Что делать, моя дорогая»	207
«Ахматовой И все слова, и все устои»	207
«Ахматовой Вот и райские кущи»	207
Послесловие. Впечатление первого читателя	208
Список источников.....	210

Чегринець Марія Миколаївна

**«Нам виден свет сияющего завтра»
(спогади про поета Ольгу Бондаренко)**

(російською мовою)
Редактор С. М. Миценко

Відповідальний за випуск В. Д. Ракитянська, заслужений
працівник культури України

Чегринець М. «Нам виден свет сияющего завтра» : (спогади про поета Ольгу Бондаренко) / Марія Чегринець ; М-во культури України, Харків. держ. наук. б-ка ім. В. Г. Короленка. – Харків, 2019. – 220 с.

Підписано до друку 20. 03. 2019 р.
Формат 60×84 ^{1/16}. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк ксерографічний. Ум. друк. арк. 13,0. Обл.-вид. арк. 11,2.
Наклад 65 прим. Зам. №03-19

ТОВ «Видавництво «Лідер»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного
реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції,
серія ДК №4224 від 08.12. 2011 р.
61168, м. Харків, вул.Валентинівська, 12
тел. (057)758-77-75

Для заметок

Для заметок

